

ЛУЛИ
Лесной
царь

Зарабатывала я себе на жизнь своим актерским талантом. Роли у меня были разные, я соглашалась даже на самые авантюрные: побыть подставной невестой на свадьбе, притвориться чьей-то девушкой, даже женой на званом вечере.

Однажды весьма богатый мужчина предложил мне стать его дочерью всего лишь на день, а я и согласилась, даже не догадываясь, что эта роль окажется роковой...

Что-то не припомню, чтобы от меня требовалось выходить замуж за лесного царя. Да еще и в другом мире. Но, самое главное, по-настоящему!

Пролог

«Ты мне нужна...»

Голос, в котором слышались шелест листвы и шепот сумеречного ветра, звучал отовсюду. Он был и близко, и далеко, заставляя вибрировать землю под ногами и звенеть воздух.

Я находилась в лесу, стоя у высоких деревьев, меж толстых стволов которых плавал голубоватый туман. Синее сияние наполняло пространство вокруг, напоминая, что мне всё это снится. Просто сон.

Всё, что я вижу, это нереально, поэтому бояться или паниковать не было смысла.

«Вернись ко мне...»

— Кто это говорит? — обратилась я в пустоту.

Но пустота мне не ответила. Только в груди вдруг заняла давно позабытая тоска. Шаг за шагом я мерила лесной подзол, влекомая интуицией, которая подсказывала мне, куда идти. Она превратилась в натянутую и пульсирующую нить, видимую лишь мне одной.

Эта нить вывела меня на поляну, где пространство было покрыто морозным инеем. Потусторонний холод мешал дышать, и я поежилась, но уйти отсюда не могла, будто ноги корнями приросли к земле подобно деревьям. Я не могла двигаться.

Я огляделась и вздрогнула от неожиданно захлестнувшего волнения. Всё мое внимание привлекла одинокая мужская фигура, сидящая на траве и развернувшаяся ко мне спиной.

Мужчина был одет в темный бесформенный плащ, который напоминал лоскут ночного неба, затянутого грозвым облаком. Незнакомец опустил голову к коленям, всем своим видом напоминая статую тоски и печали. Казалось, холод исходил именно от него.

Я сделала попытку подойти к нему и поняла, что контроль над телом вернулся и ноги меня слушаются. Значит, подойти к мужчине было правильной мыслью. Пусть медленно, продираясь сквозь ставший ватным воздух, но я наконец добралась до одинокой фигуры и присела рядом с ней.

Время растянулось, как патока, и было ощущение, что мы сидим в безмолвии уже целую вечность. Я уже привыкла к холоду и тишине, мне больше не хотелось ни увидеть лица мужчины, ни прикоснуться к нему.

— Тебя ведь на самом деле здесь нет? — вдруг произнес он, поднимая голову и поворачиваясь ко мне.

Я даже не удивилась, что голос, который я слышала до этого, принадлежал именно ему. Удивительным мне показались только его серые глаза, такие уставшие и печальные, а еще потухшие и уродующие поразительно красивое лицо.

Это лицо было до боли знакомым, но где я его видела — вспомнить не получалось, словно по воспоминаниям насильно провели ластиком, оставив разводы.

- Я не знаю, есть ли я или нет, ведь все это сон. — мой ответ запутал меня саму. — А кто ты?

— Не помню. — признался он, печально улыбувшись.

А потом вдруг привлек меня, укладывая на свои колени, и склонился к моему лицу. Я не сопротивлялась, понимая, что его прикосновения рождают знакомые чувства, превращаясь в ностальгию, доводящую до слез и тоске по невозвратно утерянному.

Мужчина ласково провел носом по моей щеке, потом призрачно коснулся губ и прошептал:

— Почему я по тебе скучаю? Почему ты мучаешь меня?

— Я не знаю, — мне захотелось плакать, и горло буквально сковали рыдания.

А он начал покрывать мое лицо поцелуями: нежными, окропленными иступлением и любовью. Я приподнялась, обнимая мужчину за шею и прижимаясь к нему.

Несмотря на нереальность происходящего, все эмоции были настоящими и слишком сильными. Мы просидели так в обнимку незнамо сколько времени, а потом я закрыла глаза и...

И проснулась.

Комната встретила меня темнотой и привычным шумом ночного города за окном. Рядом лежал парень и сопел как ни в чем не бывало, его мерное дыхание так отличалось от моего — судорожного и частого...

Я присела на кровати и коснулась лица — оно было мокрым от слез. Плечи же дрожали от холода, что особенно странно в разгар лета. Дышать из-за духоты было трудно, даже раскрытые окна не спасали, и несмотря на это я ухитрилась замёрзнуть...

А причиной тому был сон! Нет, видимо, нельзя, чтобы всё в жизни складывалось хорошо, обязательно должно быть нечто омрачающее.

Мне можно позавидовать и в карьере, и в личной жизни: я была успешной и счастливой, если не считать безумных снов, заставляющих просыпаться в слезах.

Мой парень давно советовал обратиться к специалисту, ну что ж, видимо, он прав. Мне действительно стоит сходить к неврологу или психотерапевту.

Я помотала головой, чтобы избавиться от наваждения, навестившего меня из мира грёз, легла обратно на подушку, но заснуть так и не смогла.

Глава 1. Большая удача

За три года до событий, описываемых в Прологе...

Я сидела напротив ноутбука и смотрела на него. Ноутбук тоже смотрел на меня, гипнотизируя только что пришедшим на электронную почту письмом.

Сто тысяч рублей... Мне предлагали сто тысяч за роль, которую я буду играть всего лишь несколько часов! Нет, это все какой-то обман! Ну, конечно! Дураков на свете хватает, которым лишь бы разыграть кого-нибудь, поиздеваться, поглумиться. Чувствуют же, гады, что мне нужны деньги.

Я мечтала снять собственное кино, авторское, но для этого нужны были деньги. Работая в провинциальном театре, таких денег заработать невозможно, а в кинематограф пробиться не получилось. Там и так хватало таких, как я: молодых неопытных актрис, только что закончивших театральное училище и мечтающих сняться в фильме или сериале.

У многих, правда, были связи и знакомые, но у меня их не было. А через постель я пробиваться не собиралась, хотя мне и не предлагали, видимо, побаиваясь моего воинственного выражения лица и колючего взгляда, который появлялся всегда, когда моя подозрительность улавливала двусмысленные намеки.

Так что я отказалась от бесчисленных собеседований, кастингов и кинопроб, обосновавшись в своем театре, где мне, правда, не так часто удавалось ухватить главную роль, но я не отчаивалась. Зато у меня было свободное время для того, чтобы подрабатывать в кафе, а иногда и своим актерским талантом.

Весь мир — театр, а люди в нем актеры! Я играла не только на сцене, но и в жизни, соглашаясь на спектакли, где уже нельзя было совершить ошибку или выдать себя, проколовшись, что являешься актрисой.

За свою карьеру я успела побыть и девушкой гея, которого родители заставляли познакомить со своей возлюбленной. Тогда я успешно отыграла «студентку, комсомолку, спортсменку — и просто красавицу» и вызвала восторг у стариков.

Была я и невестой одного предпринимателя, которого девушка бросила прямо перед свадьбой из-за его измен, а он, чтобы не упасть лицом в грязь перед уже приглашенными коллегами и партнерами, обратился к моим услугам...

За такие роли мне платили достаточно много, но подобные предложения поступали редко. Чаще приходилось сталкиваться с шутками, издевательствами и уж совсем непристойным безобразиями, на который я бы ни за что не согласилась.

Вот и сейчас не было уверенности, что надо мной снова не издеваются интернет-шутники, которые наткнулись на мой профиль. Я прочитала имя отправителя письма. Львов Георгий Леопольдович. Потом полезла в Яндекс, надеясь найти хоть какую-то информацию о нем, и удивленно захлопала ресницами.

Так, бизнесмен, владелец акций и соучредитель нефтяной компании. От избытка столь успешных слов у меня закружилась голова.

Я проверила официальную почту этого товарища, и она сошла с той, откуда мне было прислано письмо... Так, а это уже интересно!

Я еще раз перечитала его. Значит, мне нужно притвориться дочерью бизнесмена всего лишь на один день. Детали будут обсуждены при личной встрече и только при моем согласии. Мне предлагали аванс в пятьдесят тысяч, а остальные деньги уже после того, как я отыграю роль. Что ж, логично.

Я, в раздумье пошатавшись по квартире какое-то время, вернулась к ноутбуку и написала ответ. Ну, я ж не дура, чтобы отказываться от такой возможности подзаработать. Мне оставалось надеяться, что свалившаяся на меня удача не окажется какой-нибудь подставой.

Вскоре пришло еще одно письмо.

Меня приглашали сегодня вечером в ресторан, чтобы обсудить детали. Ресторан этот был мне знаком, он находился в центре города и был неприлично дорогим. Я с тоской обернулась на свой шкаф, который и не знал о существовании вечерних платьев. Обычно в таком случае я брала что-то напрокат, но сейчас мне явно не удастся

подобрать себе платье за считанные часы. Ну, что ж, без трудностей никуда!

Делать было нечего, я выудила из шкафа милый летний сарафан и отправилась в нем в элитный ресторан, которому своим неподобающим видом, наверное, нанесу душевную травму. Хорошо, что я привыкла держать лицо даже в самых неловких ситуациях и не краснеть.

Где наша не пропадала! Я лишь опасалась, что этот Георгий Леопольдович увидит меня и передумает со мной связываться.

К ресторану я добралась к назначенному времени. В сумерках его вывеска уже сияла напыщенным светом, а когда я зашла внутрь, то была ослеплена роскошным убранством и великолепием.

— У вас здесь назначена встреча? — спросил администратор — тонкая девушка с роскошным бюстом и искусственной улыбкой.

Смотрела она на меня насмешливо.

— Да, встреча, — кивнула я, подходя ближе.

— За каким столиком? Я посмотрю запись.

— А это интересный вопрос... — я хмыкнула. — Вы не могли бы посмотреть, какой столик занял Льво...

— Нет, так я не могу сказать, — перебила меня девушка, — боюсь, вы что-то перепутали и вам лучше уйти.

— Нет, мне не лучше уйти.

Вот меньше всего мне хотелось спорить с администратором. Но... Почему мне действительно не сообщили номер столика? Может, просто хотели, чтобы я опозорилась у входа в ресторан? И все это розыгрыш?

Но в следующую же секунду из зала вышел мужчина и подошел к нам. Я его сразу же узнала. Это был Георгий Леопольдович, только выглядел он старше, чем на фотографиях в интернете. Темно-синий костюм, прилизанные волосы, тронутые сединой, плоское и округлое лицо, я рассматривала его, привычно пытаюсь угадать черты характера по внешности и мимике.

Георгий Леопольдович с вежливой улыбкой обратился к администратору:

— Возникли какие-то проблемы? Почему вы не пропустили мою спутницу?

— Вашу спутницу? — смутилась девушка. — Прошу прощения, вышло недоразумение...

— Что ж, надеюсь, оно больше не повторится. — Он взглянул на меня. — Прошу, пройдемте.

Я, бросив торжествующий взгляд на администратора, направилась за Георгием Леопольдовичем. У нашего столика мужчина галантно отодвинул стул, позволяя мне сесть, а на столе уже стояла бутылка красного вина.

— Что ж, Надежда, если не ошибаюсь?

— Да, — я кивнула.

— Я хотел бы не вести пустых разговоров, а сразу перейти к сути дела, если вы не возражаете. У меня слишком мало времени. Кстати, вы будете что-то заказывать?

— Нет, — вежливо отказалась я, — если у нас мало времени на обсуждение вопроса, то давайте сразу его обсудим.

Я и не смогла бы ничего съесть, потому что никогда не ела, когда чувствовала хоть какое-либо волнение.

— Вина? — предложил он.

— Спасибо, но я откажусь.

— Хорошо. — Он налил свой бокал, но так и не пригубил его.

Мужчина замолчал, о чем-то крепко задумавшись, и я, не выдержав, сама начала говорить:

— Итак, вы предлагаете мне роль. Я должна сыграть вашу дочь? Какой именно должна быть ваша дочь?

— Да, да, — опомнился Георгий Леопольдович, — понимаете! Ко мне завтра приезжает мой давний друг, с которым я очень долго не виделся. Я ему рассказывал о своей семье и, в частности, о своей старшей дочери, как об очень воспитанной и хорошей девушке, и он так хотел с ней познакомиться. Но... Понимаете! Моя настоящая дочь далеко не такая, какой я её описывал. Она взбалмошная и грубая, совсем отбилась от рук, понимаете?

Я кивнула.

— Поэтому я не могу допустить, чтобы она заставила меня краснеть перед другом! От вас же потребуются лишь быть скромной и молчаливой. На протяжении всего лишь одного ужина!

— Что ж, это ведь совсем просто, — сказала я, — вы правда готовы предложить мне такую большую сумму?

— Конечно! Я буду вам так благодарен, если все пройдет гладко и вы сумеете произвести на моего друга хорошее впечатление.

Я едва удержалась от снисходительной усмешки. Надо же, какие заморочки у этих богачей... И как им важна репутация, как необходимо чужое одобрение. Ну что ж, не мне их судить, напротив, мне только на руку их заскоки.

— Конечно, я профессиональная актриса. Все пройдет замечательно, я вам гарантирую.

— Значит, вы согласны? — на его лице засветилось самое настоящее облегчение.

— Конечно, — кивнула я, — вы говорите, ваш друг приедет завтра?

— Да, да..! Завтра! И завтра рано утром я отправлю за вами машину, которая привезет вас в мой особняк. Вся

одежда и более подробная инструкция будут выданы вам завтра.

Все складывалось действительно прекрасно, я до сих не могла поверить в то, что мне удалось сорвать такой куш! И к тому же завтра не было никаких спектаклей в театре, а в кафе меня кто-нибудь подменит.

— И, конечно, сию же минуту я перевожу вам ваш аванс! — обрадовал меня Георгий Леопольдович.

Получив деньги, я ощутила небывалый прилив хорошего настроения. А оказавшись дома, едва не визжала от счастья. Я пела и кружилась по квартире и затихла только тогда, когда добрые соседи начали аккомпанировать моему пению стучанием по батареям.

Я легла раньше обычного, чтобы успеть выспаться, но заснуть долго не могла из-за будоражащего предвкушения завтрашнего дня. Мне было самой интересно отыграть роль тихой послушной доченьки богатого бизнесмена, но, конечно, больше всего хотелось получить вторую часть денег и стать еще ближе к осуществлению мечты.

Глава 2. Куча странностей и один симпатяга

Утром я встала ни свет ни заря, чтобы собраться с мыслями и нанести макияж. Придирчиво рассмотрев себя в зеркало, осталась довольна. Не на конкурс красоты собираюсь, а всего лишь притворяться дочкой бизнесмена.

В назначенное время прямо у подъезда остановилась черная машина, блестя дорогими вымытыми боками. Я увидела её в окно и сразу же поспешила на выход. Спустившись во двор, замерла в нерешительности, но водитель, обогнув автомобиль, галантно распахнул передо мной дверь.

Сев в салон, я обнаружила там Георгия Леопольдовича и растерянно с ним поздоровалась. Вот его уж точно не ожидала увидеть, думая, что он просто отправит за мной машину, а сам будет дожидаться уже в особняке. Но нет, он сидел в машине в своем вчерашнем костюме и приветливо на меня смотрел.

— Надежда, здравствуйте, — он расплылся в улыбке, — с добрым утром. Вы прекрасно выглядите.

— Спасибо, — ответила я и поинтересовалась, — простите, а куда мы территориально едем?

— О, в соседнюю область, и надеюсь, вы взяли с собой воду?

— Воду? — удивилась я. — Нет, а зачем мне вода?

— Ехать долго, на улице очень жарко, а в машине, увы, что-то случилось с кондиционером. Вы, если захотите пить, не стесняйтесь, попросите.

— Хорошо, спасибо, — поблагодарила я и перешла к более насущной теме. — Вы вчера говорили про более подробную инструкцию того, что мне нужно будет делать.

— Да, да, да. Но давайте сначала доедем до особняка, и там уже все обсудим, не переживайте, вам все объяснят. Поверьте, ничего сложного от вас не потребуется. — Георгий Леопольдович замолчал, погружившись в свои мысли.

Конечно, детали мне хотелось бы знать заранее, чтобы иметь представление, как себя вести, но мужчина явно не желал пускаться в объяснения и вообще разговаривать, поэтому я отвернулась к окну и надела наушники.

Я не придавала особого значения словам о том, что не работает кондиционер. Но со временем почувствовала, что в салоне становится уж слишком жарко, как будто кто-то включил печку. Я потрогала сидение, пытаюсь понять, не работает ли под ним обогреватель.

— Можно открыть окно? — спросила я. — Действительно жарко.

— Можно, конечно. Да, да, жарко очень. Не знаю, как вас, но меня уже мучает жажда.

Он откинул спинку соседнего кресла, за которым оказалось пространство, заполненное бутылками воды. Он протянул мне одну:

— Будете?

Я с благодарностью взяла воду. Мне хотелось пить из-за жары, от которой кожа стала неприятно-липкой. Открыв бутылку, я с жадностью прильнула к горлышку, но с третьим глотком поняла, что вкус у воды какой-то странный, непривычный. Заскреблось нехорошее предчувствие.

— Простите, а это точно вода?

Во рту еще ощущался странный горьковатый привкус. Георгий Леопольдович взял у меня бутылку, достал одноразовый стаканчик, налил туда воду и пригубил её, потом произнес:

— Боюсь, вода стухла из-за жары. Прошу прощения, мне так неловко...

— Ничего страшного, — заверила его я.

А сама с облегчением выдохнула. Не стал бы мужчина пить то же, что и я, если бы это была непростая вода. Да и вряд ли бы мне стали что-то подмешивать, верно?

С открытым окном стало легче, я подставила лицо порывистому ветру, наплевав на то, что он растреплет всю прическу. И даже не заметила, как провалилась в дрему, липкую и даже болезненную.

— Надежда, просыпайтесь. — Кто-то тряс меня за плечо.

Я проснулась, и мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы понять, где нахожусь. Голова кружилась, а тело неприятно ломило словно в преддверии болезни. Я сидела в машине, и Георгий Леопольдович пытался меня

разбудить:

— Мы приехали.

— Простите, заснула.

Я вышла из машины и в изумлении уставилась на особняк. Он был довольно большим и уж слишком стилизованным под позапрошлый век со своими частыми большими окнами и колоннами. Усадьба Георгия Леопольдовича напоминала уменьшенный в несколько раз Эрмитаж. Вокруг здания был возведен огромный забор, за которым виднелись соседские, не менее роскошные особняки. Все ясно, я находилась в каком-то частном элитном районе.

Моё внимание привлекла и необычная скульптура, которую водрузили прямо перед усадьбой и недалеко от которой остановилась машина. Скульптура представляла собой вставшего на дыбы единорога, правда, уж слишком извращенного. У мифического существа, вырезанного из камня, было несколько пар глаз, которые, уменьшаясь от ушей к носу, занимали большую часть головы. А еще длинный хвост, напоминающий скорее львиный, был непропорционально огромным.

Да уж, специфично... Но не мне, конечно, судить скульптура и тех, кто решил поставить эту пугающую каменную животинку прямо перед домом. Может, когда сама разбогатею, то пойму этот странноватый вкус.

На свежем воздухе мне стало легче, даже голова перестала болеть. Видимо, в машине просто перегрелась.

Мы прошли в дом, и я поняла, что действительно нахожусь в музее. Нет, ну неужели в высших кругах вернулась мода на красные ковры, огромные картины во всю стену и статуэтки? Но я заметила, как по этому ковру ползет робот-пылесос, и это меня чуть успокоило. Все-таки увидеть нечто привычное в непривычной обстановке было приятно.

— Георг! — воскликнул женский голос.

Я оторвала взгляд от пылесоса и посмотрела наверх. К нам спускалась женщина в роскошном красном платье, которое было до того пышным, что я бы его назвала бальным. И как эта женщина только не боялась слиться с ковром. Она спустилась к нам, подняла руку, которую сразу же поцеловал Георгий Леопольдович, и смерила меня изучающим взглядом.

— Вы та самая актриса?

— Предполагаю, что да. — ответила я.

— Её имя Надежда. — сказал Георгий Леопольдович. — Милая, расскажи ей детали и помоги одеться. Ты всех слуг распустила?

— Да, всех, — подтвердила она и обратилась ко мне, — пойдем со мной. Нужно поторопиться, ужин совсем скоро, — потом она, замешкавшись, взглянула на мужчину и спросила, — ты уверен, что он не придет раньше?

— Уверен.

Суть их разговора мне была не совсем понятна, но, видимо, они говорили о друге Георгия Леопольдовича. Эта женщина, как я выяснила, была женой хозяина дома, она проводила меня в одну из комнат на верхнем этаже.

Все-таки находиться в столь роскошном особняке раньше не доводилось, и это прибавило мне робости, поэтому я не решилась спрашивать, почему на большинстве картин были изображены странные существа на лесном фоне.

— Итак, — женщина присела в кресло, — вашу сумку вы можете поставить в любое место. И присядьте.

Я опустилась в кресло напротив неё и поставила рюкзак рядом.

— Итак, моё имя Ринна, вы должны будете изображать мою дочь на сегодняшнем ужине. Сразу предупрежу, что на этом ужине могут звучать странные диалоги и происходить странные вещи, которые могут вас даже напугать.

Я нахмурилась, но продолжила слушать Ринну, не перебивая и только удивляясь ее странному имени. Интересно, она иностранка? Говорит вроде без акцента.

— Вы не должны пугаться. Все, что от вас требуется, это просто молчать и не поднимать взгляд, даже если вас о чем-то спросят.

— Но разве это будет вежливо? — озадачилась я. — Георгий Леопольдович хотел, чтобы я сыграла вашу вежливую и воспитанную дочь. Но если я буду все время молчать...

— От вас требуются молчание и безропотность. Просто присутствие. Остальное за мной и Георгом...

— Вы, наверное, переживаете, что я не справлюсь, — понимающе воскликнула я, — но поверьте, я смогу отыграть любой характер, и я достаточно образована, чтобы поддержать беседу...

— Нет! Мы вас просим лишь об одном!

— Ну, хорошо.

С другой стороны, и что я спору. Мне же легче. Посижу, помолчу, пятьдесят тысяч получу. Не заказ, а сказка! Вот бы всегда так.

Потом мне выдали платье. Оно было полностью белым и тяжелым, и я в который раз поворчала о странных

предпочтениях богачей. Нет, мне их заморочек не понять.

Я покрутилась перед зеркалом, с сожалением понимая, что платье на мне выглядит, как мешок для картошки: очень громоздко и незелегантно. Ринна приказала мне расплести косу, но распущенные волосы хоть и добавили моему образу трепетности, но я меньше всего была похожа на дочку миллионера, скорее на крестьянку в ночнушке.

Но я оставила свои претензии при себе. Ничего, я ведь актриса и смогу сыграть воспитанную и возвышенную даму даже голой. А тут просто страшенькое платье, подумаешь.

— И да, а как зовут вашу дочь? — спросила у Ринны, — и, может, есть какие-то отличительные черты её поведения? Например, жесты? Она левша или правша? Подвижная ли у нее мимика?

— Надежда, — вдруг печально улыбнулась Ринна, — этого не потребуется. Друг Георга... Он не знает нашу дочь. Вы должны просто сидеть, молчать, ни на что не реагировать и делать так, как скажет Георг или как скажу я. Хорошо? А зовут мою дочь Агнессой.

— Хорошо, я поняла.

Ну и ладно, ну и пожалуйста. Я же как лучше хочу... Все-таки к каждой роли привыкла подходить ответственно, просто не могла по-другому.

— Что ж, думаю, уже надо спускаться к столу. — сказала Ринна.

Я послушно последовала за ней в коридор, но когда мы уже подошли к лестнице, нас окликнули:

— Мама!

Я обернулась и увидела девушку, которая направлялась прямо к нам. В легком сарафане и с небрежным пучком на голове она была очень миловидной и симпатичной.

— Агнес! — переполошилась Ринна. — Ты должна быть в комнате и не высовывать оттуда нос! Что ты здесь делаешь!?

Агнес? Агнесса? Это настоящая дочка? Я с удивлением уставилась на девушку. Георгий Леопольдович говорил, что ему стыдно за дочь, поэтому он не хочет показывать ее своему другу. Я и представляла какую-нибудь неформалку-матерщинницу, но сейчас передо мной стоял почти что ангелочек. И, спрашивается, зачем её родители обратились ко мне?

- Я просто хотела на неё посмотреть, — сказала Агнес и начала откровенно рассматривать меня, потом произнесла, обращаясь к матери, — она красивая. Так жалко...

— Агнес! — грозно воскликнула Ринна. — Сейчас же в свою комнату!

— Да, хорошо...

Она послушалась матери и торопливо двинулась по коридору в обратном направлении, только бросила на меня взгляд, полный... Сожаления? Сочувствия? Да что тут происходит вообще!?

В груди появилось странное предчувствие, но осмыслить его мне не дала Ринна, сказав:

— Нужно спускаться.

Может, Агнес была просто слишком непослушной? И на этом ужине действительно нужно просто молчать и не разговаривать, а Агнес бы просто не смогла? Что ж, я не стала строить никаких теорий. Это в любом случае не моё дело.

Мы прошли в обеденную комнату. То, что комната была именно обеденной, я поняла по огромному столу, заполненному всякими разнообразными деликатесами и едой, которую я в жизни никогда не видела.

За столом накрытыми было четыре места, правда, три набора приборов находились по соседству друг с другом, а вот четвертый — у дальнего конца стола. Это меня смутило.

Георгий Леопольдович уже сидел за столом. Ринна молчаливо подошла и села справа от него, потом взмахом руки указала мне на мое место — слева. Я тоже опустилась на стул, исподтишка рассматривая убранство.

Интересно, друг Георгия Леопольдовича опаздывает? И как он должен прийти? Ему же наверняка кто-то должен будет открыть входную дверь. Столько вопросов и странностей... Но спрашивать я не решилась: слишком уж напряженная тишина стояла в комнате. И Ринна, и Георгий Леопольдович были такими бледными и взволнованными, что их волнение невольно передалось и мне.

Молчание стало некомфортным, а в голову начали лезть ассоциации с поминками.

— Может, он не появится? — спросила Ринна.

— Нет, он обещал.

Прошло еще какое-то время, и Георгий Леопольдович вздрогнул и уставился куда-то мне за спину, Ринна сдавленно вскрикнула, тоже посмотрев туда же, куда смотрел её супруг, при этом она страшно побледнела.

Конечно, я тоже развернулась. Но даже не из-за реакции мужчины с женщиной, а потому что почувствовала чужое присутствие, которое обдало мою спину холодом.

Нет, ну если это друг отца, то я вообще ничего не понимаю. Я увидела совсем молодого парня и откровенно залипла, разглядывая его. Не знаю, откуда он тут взялся, но он был очень симпатичным. Ну очень.

В темном фраке с высоким горлом, рослый, черноволосый, с бледной кожей и тонкими скулами, он

походил на классического аристократа. И глаза необычные, серого цвета, как высохшая от жары земля.

Короче, надо его подловить где-нибудь после ужина и взять номер телефона. Если буду снимать собственный фильм, приглашу его на пробы обязательно. Может, он модель?

Мне пришлось помотать головой, чтобы вспомнить, где я нахожусь. Этот симпатяга, кстати, совсем на меня не смотрел, его взгляд был обращен к Георгию Леопольдовичу.

— Вы все-таки пришли... — Хрипло и даже задушено сказал мужчина и поднялся, с шумом отодвигая стул, а потом низко поклонился.

Я была озадачена. Неужели этот симпатяга действительно тот самый старый друг, ради которого вся эта каша и заварилась? Ну надо же... Он же совсем молод, он сам годится в сыновья Георгию Леопольдовичу.

— Я сказал, что приду. Я и пришел, — ответил он.

А голос у него оказался приятным: завлекающий такой, бархатистый. Точно на роль какую-нибудь возьму, всё, решено.

Сама же я не забывала и о своей роли — молчаливой дочери. Я отвернулась от симпатяги, коря себя за то, что не только подняла взгляд, хотя мне нельзя было этого делать, но еще и смело и откровенно разглядывала гостя. Ну, благо, никто этого не заметил, поэтому я быстренько спохватилась и начала смиренно гипнотизировать пустую тарелку перед собой.

— Прошу, присядьте и разделите с нами трапезу. — произнесла Ринна.

— Я сюда пришел не за этим, — сказал он, обходя стол и становясь напротив меня. — Это она?

— Да, это моя дочь. — сказал Георгий Леопольдович.

Диалог у них, конечно, был странным. Я сомневалась, что старые друзья обычно так разговаривают друг с другом. Да и не похожи они были на друзей, честно...

— Как тебя зовут? — симпатяга обратился ко мне, наконец достаивая проницательным взглядом.

А я что? А я ничего. Мне сказали молчать даже тогда, когда меня спросят. Вот я и молчу.

— Моя дочь слишком напугана, — произнесла Ринна, — её зовут Агнессой.

— Напугана настолько, что не может разговаривать?

— Да, настолько. — подтвердил Георгий Леопольдович. — И раз вы уже пришли, но не согласны разделить с нами ужин, то прошу, давайте перейдем сразу к делу и завершим наш уговор. Я обещал вам жизнь своей дочери. Вот моя дочь. — Он указал на меня. — Можете забрать её жизнь. Вы собираетесь убить её прямо здесь? Может, я могу одолжить вам нож..?

Что за бред!? Я ошарашенно воззрилась на Георгия Леопольдовича. Мужчину почти трясло, он в страхе и ненормальном раболепстве глядел на парня, который, в свою очередь, вдруг широко улыбнулся, хищно наклонив голову на бок. И улыбка его не предвещала ничего хорошего, напротив, она обещала нечто очень плохое.

Так, роль ролью, но тут начало происходить что-то действительно странное и, честно, пугающее. Поэтому я молчать не стала и начала:

— Так, подождите...

Глава 3. Большая подстава

Я захотела пролить свет на происходящие странности, задав парочку вопросов, но Ринна гаркнула на меня:

— Милая, помолчи.

Она посмотрела на меня с таким отчаянием, с такой мольбой, что я даже растерялась. А симпатяга невозмутимо поинтересовался:

— И почему она должна молчать? Ах да, она все же не настолько напугана, чтобы не разговаривать.

— Я напугана буду, если вы мне не объясните, что происходит. — я поднялась из-за стола и взглянула на Георгия Леопольдовича, который уже был белее скатерти. — Что вы сказали про мою жизнь?

— Да, мне тоже интересно, — усмехнулся парень, — зачем вы предлагаете мне нож?

— Господин, к чему вся эта игра? — Георгий Леопольдович взял салфетку и дрожащей рукой вытер пот со своего лба. — Девятнадцать лет назад вы сказали, что заберете жизнь моей дочери. Так не медлите, прошу вас. Не мучьте нас.

— Забрать жизнь!? — опешила я и истерично хохотнула. — Прошу прощения, но здесь происходит какой-то сюр.

Самое страшное, что я не видела никакой игры... Все происходящее здесь казалось таким реалистичным и серьезным, что не улавливалось никакой шутливости, и это меня пугало.

Так, куда я попала? Почему они говорят столь странные вещи? И я ведь еще не могла понять, как этот парень оказался в комнате, не проходя через дверь. Он фокусник, иллюзионист? Это все большой розыгрыш? Только зачем?

— Сядь. — приказал мне Георгий Леопольдович. — Все под контролем, просто сядь.

Но я и не подумала садиться. Услышав такую угрожающую интонацию, я схватила со стола вилку и отступила

на несколько шагов, пытаясь следить за движениями каждого, кто находился в комнате.

Парень посмотрел на меня со смесью удивления и недовольства, а потом повернулся к Георгию Леопольдовичу:

— Я помню, что я говорил. Но неужели вы восприняли мои слова так буквально? — он вопросительно выгнул бровь.

— Что это значит? — не понял мужчина.

— Не могу поверить, что все эти годы вы растили дочь с мыслью о том, что я приду за ней и... что сделаю? Убью!? — он вдруг рассмеялся. — Вы растили собственную дочь на убой?

Но никто в комнате не разделял его хорошее настроение. Я вот вообще думала о том, куда бежать. Нет, ну надо было мне так вляпаться и связаться с сумасшедшими.

— Что вы, — произнес парень, усмехнувшись, — я говорил, что заберу жизнь вашей дочери, и действительно это сделаю. Но не в качестве жертвы, а в качестве своей невесты.

— Невесты!? — выдохнула Ринна и застонала, — что значит невесты? Но ведь это... Нет, невозможно... Георг!? — она взглянула на супруга в смятении.

— Вы мне сейчас же все объясните или я вызову полицию. — мой голос звенел от напряжения.

Георгий Леопольдович смотрел куда-то в пустоту перед собой, а вот Ринна вскочила со стула и воскликнула:

— Но тогда же это все меняет... Георг! Это все меняет? Он не хотел убить Агнессу, он хотел на ней жениться!? Это же...

— Хватит! — парень перебил её, махнув рукой. — Мне пора возвращаться в лес, и эти разговоры уже наскучили и не имеют никакого смысла. — Он взглянул на меня и пропал...

Нет, он только что был, а теперь его уже не было... Логика, которая могла бы объяснить происходящее, сразу же подала в отставку. Но не успело мое лицо вытянуться от удивления, как парень снова появился, но теперь уже оказавшись рядом со мной.

Еще одно движение, и он вырвал из моих рук вилку, а потом привлек к себе. Я почувствовала ненавязчивый сладковатый аромат, а потом меня куда-то потянуло с непреодолимой силой. Я закричала и забарахталась, утратив связь со всеми органами восприятия: перед глазами была серая дымка, в ушах — звон, и я не знала, где нахожусь.

Может, меня убили? И вот она — смерть!? Ну нет, это же так нелепо... Я даже понять ничего не успела.

Но странное состояние продолжалось недолго. На смену ему пришло ощущение падения, и я встретилась с полом, на котором распласталась, как выброшенный на берег кит. Тело отказывалось выходить на контакт, и я просто застонала, открыв глаза.

Я лежала на теплой шершавой поверхности, напоминающей сосновую кору, и пахло от неё чем-то еловым и очень концентрированным. Точно! Такой аромат был у моего хвойного экстракта для ванны.

Я, не шевелясь, оглядела все, что попадало в поле зрения. Лежала я в странной пустой комнате, стены, пол и потолок которой были отделаны корой. Источником света здесь служили вытянутые настенные лампы. Я пригляделась и увидела, что в лампах летали, ударяясь о стекло, настоящие светлячки... Черт, где я!?

Попытки встать не удалось: тело лишь напряглось от тщетных потуг и осталось бездвижным. Так, какая вероятность, что меня схватил паралич!?

— После перехода такое бывает. — раздался надо мной голос.

Потом я почувствовала, как кто-то проводит пальцами сначала по моей голове, потом по спине, спускаясь к пояснице. Я внутренне содрогнулась от ужаса и омерзения, а в следующее мгновение способность двигаться ко мне вернулась.

Я моментально откатилась в сторону, поднялась и развернулась к тому, кто посмел меня касаться. Это был все тот же черноволосый парень-иллюзионист. Он выглядел совершенно равнодушным, но смотрел на меня выжидающе.

— Вы... Да вы! — я задыхалась от возмущения и паники. — Где я!? Куда вы меня притащили!?

— В мой чертог, — ответил он.

Он не собирался нападать, поэтому я постаралась успокоиться. Миллион мыслей судорожно скакали в голове, еще больше нервируя.

— Послушайте, — начала я, — мне кажется, вышла страшная ошибка. Я не знаю вас, не знаю, какие дела связывают вас с Георгием Леопольдовичем, но я тут совершенно ни при чем. И вообще... Как я здесь оказалась!?

Я оторвала взгляд от парня и еще раз оглядела странное до невозможности помещение.

— Тебя это удивляет? — уточнил парень. — Ты никогда не слышала о переходах?

— О каких переходах? Наземных? Подземных!? — не выдержала я.

А он лишь нахмурился, явно не понимая, о чем я тут говорю.

— Понятно, ты фокусник. И что-то тут намагичил, перенеся меня в эту комнату, а я и не заметила. Такое возможно, «Иллюзию обмана» я смотрела. Но зачем, я не понимаю.

— Фокусник? — переспросил он.

— Я не знаю, как ты там себя называешь... — я уже теряла самообладание, а еще поняла, что нигде не вижу двери, а все потому, что ее просто не было! — Но сейчас же выпусти меня отсюда. И еще какое право ты имел ко мне прикасаться?

— А разве у меня нет такого права?

Его вопрос прозвучал с таким искренним непониманием, что я даже опешила. Мне все стало ясно... Георгий Леопольдович просто торгует людьми, обманывает девушек и продает их в рабство... Все, я влипла по полной. Меня, видимо, продали этому фокуснику, ну что ж, зато эта странная комнатка без окон и дверей будет мне отличным гробом.

— Ты грязный извращенец. — произнесла я. — Меня уже ищут, ты понял!? И тебя найдут, обязательно найдут.

— Я!? — гневно выдохнул он, явно оскорбленный. — Извращенец?

Теперь его равнодушие пошатнулось, и смотрел он на меня по-новому: как на какую-то ненормальную. Потом сказал:

— Агнесса, верно?

— Я не Агнесса! — воскликнула я. — Я актриса, которую попросили притвориться на вечер Агнессой. Так что тебя, видимо, обманули, но разбирайся сам с Георгием Леопольдовичем, а меня отпусти. Я на это не подписывалась.

— Актриса? — он удивленно приподнял брови.

— Да, Георгий Леопольдович нашел мой профиль в интернете. — Конечно, нехорошо, что я сдаю своего заказчика с потрохами, но уж извините, сам виноват. — Потом он связался со мной, сказал, что нужно притвориться его дочерью перед его старым товарищем. Я и притворялась. А тут вы со своими странностями... Послушай, — я заискивающе улыбнулась, — меня, походу, обдурили. И тебя тоже. Мы в одной лодке... Я не знаю, какие тут у вас махинации, но, сам подумай, я тебя сдать никому не смогу. Я тебя не знаю.

— Ты меня не знаешь? — парень вдруг усмехнулся и понимающе покачал головой. — Значит, ты актриса. И актриса из мира за завесой.

Ну, все понятно. Он явно больной. Душевнобольной. Ну то, что до него дошло, что я актриса, это уже хорошо.

— Так вот, не подскажешь, где здесь выход, я и пойду?

— Нет, ты никуда не пойдешь. — сказал он.

— Что!?

Я едва не взвыла. Нет, ну я тут с ним любезно разговаривала зря, что ли!?

— Итак, девятнадцать лет назад я должен был жестоко покарать одного человека, но смилостивился над ним и взял с него обещание. Взамен на мое прощение. Этот человек должен был отдать мне свою дочь. — Парень начал подходить ко мне, а я стала отступать, пока не уперлась в стену. Его голос был шелестящим, обволакивающим и не сулящим ничего хорошего. — И получается, он не выполнил свое обещание, и передо мной не его дочь, а актриса?

— Девятнадцать лет? Ты взял с него обещание в детстве!? Оа... Не подходи..! — вскрикнула я, когда нас уже разделяло несколько шагов.

— И что же мне с тобой делать? — задумчиво спросил он. — И что делать с ним? Ложь должна быть наказана. — он произнес это так, будто приговорил меня к казне.

Я прижалась к стене и затравленно смотрела на парня. Как же сильно он меня пугал... В нем было что-то нечеловеческое. Что-то ненормальное. Я ногтями вцепилась в стену, намереваясь отодрать часть коры от неё. Так себе оружие, но пусть хоть что-то будет.

Но стена под моими пальцами вдруг прогнулась, не позволяя над собой поиздеваться. Да и я вдруг ощутила, как поверхность, к которой прислонялась моя спина, с треском разрывается. Сзади неожиданно возник проем, в который я тут же полетела, совсем не ожидая такой подставы.

— Нет! — воскликнул парень.

А я лишь сдавленно ойкнула и увидела, как ко мне бросился мой похититель, но древесная стена стянулась обратно прямо перед его носом.

Глава 4. Где я!?

Интересно, человек понимает, что он умер?

И раз я сейчас думаю об этом, значит, я еще жива?

Мое тело лежало на чем-то твердом и холодном. Также здесь была трава — я провела по ней ладонями, и она показалась мне колючей и острой. Воздух же был свежим и наполненным незнакомыми ароматами, а в отдалении слышалось заунывное пение птицы.

Наконец я открыла глаза и даже присела, морщась от боли. Спина еле пережила очередное падение. Если так дальше пойдет, то в целостности и сохранности я из этой передрыги не выберусь.

Итак, что мы имеем?

Во-первых, фокусы, которые не поддавались никаким объяснениям: телепортация и живые стены.

Во-вторых, лес с деревьями совершенно разных размеров. Seriously, некоторые стволы были просто необъятными, по сравнению с ними я чувствовала себя уменьшенной раз в двадцать. И вот по соседству с этими деревьями росли и другие, но уже с привычным диаметром. Это, правда, слабо утешало.

Мне было страшно и хотелось плакать из-за безумной ситуации, которая не поддавалась ни контролю, ни объяснению. Как выпутываться из всего этого — непонятно.

Поднявшись, я поплелась в сторону, где было меньше кустов и лучше просматривалась местность. Идти в туфлях, которые выдала мне Ринна, было невозможно, поэтому я сняла их и понесла в руках. Шагать босиком пусть и неприятно, но зато легче. Надеюсь, не проткну себе пятку какой-нибудь острой палкой.

В любом случае, если идти всё время прямо, то куда-нибудь да выйдешь. Правда, была вероятность, что выйдешь к еще большим неприятностям... Как и произошло сейчас со мной, собственно.

Представлять несуществующих созданий, читая книги, и видеть их в реальности это две абсолютно разные вещи. Во втором случае мозг понимает, что происходит что-то ненормальное, и хочет отключиться, чтобы не искать логических объяснений и не справляться с перевернувшимся миром. Правда, ноги не согласны с решением мозга отключаться, они, в свою очередь, советуют бежать и спасаться.

Я бы последовала этому совету, но моё тело оцепенело.

В шагах десяти от меня стояло непонятное существо. Оно напоминало лягушку-переростка, которая ходила на двух лапах и была покрыта длинной жесткой шерстью. Высота и ширина монстрика составляли примерно метр, а широкую голову украшала огромная пасть.

Я не сразу его заметила, так как двигался он бесшумно и вышел из-за дерева слишком неожиданно. Он тоже остановился, вперив в меня свои лягушачьи глаза: черные приплюснутые овалы зрачков на красном фоне.

Простояли мы в молчании недолго.

— Человек. — обнажая ряд острых зубов, булькнул монстр. — Убить.

Кого убить? Меня убить!?

Нет, перспектива быть убитой совсем не радовала.

Я попятилась назад, а затем и вовсе пустилась в бегство.

«Это все не реально. Это не может происходить со мной», — в голове звонко стучала мысль, уверяя, что я сошла с ума.

В груди же бухало сердце и горели легкие, а ноги пронзала острая боль: я не смотрела, куда наступала, пока бежала.

Потом пришлось резко остановиться, потому что впереди появилась фигура еще одного монстра, чуть крупнее первого. Я бросилась в другую сторону и чуть не влетела в третьего. Монстров становилось все больше и больше, они выпрыгивали из-за деревьев, отпугивая сумерки своими горящими выпуклыми глазами.

Я замерла, как затравленный кролик, осознавая, что меня окружило полчище кровожадных существ.

— Стойте! — мой крик эхом пронесся по лесу, пружинисто отскакивая от стволов, как мячик. — Не подходите!

Я угрожающе подняла туфли, которые чудом не выкинула, пока спасалась бегством.

— Человек... Человек... Человек... Человек... Человек... Человек...

Голоса монстров, квакающие и булькающие, смешивались в единый гвалт, бьющий по перепонкам извращенной какофонией. Волосы на затылки зашевелились, видимо, превращаясь в седые.

«Они меня сожрут», — с обреченностью подумала я. — «И к гадалке не ходи...»

Один из монстров неожиданно подпрыгнул ближе, и в него полетела туфля, зарядив тому ровно между глаз.

— Не подходи!

Получивший по голове монстр остановился, а другие перестали шуметь, затихнув и уставившись на валяющуюся обувь. Первый же монстр после недолгих раздумий поднял туфлю, посмотрел на неё и разом проглотил. Остальные снова забулькали и заквакали. Зато теперь ясно, какая участь меня ждет.

— Пожалуйста, нет! — я с отчаянием прижала к себе оставшуюся туфлю, словно она могла меня защитить.

— Зря ты сюда пришла. Не имела права. — булькнул монстр, что стоял ближе всего, и поочередно моргнул глазами.

— Зря... Зря... Зря... Зря... — вторили ему другие.

А еще до меня дошло, почему монстры медлят и не нападают: они просто упиваются чужим страхом. Обладая разумом, они чувствуют мои эмоции и издеваются надо мной, мучают меня. Это приносит им удовольствие.

Я огляделась, пытаюсь понять, где столпилось меньше всего существ. Страх вперемешку с адреналином заставлял в панике придумывать план спасения. Без борьбы сдаваться — это себя не уважать.

Эффект неожиданности должен был сыграть мне на руку. Я, пронзительно завизжав, резко побежала на опеших лягух-переростков, пытаюсь прорвать обступившее кольцо. Конечно, за мной ломанулись все

остальные.

Проскочить мне не удалось. В платье вцепились когтистые лапы, потянув вниз, и я растянулась на земле, придавленная волосатыми тельцами, от которых несло болотом и мокрой шерстью. Острые зубы, промелькнувшие у самого лица, заставили похолодеть от ужаса. Крик уже не срывался с губ, он оставался внутри, заглушая все мысли, кроме одной, обращенной незнамо к кому:

«Помогите...»

— Что здесь происходит!?! — голос прозвучал настолько грозно, что по земле пробежала рябь.

А еще этот голос прозвучал очень вовремя, как раз в тот момент, когда я почувствовала теплое смрадное дыхание над головой и прикосновение склизкого языка к щиколотке. Еще бы чуть-чуть, и остались бы от несчастной актрисы рожки да ножки. Хотя вру, и их бы не осталось.

— Прочь! — произнес голос, которого беспрекословно послушались.

От меня отступили, и я приподнялась, с мольбой взглянув на моего спасителя и узнавая в нем того, кто меня сюда притащил и с кого началась череда неприятностей. Мой похититель стоял мрачной статуей и обводил тяжелым взглядом всех монстров один за другим.

— Господин... — квакнуло существо, которое было, видимо, самым смелым. — Человек... Проник в лес. Мы поймали. Хотели наказать.

— Не сообщив мне? — этот вопрос был вкрадчивым и тихим, но за ним ощущалась неподдельная угроза.

— Но господин... Человек проник в лес без разрешения. На нашу землю. Надо покарать. Не имеет права. Такие правила. Таков закон.

— У человека было мое разрешение. — четко произнес парень, на секунду прикрыв глаза и поморщившись. — Этот человек имеет право здесь находиться. Этот человек мой. Разве я не говорил, что собираюсь взять в невесты человеческую девушку!?!

Морды лягушек-переростков стали еще шире, вытянувшись от удивления. Воцарилось ошеломленное молчание, которое выдавало сложный мыслительный процесс в их черепушках.

— Мы не знали, господин. Мы не знали... Мы не знали... Господин, мы не знали... — затараторили в испуге квакающие голоса. — Мы не знали, что это она... Мы не знали... Она была одна... Она не сказала... Она молчала... Она убежала...

— Она моя невеста. — перебил их парень так резко, что даже я вздрогнула, хотя пыталась вообще не шевелиться и слиться с травой. — Я просто не успел её представить, но она уже часть леса. А вы посмели тронуть её. Прикоснуться к невесте царя.

— Господин... Господин... Пощади... Пощади... Мы не знали... — Монстры с раболепством кинулись в ноги парню, пытаясь прикоснуться к его ботинкам, но тот лишь поморщился и приказал:

— Оставьте нас.

Лягух-переростков как ветром сдуло, они разбежались врассыпную, стараясь исчезнуть как можно быстрее, пока их не догнала ярость господина. Я же не могла до сих пор осознать, что спасена. Пережитый ужас нахлынул с новой силой, и истерика неотвратимо нависла над головой.

— Не подходи! — закричала я, когда заметила, что парень шагнул ко мне. — Пожалуйста, нет...

От моего крика он замер.

— Это невозможно. Все это невозможно! Кто ты такой, черт возьми!?! — рыдания не мешали мне продолжать кричать. — Что это за существа!?! Да я же умереть могла... — мои слова оборвались, превратившись в осипший стон.

Парень сократил между нами дистанцию и присел рядом. Силы оставили меня, их не хватило даже для того, чтобы отползти в сторону. Плечи беззвучно затряслись, и я начала размазывать слезы и сопли по лицу грязными ладонями.

Парень положил ладонь на траву, а когда поднял её, то из земли пророс цветок с серо-фиолетовыми лепестками, и так быстро, словно пытался угнаться за ускользающей рукой.

Моя состояние было таким измотанным, что очередное чудо даже не удивило.

— Я тебе ничего не сделаю. Положи это в рот. Это тебя успокоит. — сказал он и протянул мне сорванный бутон.

Я отчаянно замотала головой. Ну нет, всякими сомнительными успокоительными меня накачивать не позволю. Рассудком рисковать было нельзя.

— Нет, нет, не надо. — всхлипнула я. — Не хочу. Я не понимаю, что происходит. Но, пожалуйста, отпустите меня. Я же ничего не сделала, я не...

— Ч-ш-ш. — серые глаза парня опасно сверкнули. — Не говори ничего. Лес все слышит.

Какой лес!?! Но этот вопрос остался неозвученным, я лишь тупо уставилась перед собой, стараясь совладать с действительностью. У меня просто отобрали всё, во что я верила. А верила я в мир без монстров и магии, где было

все привычно и понятно. И как теперь дальше быть, когда все перевернулось вверх дном?

Мне стало так себя жалко.

— У тебя ноги в крови. — сказал вдруг парень, взглянув на мои пятки, которые несколько минут назад сигали по корягам и иголкам.

— Нет. — выпалила я.

— Что нет?

— Не знаю.

Рыдания снова подступили к горлу. Ах, как же хотелось оказаться дома, в безопасности...

— Пойдем. — он потянулся ко мне и нахмурился. — Я тебя понесу.

— Нет! — мысль о том, что ко мне кто-то снова прикоснется, вызвала панику.

— Тебе не грозит от меня опасность. — он сказал это таким тоном, что я невольно поверила.

— Я пойду сама. — Мне все-таки нужно было успокоиться и совладать с эмоциями, потому что рыдания и истерики никак помочь не могли.

Я поднялась и поморщилась от боли.

— Ты не пойдешь сама. — заявил он, а затем с легкостью подхватил меня на руки.

Первым порывом было начать вырваться и возражать, но тяжелый предупреждающий взгляд остановил все попытки. Я обхватила парня за шею и позволила себя понести.

Глава 5. Не хочу замуж, хочу домой

Мой похититель понес меня напрямик к огромному дереву, которое своим диаметром превышало привычную взрослую сосну раз в пятнадцать. Я хотела ему сообщить, что на его пути непреодолимое препятствие, но кора дерева неожиданно взбуктовалась и свернулась, как ленточка у праздничной дудки, открывая черный проход.

— Только не говори, что мы туда-а... — Я зажмурилась и вцепилась в парня, когда он шагнул вглубь ствола.

Жар и покалывание в конечностях длились несколько мгновений, сменившись на свежесть и приятный холод. Я открыла глаза и восхищенно присвистнула. Поразительный вид заставил позабыть весь страх и отчаяние.

Мы очутились у серебристо-голубого озера, которое находилось в округлой пещере. Свод ее был покрыт мхом всех оттенков зеленого, удивительно, как он цеплялся за голубоватый голый камень. Вода в озере мерцала, являясь главным источником света и создавая нереалистичную картинку, почти сказочную. От увиденного захватывало дух.

Я подняла голову и прищурилась, пытаюсь лучше разглядеть, что за голубые светлячки летают под потолком. После длительного вглядывания они оказались не светлячками, а бабочками, и светилось у них одно лишь брюшко, а крылья сливались с сумраком. Они то цеплялись за мох, то подлетали к самой воде, рискуя утонуть.

Пейзаж настолько увлек меня, что я даже забыла о своем положении. А именно о том, что преспокойненько нахожусь в руках у весьма пугающего типа, в прямом смысле!

Он со своей ношей направился к озеру, и я напряглась:

— Утопить меня хочешь?

— Топить тебя здесь было бы кощунством. — равнодушно ответил он и отпустил меня прямо у берега в двух шагах от воды. — Если ты зайдешь в воду, она исцелит раны.

Я скептически на него посмотрела и поежилась: находиться с незнакомым и опасным человеком в замкнутом пространстве было жутковато. Может, он спас мою жизнь только для того, чтобы самолично ее оборвать? Отгоняя пугающие мысли, я зашла в воду по лодыжки и зашипела от жжения.

— Ауч! — я сразу выпрыгнула и поочередно затрясла ногам.

Ощущение было такое, будто на незажившие раны высыпали соль и принялись с маниакальной тщательностью втирать ее в кожу. Но неприятная боль прошла достаточно быстро, и я с удивлением заметила, что от царапин не осталось и следа. Ну, конечно, вокруг другой мир, наполненный магией. Вряд ли подобное смогла воссоздать даже шизофрения, развившаяся под шумок.

— Это живая вода? — догадалась я. — Она исцеляет раны?

Парень, все это время разглядывающий меня, как диковинную зверюшку, кивнул.

— И утопиться в ней нельзя?

— Почему нельзя? — он пожал плечами. — Ты можешь захлебнуться и погибнуть в этом озере так же, как и в любом другом. Единственное, на твоём теле не будет никаких внешних повреждений.

— Умереть в живой воде... — пробормотала я, — это почти оксюморон.

— Итак, я слушаю. — он пытливо на меня посмотрел. — Кто ты такая и как твое имя.

- Я же сказала, — я развернулась к нему, — я актриса, которую нанял Георгий Леопольдович, сказав, что нужно просто назваться его дочерью. Честно, я понятия не имела, что меня привезут незнамо куда. Это вообще что!? Другой мир?

— Его магическая часть. — пояснил парень, но весьма нехотя. — Мир за завесой наполнен такими, как ты,

людьми, и они даже не знают о существовании завесы и магии. С этой же стороны тоже живут люди, — он безразлично поморщился, — но они о магии знают. Но, самое главное, здесь живут магические существа, обитатели леса и сам лес.

Я не ожидала, что мне будут хоть что-то объяснять, поэтому цеплялась за каждую частичку информации, как репейник.

— Офигеть... — выдохнула я. — Голова кругом. Вот так всю жизнь живешь, а ничего не знаешь. Но это, конечно, все замечательно, но как мне попасть домой, а? Обратю за завесу.

— Никак.

— Что значит никак?

— Я уже назвал тебя своей невестой, а, значит, уйти отсюда ты уже не можешь.

— Какой к черту невестой!? — возмутилась я, позабыв, с кем разговариваю. — Мне нужно домой, поэтому как назвал, так разназови.

Парень покачал головой и приблизился ко мне с кошачьей грацией, и я в лучших мышиных традициях скукожилась и вжала голову в плечи.

— Сейчас не самые лучшие времена, поэтому мне, к сожалению, нужна человеческая невеста. Мне нужна ты. — Он указательным пальцем приподнял мой подбородок, рассматривая, как экспонат.

Я отшатнулась и фыркнула.

— А мне нужно домой. У меня, между прочим, есть любимый муж и два ребенка, которые без меня пропадут. Они умрут с голода, потому что работаю в семье только я. Никак не получится у меня быть твоей невестой.

Парень долго вглядывался в мое лицо, пытаясь уличить во лжи, и хмыкнул, а я и бровью не повела, лишь мысленно удивилась, почему он вдруг вытянул руку по направлению к озеру. Но затем увидела, как несколько бабочек перестали порхать над водной гладью и устремились к его пальцам, слушаясь немого приказа.

Я затаила дыхание, когда парень взял мою ладонь и посадил на нее бабочку. Размером она была в указательный палец. Ее теплое брюшко пульсировало светом, а широкие черные крылья лениво трепыхались, щекоча кожу холодом и шелком.

— Повтори свои слова.

— Какие слова? — я рассматривала бабочку с детским восторгом.

— Почему ты не можешь быть моей невестой?

— Потому что у меня муж и дети. И... — я взвизгнула и стряхнула с ладони насекомое, которое вспыхнуло и превратилось в голубоватый пепел за мгновение ока. Только что на моей ладони сидело живое насекомое и вмиг сгорело.

— Ложь губительна. — надменно сказал парень и протянул мне еще одну бабочку.

Я с ужасом посмотрела на него. Что за извращенный детектор лжи он здесь устроил!?

— Давай проясним ситуацию. — вздохнул он. — Последнее, что я желаю, это жениться на человеке. Сама мысль об этом мне противна. Но у меня нет выбора. Часть моих подданных ждала союза с человеческой девушкой, как гарант спокойного будущего. Ею необязательно должна была быть ты. Но теперь тебя видели, о тебе знают, — начал он перечислять факты, словно забивая гвозди в крышку моего гроба, — если ты пропадешь, появятся вопросы. Так что у тебя тоже нет выбора.

— Но я не могу...

— Мне нужна невеста, хотя бы фиктивная. То, что ты актриса и умеешь убедительно врать, — он мрачно усмехнулся, — это к лучшему. Предлагаю уговор. Ты сыграешь роль моей невесты.

— И что я получу взамен? — вырвалось у меня. — Какая у меня выгода?

— Жизнь? — он учтиво улыбнулся, заставив меня похолодеть от страха.

— Если откажусь, ты меня убьешь?

— Ну почему же? Просто не буду спасать. — непонятно было, шутит ли он или нет. — В любом случае мне не нужно, чтобы ты оставалась здесь навсегда. Ты побудешь временно моей невестой, потом я тебя отпущу. Даю слово. — Последние слова он сказал с такой интонацией, что я сразу поняла, насколько обещание этого существа, уж не знаю, кем был этот парень, отличается от обещания человека. Он его не нарушит.

Я поняла, что выбора у меня действительно нет. Я попала в ловушку, в лесной капкан к неизвестно каким чудовищам, и мне придется играть по правилам, которые предлагают они, и исполнять роли, которые они мне скажут. Это не мир людей, и кто знает, какие животные законы здесь соблюдаются.

Мне хотелось плакать и молить меня отпустить, но я заставила себя сказать:

— Идет. Притворяюсь твоей невестой, потом ты меня отпускаешь. Хорошо.

— Прекрасно. — он удовлетворенно кивнул.

Я не разделяла его мнения...

Хотя, с другой стороны, чьей невестой я только ни притворялась... И если в моем послужном списке появится

могущественный нечеловек, то что я от этого потеряю? Что нас не убивает, то делает сильнее. Ничего, прорвусь.

— Тогда давай знакомиться. — он снова посадил бабочку на мою ладонь, но теперь она не вызывала у меня трепета: лишь напряженное волнение. — Итак, есть ли у тебя муж и дети? — он склонил голову на бок, не пряча нахальной улыбки.

— Нет. — буркнула я, отводя взгляд. — Нет ни мужа, ни детей, ни ипотеки. Но есть люди, которые будут волноваться из-за моего исчезновения. Я надеюсь, мне не придется долго здесь находиться.

Парень проигнорировал мой комментарий и посмотрел на озеро, чье мерцание удивительно отражалось в его серых глазах, делая их еще более неестественными. Я невольно засмотрелась на его утонченный профиль.

Теперь его красота не вызывала вопросов, человек действительно не мог быть настолько притягательным, но мой похититель человеком-то не был. Это, кстати, все еще не хотело укладываться в голове, как и остальные паранормальные события, но либо усталость, либо избыток волнения заставляли смириться с тем фактом, что необъяснимое все-таки существует. А в данном случае еще и стоит передо мной.

— Ты правда не знала настоящую причину, почему должна была притвориться его дочерью?

Мне пришлось зажмуриться, чтобы перестать глазеть на него. Благо, он не заметил моего нахального интереса.

— Я сказала правду! — возмутилась я. — Меня нагло обманули. Вот, видишь. — я сунула ему под нос бабочку, которая уже задремала на моей руке.

Насекомое встрепенулось и сорвалось к потолку, и я проследила за ним удрученным взглядом. Но новую бабочку мне предлагать не стали, вместо этого спросили:

— Как твое имя?

— Надя. Ну или Надежда. — врать я не стала, просто не видела в этом смысла.

— Надежда? — он выгнул бровь и саркастично уточнил. — Чья же ты надежда?

— Мамы с папой. — я хмыкнула. — Неудавшаяся, правда. А тебя как зовут?

— Эрран, — ответил мой похититель и поклонился. — Я царь этого леса.

Глава 6. Свадьба пела и играла...

Эрран протянул мне руку, и я, поколебавшись, пожала ее. Хотя были мысли насчет того, что нужно поклониться и эту самую руку поцеловать, ведь все-таки передо мной стояла монаршая особа.

Впрочем, эта особа ничего не сказала насчет моего жеста, напротив, крепко сжала мою ладонь и потянула к дереву, через которое мы сюда пришли.

Ладонь Эррана была сухой и теплой, что противоречило холоду, который излучало его присутствие, заставляя внутренне сжиматься.

Я обернулась на озеро и попыталась запомнить каждую деталь столь потрясающей картины. Может, мне больше никогда не удастся лицезреть подобное чудо, хотя, учитывая, что магия все же существует, многие чудеса у меня только впереди. Надеюсь, они не захотят меня схомячить.

Эрран крепче сжал мою руку, когда мы вошли в душное и жаркое пространство дерева. Я задержала дыхание, ныряя в проход, и выдохнула, едва мы вышли в иное помещение.

Оно напоминало круглую деревянную шкатулку с учетом того, что мы находились внутри нее. Потолок вытягивался конусом, и с его вершины спускалась дикая виноградная лоза с пышными гроздьями светящихся ягод. У стен напротив друг друга стояли манекены, напоминающие привычных рыцарей в доспехах, только вместо железа было дерево. А лица им замотали тонкими лозами винограда, как обычно заматывали бинтами египетских мумий. Жутковатое зрелище.

— И какое развитие событий дальше? — спросила я, с интересом рассматривая виноград.

— Хм, — Эрран покосился на меня, отряхивая свой зеленый камзол. — Я приятно удивлен. Я ведь думал, ты тяжелее воспримешь произошедшее с тобой.

— Истерики от меня ждать не стоит. — я пожала плечами. — Моя нервная система много чего повидала на своем веку. А еще я не отрицаю мощную галлюцинацию, но что поделать. Да и убивать меня вроде не собираются, так что нервничать смысла нет. — Я не стала упоминать о своей чрезмерной разговорчивости, которая проявлялась в сильном стрессе и волнении.

— Последний раз, когда я видел человеческую девушку, она сразу закричала и потеряла сознание. — сообщил Эрран.

— Да, умеешь ты производить впечатление...

Я на самом деле ту девушку вовсе не осуждала. Чувствовалось в Эрране нечто очень опасное, будоражащее.словно мужчина, которого видели глаза, был лишь человеческой оболочкой, а уже за ней таилась безграничная сила, готовая уничтожить любого, кто посмеет впасть в немилость.

Неудивительно, что Георгий Леопольдович так дергался и бледнел. Я бы тоже тряслась, если б с самого начала знала, что этот симпатяга вовсе не человек, а непонятный лесной царь, владеющий магией. Я б не только

тряслась, я бы удирала со всех ног и записывалась к психиатру, чтобы тот погладил меня по головке и сказал: «ничего не было, тебе показалось, больше отдыхай и меньше работай, а лучше найди себе парня, чтобы не мерещились всякие цари с идеальной внешностью».

Кстати, Эррана я бы не назвала царем. Ну не было в нем ничего царского, в моем представлении монаршие особы обладали совершенно другим шармом. Обаяние же Эррана я бы сравнила с вампирским: холодным и загадочным. Он был хищником, чья красота пленяла и заманивала юные сердца девушек, принуждая их идти за холодным и недостижимым господином в самые лапы смерти...

— Что тебе нужно? — Эрран посмотрел на меня выжидающе, и его острый взгляд неприятно вонзился в лицо, заставляя прийти в себя.

Я опешила от столь неожиданного вопроса и, опомнившись, опустила взгляд. Ну да, в упор разглядывать лесного царя это очень хорошая идея, ну постыдилась бы, Надя!

— Что мне нужно? Мне нужно... Мне нужно домой. — Ну я не я, если не попытаю удачу.

— Нет, — он устало прикрыл глаза. — Что тебе нужно в этот момент? Еда? Кровать? Отхожее место?

— А, в этом смысле... Да ничего не нужно... — я задумалась.

Есть я не могла из-за нервов, спать тоже не хотела, в туалет пока не приспичило, так что базовые потребности удовлетворять не было необходимости:

— Спасибо, конечно, но мне ничего не нужно.

— Ты уверена? — он даже удивился.

— Да, вполне.

— Ну, хорошо, — он покосился на меня недоверчиво и вздохнул. — Тогда у тебя есть несколько часов свободного времени до начала церемонии.

Я сначала кивнула, а потом до меня дошел смысл сказанных слов.

— Подожди... — спохватилась я. — Какой еще церемонии? Свадебной? Но почему так быстро!?

— А что в этом такого? — Эрран даже глазом не моргнул. — Чем раньше тебя примет лес, тем в большей безопасности ты будешь.

Ага, ага, то есть сейчас меня лес не принял и я нахожусь в опасности? Так, мне срочно нужен справочник по их магическому миру, иначе, как чует моя пятая точка, я долго здесь не продержусь. И вообще, как лес меня примет? Я должна буду предвыборную кампанию организовать или что?

— Но... — меня заботили и другие мысли. — Но к чему такая спешка? Церемонию же нужно организовать...

— Желающие увидеть тебя придут и без приглашения. — обрадовал меня Эрран. — Лес каждому расскажет о невесте царя. Хотя, думаю, уже рассказал. — он приподнял голову, прислушиваясь к тому, что мой человеческий слух не улавливал.

— Ну а другие приготовления? — я не отступала. — Как же примерка свадебного платья?

— Платье? — переспросил Эрран с улыбочкой, которая должна, по его мнению, выглядеть любезной, но я-то знала, что она была издевательской!

— А в чем я буду, если не в платье? Костюм? — я уже заподозрила жуткую перспективу, но с надеждой уточнила. — Купальник?

— На тебе не будет ничего, что бы связывало тебя с человеческим миром. — Эрран флегматично развел руками. — Невеста царя принадлежит только лесу и себе.

— Я тебя не понимаю. Это что значит?

— Это значит, что на церемонию ты выйдешь без одежды.

— Еще чего, я на такое не подписывалась! — сдержать возмущение не получилось. — Я что, на пляж нудистов собралась?

Эрран пожал плечами со скучающим видом. Он не воспринял всерьез ни мой негодующий тон, ни отсутствие моего согласия.

— Мои слуги сопроводят тебя к назначенному времени. — произнес он, указав на деревянных рыцарей. — До встречи.

— Нет, нет, нет, мы не договорили, — я уцепилась за край его камзола и, смутившись, сразу отдернула руку, но Эрран все же развернулся:

— Что?

— А ты будешь тоже без одежды? — потом я поняла, как неоднозначно звучит мой вопрос и добавила. — Просто хочу понять, что за развратные церемонии у вас здесь проходят.

— Нет, одежда на мне будет. Ведь это тебя должен принять лес, а не меня, и ты должна предстать перед ним и его жителями в, — Эрран не сразу подобрал слово, — в первозданном виде.

— Это просто бред извращенца. — произнесла я и поджала губы.

Эрран уже не слышал мои слова, потому что исчез в проходе, оставив меня в одиночестве.

Час от часу не легче. Мне были жизненно необходимы несколько дней в полном покое, чтобы свыкнуться с мыслью о том, что существует магия, а я нахожусь в волшебном лесу в роли невесты царя. Но вместо этого мне придется тащиться на какую-то церемонию совершенно голой.

Нет, я была актрисой и не видела ничего плохого в том, чтобы раздеваться ради съемок и ролей в достойном фильме. Но ведь сейчас на мое тело будут глазеть не участники съемочного процесса, воспринимающие меня только как актрису, а те, для кого все происходящее будет реальностью, а не игрой. Для них я не актриса, а невеста царя, и все это по-настоящему.

Я влипла. И вообще, что будет, если лес меня не примет? Меня отправят обратно за завесу или закопают под ближайшим деревом? Честное слово, если выберусь отсюда, то найду Георгия Леопольдовича и откручу ему голову.

В панических мыслях я наворачивала круги вокруг виноградной лозы. Горло пересохло из-за мучавшей жажды и тошноты. Меня начало трясти от волнения, и в конце концов я села на пол и прислонилась к теплой стене.

— Успокойся и дыши. — сказала я, ногтями правой руки впиваясь в запястье левой, чтобы переключиться на боль. — Все будет нормально. Все...

Я вздрогнула, когда два деревянных рыцаря оторвались от стены и дергано двинулись ко мне. Они напоминали марионеток, которыми управлял невидимый кукловод, и мертвая отчужденность, сочащаяся в этих оживленных куклах вместо крови, пугала до жути.

Я вскочила на ноги и произнесла:

— Уже пора идти, да? Я уже готова, можете показать, куда топать...

Конечно, платье я не сняла, решив сопротивляться абсурдным указаниям Эррана, но, видимо, эти деревянные прислужники не оценили мой протест. Один из них, что стоял ближе, ухватил за платье, которое уже и так пострадало от лесных приключений, и потянул на себя. Ткань жалобно затрещала, а я взвизгнула и резко вырвала ее из широких клешней, отпрыгивая назад. У рыцарей действительно были клешни, точнее три больших сплюснутых пальца, которые тянулись к моей одежде.

— Не смейте меня трогать! — воскликнула я. — Это насилие!

Но рыцарям хоть бы хны. Они проигнорировали мои попытки воззвать к их деревянной совести и продолжили напирать. Я оглядела комнату, представляя, как буду удирать по ней от этих пустоголовых до тех пор, пока не придет Эрран и... А что, собственно, он сделает? Разденет меня сам?

Я посмотрела на рыцарей и спросила:

— Вы же успокойтесь, только если я разденусь, да?

Прислужники мне не ответили, но хотя бы остановились в ожидании моих дальнейших действий.

— Хорошо. Только отвернитесь. Ну!? — мне было все равно, что у них нет глаз, а лица полностью замотаны лозой.

Деревянные рыцари растерялись, явно думая о том же и пытаясь найти логику.

— Ну!? — я сложила руки на груди. — Кого ждем? — сказал бы мне кто день назад, что я буду наезжать на два полена, послала бы этого товарища в дурку. — Долго стоять будете, истуканы?

Они все же послушались и, кряхтя, отвернулись. Мне даже интересно стало, что творится в их деревянных головах и есть ли там опилки, но думать о ерунде не было времени, поэтому я принялась стаскивать с себя многострадальное платье. Когда на полу к платью присоединилось нижнее белье, я поежилась и сказала:

— Я готова.

Один из прислужников на долю секунды повернул голову и, удостоверившись в моем внешнем виде, вежливо отвернулся.

Моим же вниманием всецело завладела стена, в которой расширился кривой проход, словно только что вырезанный рукой невидимого великана. Прислужники направились в появившийся коридор, а я увязалась следом, не дожидаясь особого приглашения. С одной стороны, было боязно, но с другой... Чудеса, которые наконец выбрались из выдумки в реальность, манили и интриговали.

Коридор был длинным, просторным и обрывался темнотой, откуда веяло холодом и запахом дождливого леса. Видимо, в эту темноту мне придется зайти, не имея даже намека на то, что меня там ждет. Я уже была согласна на компанию Эррана, хоть он меня и пугал, но лучше с ним, чем с безликими спутниками, которым без разницы, куда меня вести: на казнь или на свадьбу. Хотя порой свадьба хуже казни.

Я посмотрела на стены коридора и заметила, что все они были украшены живым плющом, который частично врос в дерево, а частично змеился по полу, колыхаясь на сквозняке. Растение не походило ни на одно из знакомых мне, однако листья плюща были широкими, а стебель толстым и прочным. Мне на ум пришла гениальная идея.

Я бросилась к плющу и начала безжалостно его срывать. Нет, ну ведь нужно предстать перед лесом, не ассоциируясь с человеческим миром, верно? А в плюще я буду олицетворять деву природы или древесную нимфу! Единственное, лесу может не понравиться, что я прибила живое растение, чтобы сделать из него эко-костюмчик...

Я несколько раз обмотала плющом вокруг груди и бедер и завязала его бантиком наталии. Получился своеобразный комбинезон, закрывающий все, кроме рук и голеней. Всегда знала, что нужно было идти не в актерское, а на дизайнера или модельера. Кажется, у меня талант!

Опутанная плющом, я искренне надеялась, что выгляжу, как амазонка, а не как чучело огородное. Хотя жизненный опыт подсказывал, что второй образ куда вероятнее.

Я также опасалась, что мои деревянные сопровождающие будут возмущаться, но те отнеслись к моей выходке спокойно. Они просто стояли по обе стороны от входа в темноту и терпеливо ждали, когда мне надоест обвязываться плющом.

— Простите, мальчики, что заставила вас ждать! — я так гордилась своей сообразительностью, что даже повеселела. — Что теперь? Мне надо туда?

Прислужники не удосужились ответить, а вот темнота гостеприимно шевелилась напротив, походя на пасть зверя исполинских размеров. Меня проглотят и не подавятся.

Я сжала и разжала кулаки, а потом шагнула в неизвестность, которая встретила меня ночным воздухом и шумом леса. Кроны деревьев перешептывались между собой, а трава под ними шелестела, откликаясь на их тайны.

Деревянные стражники не последовали за мной, я обернулась и, к своему ужасу, поняла, что коридор за моей спиной исчез, будто его и не было. Меня оставили на растерзание крошечной темноте, до чертиков неудобной. Я чувствовала чужое присутствие. Я была не одна.

Сотни взглядов вперились в мою фигуру, пронзили ее, как дротики. Я не видела тех, кого скрывала от меня тьма, но улавливала их настроение. Любопытство, страх, интерес и восхищение потонули во враждебности и ненависти, которые заставили оцепенеть и вспоминать молитвы. Неужели мне посчастливилось снова оказаться в компании тех лягушек-переростков? Или темнота скрывала от меня существ куда страшнее...

Если бы коридор не исчез, я бы стремглав ринулась обратно к деревянным стражникам искать у них защиты. Голодная ярость была осязаемой, как и кровожадность. Я сравнила себя с сочным окорочком, который положили перед хищниками, давно мечтающими о закуске. Они растерзают меня в одну секунду! Вот поэтому нужно было снять одежду? Чтобы не мешала!?

«Эрран, не знаю, где ты, но это не смешно. Если меня сожрут, я буду являться тебе в кошмарах».

Но нападать пока никто не собирался. Вместо скоростной гибели, к которой я приготовилась, меня поджидало другое зрелище.

Под ногами справа и слева вдруг загорелись голубые камешки. Они зажигались парами, превращаясь в дорожку с подсветкой, которой хватало только на неровную тропинку. Ужасы, таящиеся в темноте, все еще были сокрыты.

Я нашла в себе силы пойти вперед по единственному пути, надеясь, что он не заведет меня в очередные неприятности.

Камни зажигались, вторя моим шагам. Их свечение не успокаивало а, напротив, нервировало, зарождая подозрения о ловушке. Чем дальше я заходила, тем острее чувствовала на себе взгляды, которых становилось все больше: внимательных, звериных. Кто-то прятался за деревьями, а кто-то подбирался слишком близко, влекомый любопытством или голодом: я слышала дыхание невидимок.

Что ждет меня в конце пути? Плаха? Дойду ли я до нее?

Темнота никогда не была моим кошмаром, но теперь, наверное, станет. Из-за биения собственного сердца в груди, ушах и горле тошнота все разрасталась. Я обняла себя за плечи, продолжая идти.

Наконец пространство стало светлее. Камни засветились ярче, и моему взору предстала картина, заставляя остановиться.

Лесной царь повернулся ко мне и, приветствуя, наклонил голову. Душа моя задрожала от облегчения и слез, которые переполняли испуганную до жути девочку во мне. Ну и зачем только меня заставили проходить через этот ужас!?

В десяти шагах от меня находился каменный алтарь, выполненный в форме округлой парковой поилки для птиц, стоящей на тонкой заплесневелой ножке. Вместо воды была земля, на которой распускался алый цветок, напоминающий бутон гибискуса. Корни не умещались на алтаре и, свисая, льнули к деревянному полу и врастали в него.

Тут только я заметила, что под ногами вовсе не пол, а срез дерева, будто я стояла на огромном пне, усыпанным светящимися камешками, как пылью.

Эрран был одет в серебряно-синюю рубашку, до того свободную, что она больше походила на пляжную. Не до конца заправленная в черные брюки, она заставляла выглядеть царя небрежным и домашним, однако его образ несравненно вписывался в царящую атмосферу сонного, ленивого полумрака и мистики.

Пока я рассматривала царя, он тоже бегло и без особого энтузиазма осмотрел меня, задержавшись взглядом на импровизированном наряде. На мгновение его отстраненность дала слабину, сменившись озадаченностью, но он

быстро сморгнул ее и протянул мне руку, предлагая подойти.

Что ж, выбора у меня особого не было. Не бежать же в лес к непонятным чудикам, раз передо мной чудик понятный. Я направилась к Эррану, думая о сумасшедшей энергетике этого места, которая буквально искрила в воздухе и даже электризовала волосы.

Значит, так ощущается магия? Как будто поймали миг за секунду до грозы, которая долго зрела над землей жутким предзнаменованием и только-только решила обрушиться.

— Надеюсь, я не опоздала. — произнесла я, чтобы отпугнуть тишину.

— Нет, но я успел соскучиться. — ответил Эрран. — Ждать тебя и не знать, где ты, — просто мучительно.

Я с удивлением посмотрела на него и не сразу сообразила, что он тоже играет. Ну, конечно, темнота наполнена его подданными, и они должны видеть искренность царя и его невесты. Моя роль не единственная.

— Ты готова? — он бережно взял мою ладонь и поцеловал ее нарочито медленно.

— Конечно.

«А к чему я готова, к чему!? — вопили мои мысли, — Может, надо было для начала рассказать в общих чертах, что меня ждет!? Чтобы я хоть немного была готова!? Ух, балбес, стукнутый магией!»

Эрран не спешил отпускать мою руку, он смотрел на нее в нерешительности, словно сомневаясь. Явно в его голове сейчас проходил сложный мыслительный процесс. Интересно, что заставило его колебаться в самый последний момент?

— Тогда пришло время узнать, достойна ли ты леса. — выдохнул царь с чрезмерным пафосом.

«Хм, может, я все-таки в секте? И поклоняются они лесу? Святость природы и все такое...»

— Нужно положить сюда ладонь, — шепотом подсказал Эрран, чуть придвинувшись.

Я проследила за его взглядом, который был направлен на алтарь: у основания цветущего растения земля стерлась до толстых корней. Они переплетались и отдаленно напоминали человеческое сердце: не его символ, а именно орган.

Во мне заскреблись большие сомнения о безопасности происходящего, а разыгравшаяся паранойя орала, что это конец и живой уйти не получится. Я набрала в легкие побольше воздуха и накрыла корневое сердце ладонью, ожидая, что ту пронзит либо холодом, либо жаром, но ничего не произошло.

Я покосилась на Эррана, но тот терпеливо ждал. Его напряженные плечи и тяжелый взгляд никак не сочетались с расслабленным образом только что проснувшегося царя.

«Ну и что должно произойти? М? Или мне нужно стоять до тех пор, пока птицы не совьют гнездо на моей макушке?»

Я успокоилась, прогнав от себя переживания о том, что будет, если лес меня не примет. Кажется, он был абсолютно равнодушен к смертной человеческой девчонке.

Но не успела я порадоваться, как вдруг моя голова канула в пьяное головокружение. Цветок передо мной начал вертеться обезумевшей юлой, превращаясь в два пламенных глаза. На меня смотрело чудовище, врываясь в самую душу, в каждую потаенную мысль. Когти чужого присутствия скребли по сокровенным желаниям и мечтам.

Я попыталась убрать ладонь, но она намертво приросла к корням, которые принялись шевелиться, как клубок змей и оплестать мои пальцы. А чудовище... А Лес продолжал препарировать мое нутро.

Было чувство, будто ворвались в самую важную часть моей души, в личный уголок, наполненный секретами и драгоценностями, и начали крушить все и ломать. А я стояла, кричала и не могла этому помешать.

«Нет! Нет! Отпусти меня!» — я билась в агонии, пытаюсь выгнать непрошенного гостя. Его сознание было таким всеобъемлющим, таким тяжелым, что просто раздавливало меня, превращая в хрупкие осколки.

Земля под ногами начала затягивать меня в рыхлую могилу. Я уже тонула в земле, распластавшись в яме без света и воздуха, когда она начала сыпаться на голову. Меня закапывали заживо. Я задыхалась...

Как... Как дышать? Как..?

«Соберись». — прозвучал властный голос. Не мой голос, не Леса... Этот голос, от которого даже земля на секунду перестала сыпаться на голову, принадлежал царю.

Только его рядом не было. Меня хоронили в одиночестве.

Я не могу, я не могу, я не...

«Он тебя испытывает. Борись».

Я не могу.

«Ты можешь».

Нет!

«Ну же!?!»

Кое-как истерику получилось унять.

Я закашлялась и дрожащими руками схватилась за корни, которые торчали в могиле. Они были скользкими и обрывались, поэтому приходилось снова и снова цепляться за новые, чтобы продолжать подтягиваться и лезть

наверх. Съезжая вниз, я стискивала зубы и лезла снова. Хотя смысл не видела. Если моя душа выберется из этого ада, она будет настолько растерзанной, что я уже не смогу жить.

Остался лишь стержень, и моя личность повисла на нем, как безжизненное пугало на шесте. Этот стержень воспитывался во мне многими годами, когда хотелось сдаться или опустить руки, но я не позволяла себе даже думать об этом. Теперь же этот стержень заставлял меня из раза в раз подниматься, отплеивать землю и лезть наверх, сдирая ногти о склизкие корни.

Казалось, пытка никогда не закончится. Вот он, мой персональный котел в аду.

Я забыла, кто я, что здесь делаю и зачем. Остались лишь кровавые огненные глаза и земля с корнями, по которым я карабкалась, выбиваясь из сил и рыдая.

Но попытка, незнамо какая по счету, увенчалась успехом. Я выбралась из ямы и растянулась на земле, раскрывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Но не успела опомниться, как неведомая сила потащила меня к небу и вышвырнула в реальность.

Я тупо уставилась на свою ладонь, которая все еще лежала у алого цветка. И могила, и земля мне привиделись, как безумно реалистичный сон.

Моя душа не была растерзанной, она почти не изменилась, пережив мясорубку, куда отправил ее лес. Правда, она напоминала тщедушного кролика, который бежал от волка, видел его острые зубы над своей головой, но чудом сумел удрать. И теперь он сидит и не знает, а жив ли он или мертв.

— Ты справилась. — произнес голос, и я вздрогнула. — Лес тебя принял.

Оказывается, Эрран стоял за спиной почти вплотную и держал меня за плечи. Но едва я это поняла, он убрал руки и подошел ближе к алтарю. На лице его промелькнуло настоящее облегчение. Я же ничего не чувствовала. Страшное опустошение превратило ту часть меня, которая могла испытывать эмоции, в выжженную пустыню. Я устала. Я больше не могу.

— Я могла умереть, да?

Эрран растерянно взглянул на меня, наверное, удивляясь моему равнодушию.

— Нет, не могла. Если бы он понял, что ты сдалась, все бы закончилось. — Слабое, конечно, оправдание тому, через что мне пришлось пройти.

— Ясно.

Моя ладонь все еще оставалась приклеенной. Неужели мне придется еще раз бороться с землей и корнями!? Но вместо ужасов меня ждало чуть теплое прикосновение Эррана. Он положил свои длинные пальцы поверх моих, и их тут же опутали корни цветка. Наши ладони вместе закрывали сердце леса, которое неожиданно запульсировало.

«Тук-тук» «Тук-тук» Тук-тук».

Стук был слышен везде. Сердце билось не только под моими пальцами, пульсировала вся земля, весь лес в одном такте. Я услышала и биение сердца Эррана: такое громкое и звучащее в унисон сердцу леса, словно они были единой музыкой.

Мое же билось отдельно и никак не могло подстроиться. В груди разрасталась боль, а мое сердце затрепыхалось в страшной аритмии, грозя остановиться. Еще чуть-чуть... И оно замрет.

В глазах резко потемнело, и я медленно выдохнула, а потом поняла, что больше не слышу стук собственного сердца отдельно. Он слился с пульсом леса и Эррана, стал единым с ним. Одновременно с этим осознанием, корни соскользнули с наших ладоней, освобождая их.

Почувствовав жжение, я посмотрела на свое запястье, где появился небольшой серый узор из шести заостренных овалов, вместе напоминающих распутившийся бутон.

Окружающее пространство тоже изменилось. Теперь энергия, переполняющая воздух, не казалась отдаленное и чуждой, пришедшей из другого мира. Она стала почти осязаемой и походила на голубоватую дымку, которую можно было даже собрать в ладони при желании. Моя измученная душа тоже захотела превратиться в туман и уплыть.

— Эй, не пропадай. — Эрран провел рукой по моему голому предплечью. — Лучше приходи в себя.

— Все закончилось? — спросила я без интереса.

— Осталось пережить последнее. — ответил Эрран, ненавязчиво разворачивая меня к себе.

У меня не было сил даже возразить, когда он коснулся моих губ своими, заставляя неосознанно ответить на поцелуй.

Но это прикосновение, сначала легкое, а потом более требовательно, вдруг разожгло потухший огонь. Мое тело, моя душа ожили, как будто пробудились от долгого сна. Я встрепенулась, полностью приходя в себя. И первой моей мыслью было то, что этот вынужденный поцелуй превосходит другие киношные и сценические, которые были в моей карьере.

Мне он нравился. На вкус поцелуй был запретным и нежеланным, однако чувствовалось и любопытство, и

будоражающий интерес. Я наполнялась теплом, светом и жизненной силой, а пламя в груди разжигалось ярче.

Но как только я разыгралась и провела языком по его нижней губе, Эрран, словно опомнившись, отстранился. Я вздохнула с откровенным разочарованием, и это заставило задуматься... А почему я, собственно, расстраиваюсь!? Это все было подневольно, и я не имела права получать удовольствие! Или тут какое-то влияние его магической природы?

Эрран посмотрел на меня с равнодушием. Его дыхание не было таким сбившимся, как мое.

— Позволь узнать, как же ты додумалась нацепить на себя этот плющ? — спросил он, указывая на мой самодельный костюмчик.

— А почему нет? — я с вызовом подняла голову. — Ты что-то имеешь против?

— Я? Вовсе нет. — усмехнулся Эрран. — Напротив, кажется, лесу даже понравилось. — он заметил мою озадаченность. — Лес мог зацепиться за любую твою мысль, черту характера и даже за внешний облик, чтобы разозлиться, и придумать более ужасную пытку. Но ты ему понравилась.

Что ж... От мысли, что все могло быть гораздо хуже, стало не по себе. Хорошо, что я на мысленной встрече с лесом не думала о средней продолжительности жизни моих несчастных комнатных растений. Узнав об этом, лес бы точно меня закопал.

— Ага... Понравилась... — пробормотала я. — Не уверена, что взаимно...

— Тсс... — Эрран сжал мое запястье. — Лес все слышит, помнишь? И все же... — он снова покосился на мой костюм и хмыкнул. — Когда ты обматывалась плющом, ты знала, что он ядовитый?

— Нет... — ответила я, а потом до меня дошло. — Подожди, что!?

Глава 7. Тот плющ был явно плохой идеей.

Эрран через магические проходы повел нас по коридорам, которые сменялись один за другим, словно мы прыгали по кроличьим норам. Я не обращала внимание на интерьер, сосредоточившись на интересующих вопросах:

— И что со мной теперь будет? Раз плющ ядовитый?

— Самому интересно, как отреагирует твоё человеческое тело, — обрадовал меня Эрран. — Но вряд ли тебе угрожает что-то серьезнее зуда.

— Угу. — мне захотелось сорвать с себя растение как можно скорее. Быстрее бы остаться в одиночестве... — А как теперь меня будут называть?

— М? — Эрран покосился на меня, подводя к массивной двери, на которой был вырезан такой же узор, какой появился на моем запястье. Кстати, наконец-то я увидела настоящие двери, ну хоть что-то привычное в этом чуждом мире!

— Я теперь кто? Царевна? Царица? Или у меня нет титула?

— Ты вольна сама выбирать, как себя называть. — он незаинтересованно пожал плечами. — Что бы ты ни выбрала, твою суть это не изменит. Всего лишь титул.

Настроение лесного царя оставляло желать лучшего. Он пытался скрыть раздражение и недовольство, однако скривившиеся губы выдавали его настоящие чувства. Эрран не стремился поддерживать разговор и, наверное, хотел избавиться от меня даже сильнее, чем я от него. Мне оставалось лишь догадываться о том, что его гложет.

— То есть ты сам себя назвал царем?

— Не совсем. — Он толкнул двери и подвинулся, пропуская меня вперед. — Скорее это название стало традицией. Цари были до меня, возможно, будут после. Нет смысла называться как-то по-другому.

— Понятно... — ответила я и осеклась. — Так, а почему здесь одна кровать?

Мы зашли в большую комнату, наполненную сумраком. Вечер пробивался через два широких окна, опутанных розовато-зелеными лианами. У дальней стены стояла массивная широкая кровать, настолько низкая, что расстояния от нее до пола почти не было.

— Потому что это общие покои.

Я сопоставила события между собой и вспомнила, что церемония-пытка была своеобразной свадьбой, а после свадьбы что обычно у нас бывает? Правильно, брачная ночь. Ну уж нет, я на такое не подписывалась!

— Так. — вздохнула я. — Я, конечно, не обговаривала этот момент, потому что это и так подразумевалось, но... Интим не предлагать!

— О чем ты? — Эрран решил косить под ничего не понимающего дурачка.

— В постель я с тобой не лягу ни за что! — я на всякий случай отошла от него на несколько шагов и уперла руки в боки для пушей убедительности. — Не забывай, что у нас исключительно фиктивные отношения...

— Так, заканчивай нравоучения. — перебил меня Эрран и кивком головы указал мне на дверь справа от кровати. — Там твои покои. А там, — он посмотрел на дверь слева, — мои, куда не стоит заходить без предупреждения. Эта же комната общая для супругов, и, соответственно, к нам никакого отношения не имеет.

— А... — я смутилась собственными поспешными выводами. — Ладно, поняла... Просто увидела одну кровать и

подумала...

— Подумала что? — Эрран склонил голову набок, и его серые глаза сердито блеснули в полумраке. — Советую избавиться от подобных похотливых мыслей. Они слишком ярко светятся на твоём лице.

Я хотела возмутиться, однако сдержалась и ехидно поинтересовалась:

— Ну и пусть светятся. Они что, тебя смущают?

— Скорее оскорбляют. — ответил Эрран. — Нет ни малейшей возможности для того, чтобы мы делили общую постель.

— Полностью с тобой согласна. — хмыкнула я, хотя меня слегка покорило пренебрежение и даже отвращение, с которым он произнес эти слова, словно считал меня чем-то противным и неприятным.

— Доброй ночи. — он направился к своей двери.

Я же еще раз огляделась.

Интересно, раз эти комнаты предназначались для супругов, значит, все-таки магические создания в этом мире любят друг друга и размножаются классическим способом. Или это не точно? А что насчет Эррана? К какому виду он относится?

Может, он вообще асексуален, раз так поморщился, когда я сказала об общей кровати, словно съел что-то кислое. Были ли у него женщины? Целуется он ведь неплохо...

Черт! Почему я об этом думаю!? Почему я вообще думаю о том, как он целуется!? Надя, ты в своем уме!? Хотя в свое оправдание скажу, что после всех потрясений, мне было необходимо переключиться на глупые отвлеченные мысли.

Я направилась к своим покоям, которыми оказались две комнаты: спальня и, предположительно, ванная, куда вела еще одна закрытая дверь. В спальне рядом с зеленым ковриком стояла кровать, напоминающая огромную колыбель, сплетенную из веток деревьев. Выглядела она, как уютное гнездышко.

Сорвав с себя злополучный плющ, я нырнула под одеяло и едва ли не застонала от удовольствия. Белые простыни были холодными и свежими, и от них исходил едва уловимый аромат вечернего леса. А перина ощущалась, как облако, в котором я с наслаждением тонула.

Ладно, жизнь не так ужасна. Сейчас, расслабляясь на мягкой постели, думать о пережитом кошмаре не хотелось. Нужно просто заснуть... Отложить все мысли до утра... Усталость почти сморила, однако погрузиться в долгожданный сон не получилось.

Нет, жизнь все-таки ужасна.

Плющ напомнил о себе, и кожа запылала страшной чесоткой. Сначала она была еле ощутимой, и я просто ворочалась с боку на бок, пытаясь найти холодное место на простыни, чтобы она охладила тело. Но потом я села на кровати, ногтями проводя по горячему телу. Кожа покрылась красными зудящими пятнами, а язык во рту высох настолько, что не получалось даже сглотнуть.

— Чтоб тебя... — прошептала я. — Как же чешется...

Теперь мне казалось, что перина превратилась в зыбучие пески, раскаленные солнцем. Прикосновения к ткани вызывали боль. Я извивалась как змея и карябала живот, наверное, рискуя исцарапать себя до крови.

В конце концов стало невозможно. Я, хныкая, спустилась с кровати, прихватив с собой простынь, и, еле прикрываясь ей, начала корчиться на полу. Шею сжимали невидимые тиски, а мысли путались, словно охваченные лихорадкой. Думаю, меня и правда лихорадило. Горячая кожа покрылась болезненным потом.

Еще одна попытка. Я уже не была уверена, а не закапывают ли меня снова. Реальность смешалась с лихорадочным бредом и болью. Перед глазами мелькали тени.

— Поднимись. — сказала одна из них знакомым голосом.

Эта тень расплывалась перед глазами, но была ярче, чем остальные. Она стояла слишком близко, поэтому я попыталась отползти, но тело не слушалось.

— Возьми мазь, нужно втереть ее в кожу. — в мою ладонь вложили что-то холодное и стеклянное, наверное, это была банка, но из-за головокружения не получалось сфокусировать на ней взгляд.

— Мама... Я хочу домой. — я свернулась калачиком, желая исчезнуть как можно скорее. — Или на тот свет...

Послышался тяжелый вздох, и банку у меня забрали, зато потом я почувствовала холодное прикосновение к своему бедру. Меня касались чьи-то пальцы, и жжение, охватившее кожу там, где в нее въедалась мазь, было невыносимым.

— Нет! — я зарыдала. — Не трогайте меня. Умоляю... Пожалуйста! — со стороны мои попытки увернуться выглядели жалкими. — Отпустите... — слезы катились из моих глаз и сразу же высыхали на горячих щеках. — Эрран, прошу.

— Я так часто видел женские слезы, что, боюсь, они для меня уже не имеют никакого значения.

Чужие руки проводили по животу, груди, плечам и шее. Я дрожала, бултыхаясь между беспомощностью и реальностью, и как только приходила в себя, то чувствовала массирующие прикосновения пальцев, от которых

всеми силами старалась отстраниться. Казалось, я растворялась в этих руках: я существовала только там, где меня касались, и чувств никаких больше не было.

Когда Эрран резко провел ладонью между моих ног, я вздрогнула, всхлипнула громко, и, не желая бороться с подступившими эмоциями и мурашками, потеряла сознание. Да, лучше нырнуть в спасительную горячую темноту, чем биться головой о реальность, которая не хотела тебя пропускать.

Но долго мне быть в беспамятстве не пришлось. Я очнулась, когда на мое лицо упали холодные капли воды. Эрран сидел рядом на полу и в полумраке еще меньше напоминал человека. Губы лесного царя были плотно сжаты, а волосы растрепаны, будто сам он недавно проснулся. Выглядел Эрран мрачным и уставшим.

Он помог мне приподняться, придерживая за плечи, и поднес к губам стакан с водой.

— Нужно выпить. — произнес он. — У тебя жар. Ты сгоришь.

Температура действительно ощущалась, думаю, она была в районе тридцати восьми. Меня ломало от слабости, и я послушно глотнула чуть кислую воду, чувствуя, как она обжигает холодом пересушенное горло. Сознание возвращалось с осторожностью, будто боялось, что его снова спугнет лихорадка.

— Мне жаль. — произнес лесной царь, не глядя на меня. — Я даже не мог подумать, что человеческое тело настолько хрупкое и уязвимое.

— Что...

До меня не сразу дошло, что я сижу рядом с Эрраном совершенно голая. Зашипев, я дернула к себе простынь и кое-как прикрылась, хотя смысла особого не было. Меня, наверное, уже наразглядывались вдоволь!

Почти все тело покрывала чуть серебристая мазь, напоминая жирный слой хайлайтера. Зато жутких красных пятен не было, но это слабо утешало. Стыд и неловкость затопили меня с такой силой, что, кажется, температура взлетела до сорока. Мне хотелось, чтобы Эрран ушел сейчас же... Какой кошмар... Ну почему мне приходится проходить через подобное!?

Я закрыла лицо руками и, не сдерживаясь, горько заплакала. Наконец все эмоции соединились в один комок, и мне стало так себя жалко. Эрран рядом напряженно расправил плечи и сказал:

— К утру все пройдет.

— Ничего не пройдет, — я замотала головой. — Как я могу быть уверена, что завтра не повторится сегодняшний ад!?

Эрран промолчал.

— Меня сегодня закапывали!

— Я знаю.

— А потом я чуть не оочурилась из-за этого дурацкого плюща. — снова пожаловалась я и сквозь слезы спросила. — Зачем это все? Ну зачем!? Ну почему меня нельзя просто отпустить!?

— Если бы все зависело от моих желаний, то тебя бы здесь не было. — ответил он и смерил меня оценивающим взглядом, как будто пытаюсь понять, в насколько бедственном положении я нахожусь. — И я почти уверен, что ты сейчас не готова меня слушать. Тебе нужно отдохнуть.

— Ну уж нет, я готова! — гнев потеснил безграничную жалость к себе. — К информации я всегда готова.

Какой бы отдых ни требовал мой измученный организм, мне было необходимо понять происходящее, разобраться, как себя вести и каким образом справляться с неприятностями. Иначе я просто тонула, не умея плавать. Более того, лесной царь выглядел виноватым, поэтому от него наверняка получится узнать что-то важное.

— Ну хорошо. — Эрран не стал спорить и пожал плечами. — Дело в том, что часть моих подданных... В основном, это огры. Они загорелись диким желанием напасть на людей и начать войну. Они ненавидят подобных тебе, как, впрочем, и большинство лесных жителей. Но война с людьми слишком дорого стоит. — он глубоко вздохнул. — Меня неоднократно вынуждали одобрить их идеи о войне. Я же долго думал и принял решение жениться на человеческой девушке, чтобы дать всем понять, что идти на поводу у них не намерен и начинать войну с людьми не позволю.

— Подожди... — я ошарашенно посмотрела на Эррана. — То есть сейчас твои подданные, наверное, сильно бесятся из-за того, что должны подчиняться человеку? И из-за того, что я стала твоей невестой, а потом женой?

Ну все понятно! Просто прекрасно! Теперь я — козел отпущения.

— Верно, но зато они не думают о войне со всеми людьми, ведь свой гнев переключили на тебя. — просто сообщил Эрран.

Мне захотелось высказаться о «гениальности» идеи лесного царя жениться на человеке, чтобы приструнить собственных же подданных, а затем я задумалась о перспективе играть роль человеческой правительницы, которую ненавидит народ. Да что ж мне так везет...

— А как ты сам относишься к людям?

— С презрением. С отвращением. — без раздумий произнес Эрран, заставив меня поежиться. — С одной стороны, — он вдруг разоткровенничался, — мне даже хотелось, чтобы тебя не принял лес. Тогда моя совесть была

бы чиста. Я ведь попытался что-то сделать, привел человека, и не моя вина, что ничего не получилось. Но как все вышло, ты и сама знаешь.

Было до конца непонятно, доволен ли он тем, что лес меня все-таки принял или нет. Я снова засмотрелась на Эррана, который лениво взъерошил волосы и поправил рубашку. Сидя на полу, он не выглядел, как беспощадный царь, однако величия своего все равно не растерял.

— То есть тебе противно, что ты женат на человеке? Ты пошел на настоящую жертву ради того, чтобы усмирить собственных подданных?

— Верно. Но не обольщайся, — он позволил себе усмешку, — и вспомни о нашем уговоре и о том, что наш союз временный. Огры успокоятся и привыкнут к тебе рано или поздно. Их тяга уничтожить людей ослабнет.

— Почему ты уверен, что они привыкнут ко мне или примут?

— Потому что ты — это мой выбор. — сказал Эрран с непоколебимой твердостью настоящего царя.

— Ну-ну... Надеюсь, они привыкнут ко мне до того, как я состарюсь и умру... — Уверенность Эррана в том, что мне не придется торчать в этом магическом лесу до конца времен, вселила в меня надежду. — Или они привыкнут ко мне не после того, как прибьют.

— Тебя никто не посмеет тронуть. — возразил Эрран. — я не позволю причинить тебе вред.

Странно, но я ему поверила.

Ситуация больше не казалась такой обреченной, и если мне пока удавалось выживать, то это хороший знак. Да и когда еще представится такая возможность насладиться магией и познакомиться с другим миром? Надо встречать превратности судьбы с интересом и относиться к ним как к приключениям.

— Подожди, — вспомнила я, — ты же девятнадцать лет назад договорился с Георгием Леопольдовичем по поводу его дочери? Это же так давно...

— Девятнадцать лет — это короткий срок. — невозмутимо хмыкнул Эрран и снисходительно улыбнулся. — Хотя кому как... Дочь этого человечика мне показалась хорошей возможностью, которой нельзя не воспользоваться. Я же не представлял, как буду искать человеческую невесту, да и, честно говоря, не хотел этим заниматься. А все устроилось само собой. Появился человек, который должен был погибнуть за свой проступок, а у него была дочь, которую он мне продал взамен на пошадку.

— А потом этот человек решил обмануть актрису и притащил меня сюда. — заключила я и поплотнее закуталась в простыню. — Ты говоришь, что девятнадцать лет — это короткий срок. Тогда сколько тебе лет? Выглядишь ты на двадцать пять. Хотя уместнее спрашивать, как давно тебе двадцать пять?

— Двадцать пять лет мне было очень и очень давно. — уклончиво ответил Эрран, наконец улыбнувшись, затем поднялся и протянул мне руку. — Предлагаю тебе перейти на кровать, не советую посягать на обязанности ковра. Он может расстроиться. Ну или разозлиться. — лесной царь многозначительно на меня взглянул.

И вот как понять, шутит он или этот зеленый ковер действительно обладает сознанием и может тяпнуть за пятку!?

Я хмыкнула и, морщась, поднялась, проигнорировав протянутую руку. Пошатываясь, на ватных ногах доползла до кровати и рухнула на нее без сил. Краем глаза заметила, как Эрран направился к двери, но что-то заставило его остановиться.

— Так в итоге какой титул ты себе выбрала? — спросил он.

Я улыбку уловив в его голосе нотку любопытства.

— Царевна... — из-за сонливости мой ответ прозвучал тихо. — Хороший выбор, да? Царевну я еще никогда не играла...

Кажется, лесной царь мне что-то ответил, но я уже не услышала, так как погрузилась в долгожданный и заслуженный сон.

Глава 8. Птицы, зеркала и воспоминания

— ИИААААУУУУ!

Я подскочила на кровати и в панике дернулась в сторону, свалившись на пол и запутавшись в простыне. Пронзительный и оглушительный звук снова повторился, вводя мое сердце в заблуждение: оно решало либо совсем остановиться, либо побить рекорд в отбивании чечетки.

— Да чтоб тебя... — выдохнула я, пытаюсь понять, где нахожусь и что происходит. Такое ощущение, что кто-то включил сигнализацию, предназначенную для мгновенной ликвидации врага, ну или разработал самый жуткий будильник.

Звуки, как стрелы, врывались в комнату через окно, вырубленное в форме кривого блина. Не знаю, что или кто так ужасно вопит, но я должна это увидеть и в крайнем случае избавить беднягу от мучений.

Надеюсь, это не Эрран переживает о вынужденной свадьбе, сидя в кустах и рыдая о своей судьбе.

Отодвинув розовые лианы, которые служили шторами, я выглянула в окно. Вид был весьма однообразный. Куда ни посмотри, всюду переплетение веток и разноцветных листьев: зеленых, красных, желтых и оранжевых.

Они застыли в противостоянии лета и осени.

Я опустила голову и заметила, что внизу тоже виднеются огромные листья, словно я сама находилась в ветке живого дерева.

— ИИААААУУУУУ!

Новый крик заставил встрепенуться и отыскать взглядом обладателя столь несравненного голоса. Метрах в трех от меня сидела птица, напоминающая смесь какаду и очень толстой совы. Клюв какаду, а все остальное — совиное, пушистое и серое. Размером она была с мою руку: от плеча до кончиков пальцев. И вот это безобразие запрокинуло свою маленькую голову и вновь истошно заверещало, из-за чего я ладонями закрыла уши, хотя это не особо помогло.

Что ж, ну хоть птица, а не какой-нибудь монстр... Хотя что она могла сделать в прошлой жизни, если в этой природа так ее наказала!?

— Ну спасибо! Я вообще-то спала! — рявкнула я. — Ты можешь петь где-нибудь в другом месте!?

Тут птица обратила на меня внимание, вытаращив свой черный глаз, затем взмахнула широкими крыльями и подлетела ближе. Я на всякий случай попятилась вглубь комнаты, а то мало ли, как поведет себя это создание.

Птица рассматривала меня с любопытством, а потом, прыгнув на подоконник, заверещала с еще большим энтузиазмом! Да она нарочно! Я, недолго думая, схватила подушку и запульнула её в пернатую гостью. Та явно не ожидала такой подставы и не успела увернуться. Подушка сшибла ее вниз, прекратив все вопли.

Надеюсь, лес не сочтет мой поступок за жестокое обращение с животными и не настучит мне по макушке. Так, пора смыться, потому что разозленная птица в любой момент может вернуться с желанием отомстить.

Я оглядела комнату в поисках того, что можно надеть, и заметила на кресле, которое скорее напоминало пенёк с растопыренными ветками, мое вчерашнее платье и нижнее белье. Одежда почти хрустела от чистоты. Интересно, кто мог ее выстирать и тайком принести в комнату?

Воображение сразу же нарисовало Эррана, который сидит в озере с мылом и, как прачка-труженица, тщательно оттирает с платья пятна земли и травы. Пришлось даже помотать головой, чтобы отбросить от себя эту картину.

Одевшись, я пятерней расчесала волосы и вышла из комнаты. Как раз вовремя, потому что за окном опять раздался крик, но уже наполненный возмущением и яростью. Инстинкт самосохранения требовал незамедлительно ретироваться во избежание кармы.

Я вышла в коридор и оказалась внутри пологой ветки. Деревянные стены были чуть теплые, будто нагретые солнцем. Пол тоже лучился теплом, поэтому ступать по нему босыми ногами было одно удовольствие.

Мои шаги нарушали умиротворенную тишину утра. Казалось, за несколько километров не найдется ни одной живой души: настолько было тихо. Неужели в чертоге лесного царя нет слуг?

Я проходила мимо закрытых дверей, гадая, что может за ними таиться. Учитывая мое местонахождение и магию, то любая фантазия имела все шансы появиться в реальности.

Но страха или волнения не было, меня вообще с утра преследовало завидное спокойствие: я смирилась со своей участью и решила храбро встречать всю жуть, которая наверняка меня ждет. А, может, я просто устала бояться.

Одна из коридорных дверей оказалась приоткрыта. Честно, вот не хотела туда заглядывать, но тут в комнате что-то интригующе блеснуло и притянуло мой любопытный нос.

С другой стороны, Эрран ведь не говорил, что мне куда-то нельзя... А как исследовать новый мир, сидя в своих покоях?

За дверью меня встретило небольшое и плохо освещенное помещение: на потолке висел уже знакомый светящийся виноград, однако выглядел он увядающим и потому свет был тусклым. У дальней стены стояло три мутных зеркала с тонким слоем пыли. Они словно вросли в кору дерева, которое медленно их проглатывало.

Я подошла ближе, чтобы посмотреть на своей отражение, и недовольно цокнула языком.

Даже выстиранное платье лучше выглядеть, к сожалению, не стало. Оно явно тосковало по огородному пугалу, с которого его когда-то сняли, чтобы нацепить на меня. Волосы же нуждались в расческе и хорошем шампуне.

Я еще раз покрутилась возле зеркала и собралась уходить, как вдруг...

— Ты отвратительна.

Я вздрогнула и развернулась, не понимая, кто это сказал. До меня не сразу дошло, что слова были произнесены моим голосом.

— Ничтожная актриса погорелого театра. — Мое отражение перестало повторять за мной и своевольно скрестило руки на груди.

Лицо в зеркале скривилось, а голос продолжал язвительно плеваться словами:

— Ты жалкая и никому не нужная. Ни семье, ни друзьям. Да хоть кто-то вспомнит о тебе, если ты сгинешь в этом мире!?

Мое зеркальное Я подалось вперед и положило ладони на поверхность зеркала. Это выглядело так, словно оно пытается продавить его и выбраться наружу.

— И тебе доброе утро... — я попятилась. Здравый смысл, проанализировав ситуацию, посоветовал убираться отсюда как можно быстрее, однако меня будто привязали к зеркалу невидимыми нитями — эмоциями, которые теперь накалились, выкрутив восприимчивость на максимум. — Кто ты такая?

— Я это ты. — произнесло отражение. — А что? Неужели не узнаешь эту никудышную, неинтересную фигуру? — она похлопала себя по бедрам, а я поморщилась, почувствовав на себе эти удары. — Эти пухлые щеки? Невыразительные глаза? Тонкие губы?

— Это магия, да? — догадалась я, проглатывая обиду. И почему эти слова меня задевают? Отражение словно вцепилось в негативные эмоции, вытаскивая их наружу, оно говорило то, что я и так прекрасно знала, но не хотела слышать.

— Правы были родители, когда перестали с тобой общаться. Они знали, что ты ничего не добьешься. А помнишь, как тебя бросили? Да, другого ты не заслужила. — Отражение больше не показывало меня, оно превратилось в экран, на котором я увидела комнату в квартире, ее я снимала три года назад.

В углу стояла тщедушная елка с аляпистыми шарами и гирляндой. Рядом — стол с едой, на которую был потрачен целый день.

Я обняла себя за лечи, желая закрыть глаза. Зеркало не только напоминало о неприятных событиях, но и раскапывало забытые чувства: обиду, боль, преданную любовь. Меня словно переместили на три года назад в худший новогодний вечер в своей жизни.

Сейчас я не стояла в комнате с волшебным зеркалом, а снова сидела за столом в красивом синем платье и с гирляндой, обмотанной вокруг шеи как удавка.

— Давай включим на ноутбуке новогодний фильм? «Дэш и Лили», к примеру, тут отзывы хорошие... — я листала подборку фильмов на телефоне. — М?

Игорь, мой парень, сидел напротив, и выкручивал штопором бутылку шампанского.

— Да зачем? Скоро двенадцать, а потом пойдем гулять, салют смотреть.

— Мы никуда не пойдем, пока ты не съешь все салаты. — хмыкнула я. — Я их готовила вечность.

— Понятно, у тебя время уходит либо на учебу, либо на готовку, но только не на меня. Между прочим, это я тот, кого ты любишь до беспамятства. — он игриво подмигнул.

— Ну, может, я еду тоже люблю до беспамятства... — хихикнула я и прикусила язык, осознав, что он не оценил шутку. — Ну не ворчи... Я доделаю с командой модульный проект и буду уделять тебе все свое внимание и время.

Игорь закатил глаза. Ему никогда не нравилась моя увлеченность актерским мастерством, он считал мою профессию второсортной, и мы часто ссорились на этой почве, хотя я всегда его прощала... Я была влюблена.

Экран телефона моргнул, и на нем высветились сообщения от однокурсницы. Наверное, она поздравляет с праздником. Я открыла переписку и нахмурилась, листая пересланные сообщения. Их было штук пятьдесят, а после них... Фотографии... Ступор мешал осмыслить ситуацию, и я перечитывала один и тот же пошлый диалог несколько раз.

Мое сердце разбилось в тот момент, когда вылетела пробка и шампанское брызнуло из бутылки.

— Ты чего замолчала? — спросил Игорь и щелкнул пальцами. — Прием-прием!

— Что это? — я положила телефон с открытым диалогом на стол.

Игорь придвинулся ближе и пробежался взглядом по сообщениям. Его улыбка медленно превратилась в гримасу недовольства.

— Я не знаю. — он выключил экран.

— Не знаешь?

— Не знаю, зачем она тебе это прислала. Это ничего не значит.

— Что? — Звон в ушах превратился в гул.

— Только не устраивай сцен. — он шумно отхлебнул шампанское и доложил салат себе на тарелку.

Повисло молчание, нарушаемое нервным гудением гирлянды.

— Почему? — единственный вопрос, который я могла из себя выдавить. У меня не укладывалось в голове, что со мной так могли поступить. Я была уверена, что измены случаются с другими, а меня они никогда не коснутся. Это же Игорь... Он так долго и красиво ухаживал, он не мог.

— Ты сама виновата. И только не надо на меня смотреть так, будто я Родину предал! — он скривился. — Все же было нормально, ты не должна была узнать. И что нашло на эту стерву...

Я поднялась со стула и принялась убирать со стола, переставляя салаты в холодильник. Праздничный вечер не состоится.

— Ты в Новый год можешь не устраивать истерику? — спросил Игорь. — Зачем праздник портишь!?

— Я порчу праздник? Чт... — я не могла подобрать слова. — Да как ты... Ты с ней спал... Она же подруга, а ты... Как вы могли? — голос дрогнул.

— Она не ломалась, как ломаешься ты. — он пожал плечами. — И не пропадала в институте или театре целыми неделями. Да любой бы на моем месте...

— Какой же ты подонок... — выдохнула я. — Выметайся из квартиры.

— Чего!? Ты серьезно хочешь остаться одна в новогоднюю ночь!?

— А зачем мне встречать новый год в компании такого парня, как ты? Зачем ты мне здесь нужен!? Чем быстрее ты исчезнешь из моей жизни, тем лучше. — я сжала в руках тару с оливье с такой силой, что побелели пальцы.

— А зачем мне такая девушка!? — взбесился Игорь. — У тебя нет ни таланта, ни перспектив, лишь глупые наивные мечты, которыми ты прожужжала мне все уши. Опомнись, ты никогда не снимешь свой фильм, никогда не станешь известной и, если ты меня сейчас выгонишь, лучше меня точно никого и никогда не найдешь!

Мои руки опустились, и тара со звоном рухнула на пол, разбиваясь и разбрасывая салат по выцветшему ковру.

— Пошел вон! — я схватила тарелку. — Или это полетит в твою голову! Ты меня знаешь. И передавай привет моей подруге. Вы друг друга стоите.

— Дура. Чокнутая. — он схватил пальто и раздраженно напялил обувь. — Да я с тобой был из жалости... С тобой же по-другому нельзя, фригидная. С праздничком! — он открыл дверь и, выходя, с силой ее захлопнул. Мягкая игрушка шлепнулась с антресоли в лужу, оставленную после ботинок.

Я села на стул и посмотрела на радостный танец пузырьков в шампанском. На душе было тошно.

— Не самое лучшее место ты выбрала, чтобы проводить утро.

Мысли и ощущения вернулись в реальность.

Зеркало все еще показывало картинку из прошлого, а тишина в комнате имела привкус напряженности, словно лес внимательно и с интересом вглядывался в отрывок человеческой жизни из неведомого ему мира. Я интуитивно чувствовала присутствие древней сущности.

Я обернулась и наткнулась взглядом на Эррана, который находился в шагах пяти от меня и тоже смотрел на зеркало.

— Как давно ты здесь стоишь? — спросила я.

— Достаточно.

Он явно видел то, чего бы я не хотела ему показывать. Попадать в неловкие ситуации с лесным царем становится неприятной традицией...

— Я хочу уйти... — вздохнула я. — Но оно не отпускает.

За спиной раздался отдаленный салют. Радости он не вызвал, как ни три года назад, так ни сейчас.

Эрран что-то пробормотал о человеческом разуме и встал между мной и зеркалом. Его присутствие послужило ширмой, которая отстранила меня от отражения и оборвала странную эмоциональную связь. Даже дышать стало легче, однако горький комок в груди все еще остался.

— Он был прав. — визгливо заговорило мое отражение. — Ты жалкая, и любить тебя можно только из-за жа...

Лесной царь прикрыл дверь, заглушая голос. Я почувствовала облегчение и устало прислонилась к теплой стене, по которой пробежала успокаивающая дрожь. На лесного царя я не смотрела.

— Вдохни и выдохни. — сказал Эрран. — Тебя должно отпустить. — Я думала, что он начнет злиться из-за того, что я зашла без разрешения туда, куда заходить было нельзя, однако царь выглядел спокойным и даже доброжелательным. В его взгляде промелькнуло сочувствие. Хотя, может, я спутала сочувствие с жалостью...

— Что это было?

Эрран ответил сразу же:

— Зеркало показывает то, что тебя терзает. Воспоминания, мысли, слова, все, что ты считаешь своей слабой стороной. Чем уязвимее является смотрящий в зеркало, тем большее влияние оно имеет над ним.

— Ага. То есть зеркало потрошит твои комплексы, ясно, понятно. — пробормотала я. Вот угораздило же меня сунуться сюда. Это как сеанс у психолога, только наоборот. — Зачем тебе нужна эта комната?

— Для профилактики. — Эрран пожал плечами. — Зеркала помогают увидеть то, что нужно в себе исправить или перебороть. Хотя, знаешь, я здесь редко появляюсь, не хочу лишний раз трепать себе нервы. А как ты вообще умудрилась сюда зайти?

— Дверь была открыта.

— Открыта? — Эрран нахмурился и загадочно хмыкнул. — Интересно...

Я насторожилась:

— Что такое?

— Неважно, — он мотнул головой. — Позавтракаешь со мной?

— Завтрак? — я вяло улыбнулась, вспомнив, что вчера целый день не ела. — Неужели меня решили не морить голодом?

— Ты сама себе создаешь уйму неприятностей. Поэтому мучать тебя дополнительно было бы крайне невежливо. Пойдем. — он повел меня по коридору.

Мы прошли в небольшой зал с широкими окнами, опутанными лианами, как паутиной. Посередине стоял круглый столик из светлого дерева с двумя низкими стульями, а на столе лежали фрукты, тарелки с салатами и мясом, возвышались графины с розовой жидкостью, напоминающей чай или компот. Еда выглядела привычной и человеческой.

Я, не дожидаясь приглашения, села за стол и положила себе салат. Приборы были деревянными, но несмотря на это, вилка оказалась острой и с легкостью цепляла огурцы с помидорами, вполне похожими на те, что росли в моем мире. Мой желудок, уже отчаявшийся, вспыхнул надеждой и вдохновенно заурчал.

Эрран сел напротив и задумчиво меня разглядывал. Он опять казался домашним — в своей свободной светлой рубашке и расстегнутом камзоле, и никак не походил на могущественного правителя.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Плохо. Однако царь вряд ли спрашивал о моем моральном состоянии.

— Я проснулась совершенно здоровой. — Действительно, лихорадки и зуда будто бы и не было.

Эрран помолчал, и по нему было видно, что он что-то хочет сказать, но так и не решается, однако все-таки начал:

— То, что показало зеркало...

— Так! — возмутилась я, поспешно проглатывая еду. — Я не собираюсь обсуждать с тобой собственные неудавшиеся отношения и вообще свою личную жизнь. Так что забудь, что ты видел, и не думай об этом.

— Хм, слышу в твоём голосе приказные нотки. Вжилась в роль царевны!?! — произнес он с заметным ехидством.

От его вчерашнего подавленного и сумрачного настроения не осталось и следа, передо мной сидел уверенный в себе молодой мужчина, готовый своим оскалом ослепить землю.

А еще от него больше не исходила опасность, напротив, в его обществе было вполне уютно и спокойно, если, конечно, не думать о его титуле и о том, что он не является человеком. Вообще, если абстрагироваться от этих неприятных фактов, то Эррана вполне можно было воспринимать как коллегу в театре, с которым приходится отыгрывать главные роли.

— Но я хотел бы понять, в чем смысл? — спросил он с ноткой упрямства.

— Смысл чего? Жизни? Бытия? Прости, я не готова философствовать за завтраком. — я потянулась за мясом, надеясь, что оно тоже окажется знакомым.

— У тебя такая короткая жизнь, а часть ее ты потратила на недостойного. Зачем? — он чуть подался вперед, готовясь услышать ответ.

— Тебе так хочется пообсуждать мою личную жизнь!?

— Это, как минимум, забавно. — он прищурился. — Так что не лишай меня удовольствия узнать твою историю.

— Кто бы мог подумать, что лесной царь магического леса такой любопытный сплетник...

Мне казалось странным делиться с ним информацией о себе. Во-первых, ему вряд ли интересно это слушать, во-вторых, мы с ним не друзья, в-третьих, он царь и волшебник, который почти насильно меня удерживает в лесу, в котором меня на каждом шагу поджидает опасность.

Пока я думала, Эрран расслабленно прислонился к спинке и нетерпеливо сверкнул глазами. Я вздохнула, поддаваясь.

— А откуда я могла знать, какой он. Да и встречались мы месяца четыре, там ничего серьезного не было. — Но несмотря на это, разрыв с Игорем сильно меня подкосил тогда, а злые слова надолго засели в голове, но, правда, сделали сильнее в каком-то смысле. Хотя Игорь в итоге оказался прав, я так ничего и не добила. Однако теперь это уже потеряло львиную долю важности, особенно на фоне магии, леса и нереальной ситуации, в которой я оказалась. — Он был просто мерзавцем, который меня обманул.

— Это неудивительно. — фыркнул царь.

— Что?

— Ну, он же человек. Обман, лицемерие, — он принялся перечислять, — подлость, зависть изначально вложены в вашу природу.

Ну, конечно, каких слов я еще могла ожидать. Вот лучше бы молчала, честное слово...

— Ах, и как же я могла забыть, с кем разговариваю... У тебя ужасно предвзятое отношение, и людей ты не любишь, да, да, знаем.

— Я не говорю, что это плохо. — заметил Эрран. — Люди такие, какие есть, но любить вас я не должен. Как,

собственно, люди не должны любить обитателей леса.

— Не все люди плохие.

— Верно, но исключения не учитывают, когда судят большинство. — Эрран не притронулся к еде и увлеченно водил пальцем по ложке. — Пока что человеческий род приносит мне и лесу одни лишь неприятности.

— Сочувствую. — Мне не хотелось спорить. Я ведь мало что знала об устройстве мира, в который случайно попала, так что не мне судить.

— Я тебе тоже. — он заметил мое недоумение и пояснил с наигранно прискорбным вздохом. — Ты провела целых четыре месяца с человеком... Ужас, в страшном сне такое не приснится. Да еще не просто с человеком, а с тем, кто в подметки тебе не годится.

Я не сразу поняла, что лесной царь таким образом пытается меня поддержать. Видимо, моя кислая физиономия сподвигла его надо мной сжалиться.

— С чего ты взял? — спросила я. — Я же тоже человек. Мы с ним одинаковые.

— Не прибедняйся. Ты знаешь, о чем я говорю, и меня не проведешь, какой бы талантливой актрисой ты ни была. — он усмехнулся. — Ты прекрасно понимаешь, что тот человечик не сделал бы ни единой попытки вылезти из ямы, из которой ты выбралась вчера на церемонии. Глупо с твоей стороны до сих пор переживать о том, что следует забыть.

Совру, если скажу, что его слова не польстили мне.

— Надо же, лесной царь способен сказать человеку комплимент... Действительно этот лес полон чудес.

Эрран самодовольно кивнул, догадавшись, что настроение мое улучшилось.

— Главное, не привыкай. — предостерег он и расплылся в надменной улыбочке. — Кстати, у людей принято по утрам подушки в окно выкидывать?

Я подавилась салатом и пристыженно опустила голову. Вот честно, меньше всего ожидала именно этого вопроса.

— А? Нет... Там просто птица была...

Неужели она меня и сдала!? Вот же стукачка пернатая!

— И? Ты решила поохотиться на нее с подушкой? Хм, веский повод усомниться в твоей разумности, Надя.

Я выразительно посмотрела на лесного царя. Это был первый раз, когда он назвал меня по имени, и в его исполнении мое имя прозвучало весьма необычно: как магическое заклинание или загадочное обещание. Эрран сделал вид, что не заметил моего взгляда, и невозмутимо сказал:

— Сегодня тебе нужно сопроводить меня на встречу. Уверена, что не хочешь выпить успокоительное?

— То есть мне эта встреча может не понравиться? — мне тут же захотелось залезть под одеяло и не вылезать оттуда до тех пор, пока меня не вернут домой.

— Откуда мне знать? — он побарабанил по столу. — Хотя могу заверить, что никакой опасности тебе угрожать не будет.

— Только моему психическому здоровью, да? — спросила я с обреченностью, но сразу же заставила себя успокоиться. Так, оставить панику! В любом случае пора знакомиться с лесом, чьей царевной я притворяюсь. — Я справлюсь, хорошо.

Царь удовлетворенно качнул головой, и какое-то время мы провели в молчании, пока он снова не заговорил:

— Хм, и почему ты снова вырядилась в это... — Эрран поморщился, глядя на мое платье с брезгливостью. — Даже не знаю, что это? Мешок? Обрывок паруса?

После его слов мое платье наверняка стало выглядеть еще более уродливо, но меня порадовало, что мнение Эррана совпадает с моим.

— Не хочу даже думать о том, чем это могло быть в прошлой жизни. Однако, — я насупилась, — будто у меня был выбор, что надеть.

— В твоих покоях целый шкаф. Неужели ничего не нашлось? Или ты предпочитаешь исключительно ядовитый плющ? — Эрран усмехнулся, и я с удивлением поняла, что он подшучивает надо мной.

Так, а разве в моих покоях был шкаф? Видимо, та сумасшедшая пташка слишком отвлекла меня от экскурсии по комнате.

— Может, мне этот плющ понравился... Он вчера все равно выглядел лучше, чем твой наряд. — Сомневаюсь, что откровенно пререкаться с царем было допустимым, однако воспрывшая смелость развязала язык.

— Ну что ты, тебе просто понравилось будить меня ночью своим воем и рыданиями. — не остался в долгу Эрран. — Вы, люди, такие вредные создания.

Я раскрыла рот, желая язвительно ответить о том, что, может, это ему понравилось растирать мазь по моему телу, однако, смутившись, промолчала. Воспоминания о прошлой ночи, о прикосновениях, что смешались с лихорадкой и горячкой, прилили к щекам предательским румянцем — я почувствовала этот неприятный жар.

— Спасибо, — тихо сказала я, — ты мне вчера помог.

— И все? Это вся твоя благодарность? — он выжидающе приподнял бровь.

— А что еще? Мне тебе что, ответный массаж предоставить!?

— Ц-ц-ц, — Эрран покачал головой и нахально улыбнулся, — только угрожать мне не стоит, пугать тоже. — Я закатила глаза, а он продолжил. — А в качестве благодарности я приму твое обещание меня слушаться и не подвергать себя риску. Любое действие лучше согласовывать со мной. — его тон обрел серьезность. — не забывай, что ты больше не за завесой.

— Да, я сразу об этом вспомнила, когда эта ненормальная птица разбудила меня с утра пораньше.

— Как она выглядела? — спросил Эрран.

— Ну... — пришлось припомнить ее образ. — Огромный желтый клюв, такое же огромное серое тельце. — Я осеклась, потому что Эрран неожиданно изменился в лице, нахмурившись и резко став серьезным. — Что-то не так?

— Говорят, что эта птица не прилетает просто так. Она вообще весьма редкая и считается спутником усопших.

— Да с ее голосом она даже мертвого разбудит. — хмыкнула я и напряглась. — Подожди... ты хочешь сказать, она предвестник смерти?

Час от часу не легче...

— Необязательно смерти. — хмуро ответил Эрран. — И это всего лишь легенда, она могла просто недалеко свить гнездо, я это проверю, не переживай.

Ага, легко сказать — не переживай. Да я в последние дни только и делаю, что переживаю. Кто бы знал, как хочется оказаться дома, выпить пустырника с мятой и забыть все это как страшный сон.

Глава 9. Вот тебе и русалочка...

— Как работают эти порталы? — во мне проснулось любопытство, когда мы подошли к темному проходу, образовавшемуся в стене столовой.

— Лес чувствует, куда ты желаешь попасть и провожает тебя в это место. — Эрран подвинулся, чтобы пропустить меня вперед, и встав за спиной, положил ладони на мою талию.

Значит, когда Эрран перенес меня в ту комнату прямоком из дома Георгия Леопольдовича и я испуганно прижалась к стене, лес почувствовал мое желание сбежать и исполнил его? Интересно, а может ли он перенести меня домой? Или к этой непонятной завесе, чтобы я смогла выбраться в родной мир?

У Эррана я спрашивать постеснялась, ведь вдруг он решит, будто бы я собираюсь сбежать. Хотя... была бы возможность, я бы сбежала, не раздумывая.

Мы вместе с царем зашли в теплую и душную темноту, но через несколько шагов мои пятки уже касались не деревянного пола, а мягкой травы. Открыв глаза, я увидела небольшое озеро, поверхность которого покрывали кувшинки и ряска. Вокруг озера толпились плакучие ивы, они пригибались к воде, словно желали напиться.

Но, главное, не было тишины. Птицы пели на разный манер, а в отдалении улавливалось слабое движение, даже мелькали едва различимые тени, которые, правда, держали дистанцию и не подходили к озеру, словно вокруг него была воздвигнута невидимая преграда.

Честно, я была даже рада, что не оказалась в эпицентре бурной лесной жизни. Просто я еще не готова к встрече с существами, которые, по мнению здравого смысла, вообще не должны существовать.

Эрран направился к воде, и мне оставалось лишь догадываться, какую цель он преследует. Рыбалка? Плавание? Стирка?

— И сколько всего в лесу этих озер? — я пошла следом за ним.

— Главных — пять. И каждое озеро особенно по-своему, оно отличается либо своими жителями, либо свойствами. — лесной царь остановился у самой воды. — Не подходи близко.

— Почему? — после его слов я попятилась назад на всякий случай.

Он не ответил, продолжая смотреть на гладь воды до тех пор, пока над ней не показались головы.

«Русалки!?» — пронеслась мысль.

Но я ошиблась. Из озера выходили девушки на самых настоящих человеческих ногах, а потом с ловкостью забирались на ивы, при этом они, посмеиваясь, бросали на нас с Эрраном любопытные взгляды. Их длинные волосы переплетались с ветками и развевались на ласковом ветру, как шелк.

Но они были достаточно далеко, чтобы удалось их хорошенько разглядеть. Эрран же даже не обратил на них внимание, продолжая кого-то ждать. И вот наконец из воды вынырнула еще одна, тринадцатая девушка и двинулась к нам. Наверное, она была главной, потому что все остальные затихли и даже опустили головы.

Если Эррана еще можно назвать человеком, то ее нельзя, а все благодаря угловатому подбородку, аккуратным маленьким рожкам на голове и оранжевым глазам. Она притягивала и отталкивала одновременно. Отталкивала змеиной улыбкой, но притягивала красотой.

Она была такой красивой... Блестящие красные волосы вместе с водой струились по всему белоснежному

телу. Да за такую фигуру я бы многое отдала...

В этот момент я пожалела о том, что решила не переодеться. Да я же выгляжу, как пугало! Чувство собственной никчемности безжалостно въелось под ребра. И почему они здесь все такие красивые? Я понимаю, они не люди, но это не честно... На их фоне моя самооценка уже начала прискорбно карябать плитус, намереваясь под него провалиться.

Красноволосая остановилась напротив Эррана и, прижав, ладони к груди, поклонилась. Взгляд же она не опустила, продолжая горделиво смотреть прямо в его глаза. Казалось, она даже не заметила моего присутствия.

— Господин, рада твоему визиту. Но как его объяснить? — ее голос звучал женственно и отдаленно напоминал журчание воды.

— Ты знаешь причину. — Эрран холодно усмехнулся.

— Мрр... Я так и знала, что ты соскучился по своей маленькой ... — она шагнула к нему и кокетливо провела острым коготком по рубашке.

Эрран не отстранился и с мрачным любопытством следил за ней. Красноволосая тем временем придвинулась ближе и привычно потянулась к его губам. Видно, что она это проделывала это уже много раз, судя по уверенным хозяйским движениям.

Я же в этот момент топталась на месте и хотела провалиться под землю от неловкости, а потом, спохватившись, отогнала от себя эту мысль. Не хватало еще, чтобы Лес снова подслушал мое желание и отправил в гости к чертям.

Зато я поняла, что зря предположила о том, что Эрран может быть асексуален, девушки у него явно были... Да еще какие.

А еще я не знала, что должна делать. Эрран ничего не говорил о том, как нужно себя вести, когда с ним флиртуют лесные красотки. Наверное, ничего? Стоять столбом, пока они наобнимаются? С какой целью он меня вообще сюда притащил!? Посмотреть на то, как они хорошо смотрятся вместе!?

Неловкость, злость и почему-то разочарование заскреблись в груди.

— Хочешь отвлечь меня? — Эрран перехватил ладонь девушки и отстранился, избегая ее поцелуя.

— А у меня разве не получается!? — она приподняла голову и замерла, почти касаясь губами его подбородка. — Ты выглядишь уставшим, хочешь, я помогу тебе расслабиться, как раньше? — ее вторая рука настырно скользнула вдоль его живота и потянула за пояс.

«Буэээ» — я еле сдержалась, чтобы не закатить глаза.

— Мы пришли по делу. — произнес Эрран.

— Мы? — переспросила она, нахмурившись, и наконец посмотрела в мою сторону, заставив сердце пропустить удар. Одного ее взгляда, холодного и злого, хватило, чтобы пригвоздить меня к месту. — Ах, да. Как же я могла забыть. Почему ты пришел? И почему ты привел ее?

Все, она мне не нравится.

— К чему такое удивление? — спросил Эрран. — Разве, утащив на дно пять жертв, ты не предполагала, что это привлечет мое внимание?

Чего!? Пять жертв!? Все, она мне совсем-совсем не нравится. Я даже решила, что ослышалась, и с опаской покосилась на озеро, где, наверное, и утопили несчастных.

— Значит, именно так можно привлечь твое внимание? Учту. — заискивающе промурлыкала она. — Господин... Не я же одна утащила этих бедняжек на дно, это всё мои сестры. Они просто не договорились друг с другом, вот и превысили допустимое число. Нас можно понять и простить.

— Вы нарушили правило. Вам запрещалось убивать более двух жертв. — произнес Эрран тоном настоящего царя, и даже мне стало не по себе, а вот красноволосая ни на секунду не перестала улыбаться. — И понесете наказание.

— А это обязательно? — вздохнула она, сама отступая к воде, будто та могла ее защитить. — Хотя... Если ты позволишь мне убить твою человеческую гостью, то я обещаю, что в моем озере никто не утонет в течение следующего года. — Она повернулась ко мне с пугающим хищным оскалом, а оранжевые глаза плотоядно блестели.

Я поняла, что речь идет обо мне. Она что, хочет меня убить!? Да что это за лес такой!? Самое страшное, что Эрран молчал. И либо он позволял мне самой за себя постоять, либо и правда думал согласиться на предложение этой недорусалки. Мысль об этом совсем не обрадовала.

«Наверное, надо бежать. Только бежать мне некуда».

— Боюсь, вы ошиблись. — я приложила колоссальное усилие, чтобы не попятиться. — Я не человеческая гостя. Я царица этого леса. — Готова поклясться, что после этих слов земля вздрогнула под ногами, и уж не знаю, лес так обрадовался или возмутился. — Так что не советую говорить подобное.

Красноволосая презрительно оскалилась, а Эрран хмыкнул, смотря на меня с одобрением. Значит, он молчал,

потому что ждал, как я себя поведу? Это проверка?

— Тогда не хочет ли моя царевна предложить наказание за нарушение правил? — царь приблизился и положил ладонь на мое плечо.

Рядом с ним я чувствовала себя защищенной, но красноволосая все еще казалась опасной. Особенно теперь, когда она тоже подошла и разглядывала меня уже без прежнего пренебрежения, словно допустила мысль, что я могу чего-то стоить.

— Господин, это не смешная шутка. Она человек. — она оскорбленно поджала губы, и даже рожки на голове сверкнули. — Ты хочешь меня унижить?

Эрран с завидным спокойствием выдержал ее обиженный взгляд. Я же задумалась о том, в каких они отношениях, ведь вряд ли абы кто мог так разговаривать с царем. Ну, кроме меня, конечно, и то я разговариваю с ним без любезностей потому, что он не мой царь.

— Итак, какое наказание ты предложишь? — он крепче сжал мое плечо.

Погодите-ка, он что, серьезно!? Он меня в качестве судьи сюда притащил? Но откуда мне знать, какое наказание ей придумать...

— Она и ее сестры убили люде... жителей леса. Да? — уточнила я. — Можно было убивать только двоих... — мне самой стало жутко от того, что я говорила. — А они убили пятерых? — Эрран кивнул, и я, вздохнув, предложила с невинной улыбкой. — Тогда, может, полностью высушить это озеро?

— Что? — ахнула красноволосая и дернулась ко мне с явным намерением убить, ее движение было таким быстрым, что у меня даже не хватило времени испугаться. К счастью, Эрран успел меня заслонить, и недорусалка остановилась, зашипев, как рассерженная кошка. Со стороны ивовых деревьев, где сидели остальные девушки, тоже послышалось рычание.

Видимо, я переборщила.

— Тогда, можно запустить пираний..? — продолжила я. — Или поставить забор вокруг озера? Повесить табличку, что здесь опасно? Хотя... я верю, что мой дорогой супруг примет лучшее решение и без меня. — я с отчаянием вцепилась в руку Эррана, а недорусалка, увидев это, оскалилась.

Что я несу... Ну что я несу!? Меня сейчас утопят в этом озере, определенно.

— Спасибо. Я прислушаюсь к тебе. — отрывисто произнес Эрран, и я заметила, как уголки губ его чуть подрагивают, словно он сдерживает эмоции. Неужели мои слова так разозлили его?

Теперь мне точно конец. Красноволосая же сжимала и разжимала кулаки, а в ее глазах промелькнули недоверие и страх. С другой стороны, мне даже приятно, что не одна я тут боюсь.

— Она жестока и ужасна. Зачем ты ее привел сюда? — спросила она на выдохе.

— Она царевна этого леса и потому имеет власть и право сопровождать меня. — тембр его голоса изменился и обрел вкрадчивые нотки. Затем слова будто зазмеились, утекая в разные стороны: к озеру, к деревьям, желая, чтобы их услышали все. — И с этим придется смириться.

«Ну все, теперь мне готовиться к нападению». — я поежилась от ненависти, с которой взглянула на меня недорусалка.

— А теперь прошу нас извинить. — добавил Эрран, притягивая меня к себе за талию. — Вынуждены уйти. — он подтолкнул меня к стволу дерева, через который мы прошли. — А в качестве наказания твое озеро будет заморожено в течение пяти дней. — он сказал это так просто и буднично, словно читал сводку новостей.

— Что!?! — ахнула красноволосая и кинулась за нами. — Нет, не смей! Господин!?

Но Эрран стремительно втолкнул нас в темноту, прежде чем она успела что-то сделать. Со стороны это выглядело как трусливый побег, хотя весьма разумный, потому что я успела испугаться. Послышался треск льда, какой бывает, если встать на заледеневшую лужу в начале зимы, но темнота быстро заглушила все звуки и запахи.

Мы оказались в наших общих покоях, и я устало опустилась на стул у кровати, переводя дыхание. Наверное, теперь меня ждут нравоучения от Эррана о том, что можно, а что нельзя говорить. Надеюсь, он не будет сильно злиться...

Я подняла взгляд на лесного царя, потому что он долго молчал, и заметила, как плечи его трясутся, а сам Эрран приложил кулак к губам. Неужели я довела его до слез?

— Эрран? — пробормотала я. Он посмотрел на меня и неожиданно расхохотался, решив больше не сдерживаться.

Он не плакал... Он смеялся! Его смех показался таким простым, почти мальчишеским: веселым и бархатистым. Такой смех любого заставляет улыбаться. Хотя мне было не до улыбок: я смотрела на Эррана с испугом, совершенно не понимая, что его могло рассмешить.

— Поверить не могу... — он застонал и прислонился к стене. — Ты сказала озерной нимфе, что высушишь ее озеро... — его накрыло очередной волной смеха. — Потрясающе!

Н-да. Ну хоть ругать меня не собираются, уже хорошо.

— А что я могла предложить? — насупилась я. — Она со своими сестрами — убийцы! Или это нормально для нимф?

— Да, — кивнул Эрран. — Вполне. Они же хищники.

— И после такого ты еще что-то говоришь про людей! — я даже возмутилась. — Хотя твои подданные едят друг друга!

Эрран перестал смеяться и подошел ближе.

— Нимфы в отличие от человеческого вида не убивают друг друга. А как мне известно, люди нападают на своих же, поступая подло и отвратительно, особенно учитывая, что в вашем обществе это недопустимо. Человек верит, что другой человек не причинит ему вред. — он хмыкнул. — В лесу же те, кто подходят близко к озеру, не знают, утопили ли озерные нимфы двоих и больше не охотятся или же нимфы еще никого не трогали. Они сами несут ответственность за риск, полностью осознавая, что могут стать обедом.

— Убийство есть убийство. — фыркнула я. — Это то же самое.

— Нет, это другое. — упрямо возразил Эрран.

— Хочешь сказать, у нимф инстинкт убивать? — У меня никак не получалось поставить тех удивительных красавиц на одну позицию с животными из моего мира, которых инстинкт заставлял охотиться. — Ты просто оправдываешь их и защищаешь!

— Это их природа, с этим ничего не сделаешь. — пожал плечами Эрран. — И, конечно, я буду защищать своих подданных, кем бы они ни были, но при условии, что они соблюдают правила.

— Природа, значит... — Я закатила глаза. Интересно, эту красноволосую нимфу природа заставила на меня кидаться!? — Может, у тебя тоже природа хищника!? И ты по ночам охотишься на кого-нибудь?

Эрран промолчал, склонив голову на бок. Молчание затягивалось, и я неловко поерзала на стуле, выдавая свое волнение.

— А что ты будешь делать, если это окажется правдой? — спросил он.

— Я буду паниковать. — честно ответила я.

— Тогда можешь начинать. — он наклонился ко мне слишком близко и кончиками пальцев приподнял мой подбородок, вынуждая встретиться с ним взглядом. — Потому что я уже определился с ужином.

Я замерла, боясь вдохнуть, как загипнотизированная змеей мышь. Эрран действительно был похож на хищника: элегантного, опасного и чертовски притягательного. Промелькнула мысль, что стать его ужином — далеко не самая ужасная смерть.

— Эй, расслабься. — он нахмурился, видимо, заметив обреченность в моем взгляде, и отстранился. — Я же шучу. Ты слишком доверчивая для актрисы. — Эрран улыбнулся, когда я облегченно выдохнула. — Я ни на кого не охочусь и никого инстинктивно не убиваю. Рядом со мной ты в безопасности, как я уже говорил.

— Угу. — я машинально потерла подбородок, которого касались его пальцы. — Зачем ты вообще меня повел к этим нимфам?

— Ты должна будешь иногда сопровождать меня в качестве царевны и супруги. Мне важно, чтобы тебя видели, чтобы к тебе, как к человеку, привыкали.

— После моей угрозы высушить озеро вряд ли я кому-то понравлюсь.

— Ну почему же. — хмыкнул Эрран. — Если кому-то твои слова не понравились, значит, они понравятся кому-то другому. Но да, впредь постарайся быть менее кровожадной.

— А разве кровожадность не ключевая характеристика твоих подданных. — хмыкнула я и решила задать давно мучавший меня вопрос. — А в вашем мире нормально, что один из супругов откровенно флиртует с кем-то другим?

Эрран приподнял брови, не ожидав такого вопроса, и пожал плечами:

— Это зависит от того, о чем договаривались супруги.

Ну да, логично, с этим даже не поспоришь.

— А любовь? — вырвалось у меня. — Верность? Разве лесной царь и его супруга не должны показывать идеальную картинку?

Как бы я ни отнекивалась, но меня до сих пор раздражала та ситуация, когда нимфа лезла к Эррану, а я стояла рядом, немногим отличаясь от пустого места.

— Любовь? Верность? Людям знакомы такие слова? — ехидно спросил Эрран, и я вздрогнула, потому что уловила жестокий намек на историю с Игорем. — Далекое не все в лесу обращают внимание на наши личные отношения, но для многих верность и любовь в почете, верно.

— То есть... — я уточнила. — Когда в следующий раз тебе будут строить глазки, мне нужно отыгрывать ревность? И вообще влюбленность в тебя?

— Это зависит от того, кто нас будет видеть. — задумался Эрран и наградил меня оценивающим взглядом. — Хотя ты права, лучше, чтобы мы выглядели самодостаточными и счастливыми со стороны. К тебе так легче

привыкнут.

— Хорошо, я поняла.

Разговор подошел к своему логическому завершению, и Эрран, развернувшись, уже собрался уйти в свою комнату, но мне вдруг захотелось его задержать. Не знаю почему, но оставаться в одиночестве не было никакого желания.

— Так что у тебя с этой нимфой?

Царь обернулся и спросил с нескрываемой иронией:

— А что у меня с ней?

— Да ладно... — я старалась, чтобы мой голос звучал беспечно и не выдавал заинтересованности. — Мы ведь говорили о моей личной жизни, давай теперь поговорим о твоей. Она твоя бывшая?

Я поднялась и с предвкушением подбежала к Эррану, игриво заглядывая ему в глаза. Он, в свою очередь, мученически вздохнул, но усмехнулся, удивленный моим порывом.

Надо же, а мне начинает нравиться эта переменчивость царя. Он мог быть загадочным, надменным и опасным, а потом сразу же превращаться в озорного и даже милого.

— Ну? Представь, что мы подружки. — я подмигнула ему.

— Ну уж нет. — воскликнул Эрран и шутливо попятился. — За что ты так со мной?

— Все понятно. — вздохнула я и прискорбно покачала головой. — Ты никак не можешь ее впечатлить. Не по зубам тебе озерная нимфа.

— Главное, что ты ей по зубам. — он сочувствующе похлопал меня по плечу. — Так что не приближайся близко к ее озеру...

Как будто мне хотелось! Да меня на пушечный выстрел никто не заставит подойти туда и близко.

Я уже решила, что Эрран мне ничего не скажет, но ошиблась.

— Мы с ней были близки. — произнес он равнодушно. — Довольна?

Нет, удовлетворения я не испытала, напротив, разочарование неприятно ущипнуло сердце. Конечно, их связь была очевидна, но почему-то я втайне хотела услышать опровержение.

— Ты ее любил? — сглотнув, спросила я.

Эррану совсем не понравился мой вопрос, он скривился и цокнул языком:

— Озерную нимфу? Нет.

— А кого-нибудь другого?

— И кого-нибудь другого нет. Почему ты спрашиваешь?

Его ответ меня обрадовал. По идее он не должен был никаким образом затронуть мои чувства, но внутреннее напряжение, взявшееся из ниоткуда, исчезло, сменившись наивным облегчением.

— Потому что иначе это была бы очень грустная история. — Я развела руками. — Представь, ты бы любил какую-нибудь нимфу или симпатичного огра... — Эрран округлил глаза, и я едва сдержала смех. — Но тебе бы все равно пришлось жениться на человеческой девушке. Это грустно. А вообще, тебе со мной повезло.

— Потому что ты не нимфа и не симпатичный огр? — он сложил руки на груди и снисходительно на меня взглянул.

— Потому что я актриса. Если бы не я, то ты бы притащил в лес настоящую девушку, с которой бы тебе пришлось прожить целую жизнь. А так, выполнив соглашение, я уйду в свой мир, а ты станешь свободным и сможешь развлекаться с ограми и нимфами и любить кого угодно.

Эрран смотрел куда-то мимо меня, о чем-то крепко задумавшись. Наверное, он взвешивал все перспективы.

— С чего ты вообще решила, что я способен любить? — наконец спросил он. — Разве я не жестокий, бесчувственный и беспощадный лесной царь, которого все боятся?

Вот честно, при всем уважении к Эррану, но я не видела в нем ни жестокости, ни беспощадности, а ведь у меня прекрасно получалось разбираться в людях и быстро улавливать их истинную суть. Если бы царь и правда был опасным и ужасным, то я бы ни за что не вела себя так фривольно рядом с ним. Я же не самоубийца! Да и эмоции он тоже испытывал, поэтому его вопрос сбил меня с толку.

— При чем здесь это?

— При том, что любовь бесполезная и вредная слабость, особенно для правителя, и я на нее не способен. А еще советую тебе не пытаться увидеть во мне человека.

Его настроение переменилось неожиданно и стремительно. Я настроилась на продолжение шутливого диалога, но Эрран, сухо попрощавшись, ушел в образовавшийся в стене проход, оставив меня одну.

Ну и ладно, ну и пожалуйста. Найду, чем заняться!

В первую очередь я забралась в ванную. Хотя ванная — это не то слово. Меня ждала не привычная ванна, а настоящий бассейн с кристально чистой водой и теплыми бульбжниками, которыми было вымощено дно. Я едва ли не плакала от счастья, расслабляясь в теплой воде. Честно, мне даже захотелось стать озерной нимфой, ну, точнее

ванной нимфой или купальной, и остаться здесь навсегда, но, когда кожа на пальцах начала напоминать сморщенный изюм, пришлось вылезать.

Остаток вечера я просидела на подоконнике, наблюдая за тем, как птица, которая разбудила меня утром своим громким визгом, вьет гнездо из веток, листьев и собственных перьев. Она решила обосноваться прямо на соседнем дереве напротив моей комнаты.

Изредка птица бросала на меня обиженные взгляды, но, благо, не орала. Хотя, как подсказывала интуиция, мне просто нужно дождаться утра, тогда и будет бесплатный концерт.

Лес готовился ко сну, и даже листья перестали срываться с веток деревьев, страшась заблудиться в наступающих сумерках.

Мои мысли то и дело возвращались к Эррану. Думать хотелось о всякой ленивой ерунде, поэтому я фантазировала о нашей с ним встрече в моем человеческом мире. В голову приходили разные сценарии, но кое-какие детали были неизменными, а именно: я — известная актриса, а Эрран — обычный человек, который по уши в меня влюбляется. Его улыбка, жесты, мимика были еще свежи в памяти, и на них идеально накладывалась фантазия, создавая образ, от которого сладко замирало сердце.

Глава 10. Новые знакомства и постоянные падения

На этот раз посреди ночи меня разбудила не птица.

Я пробудилась ото сна, потому что почувствовала, как меня куда-то тащат.

Вот всегда мечтала так проснуться и понять, что непонятные ветки, выросшие из стены, как сталактиты, нагло сковали мое тело и преспокойненько несут по воздуху, как ручную кладь. Я забрыкалась и тут же получила подзатыльник от тонкой ветки, которой не понравились мои попытки прояснить ситуацию.

— Эй! — взвыла я. — Что тут происходит!? Караул!

Тем временем меня уже вытащили из моей комнаты и несли по направлению к комнате Эррана. Ух, если он все это устроил... То мало ему не покажется! Это же как надо было додуматься до того, чтобы будить девушку посреди ночи таким нахальным способом!? Ему что, жить надоело!?

Один из сучков гостеприимно открыл дверь, зацепившись за ее ручку, а я попыталась ухватиться за косяк, но меня с легкостью он него оторвали и поволокли к кровати.

Эрран лежал, широко раскинув руки, как будто держался на поверхности воды. Скомканное одеяло валялось на полу, а под потолком над кроватью летали бело-голубые светлячки, мерцая, как звезды. Их свет отражался на лице царя, превращая его в сказочного эльфа, что случайно зашел в реальность, перепутав дверь.

Злость и паника мигом испарились.

Я зависла над Эрраном, удерживаемая ветками, и засмотрелась на его безмятежный сон, а потом... А потом ветки резко меня отпустили, и я рухнула прямо на царя. Мешок с картошкой упал бы более элегантно, чем мое тело, которое попыталось еще замахать руками, надеясь, наверное, что полетит, как птичка.

Между прочим, Эрран все-таки успел проснуться и приподняться, но это его не спасло. Я свалилась на его грудь и, охнув, перекатилась на кровать. Округлившись глаза царя смотрели на меня, скажем так, с удивлением.

Вид у него в целом был комичный: спросонья взъерошенные волосы, ошарашенное выражение лица и вопросы, которые быстро проносились у него в голове и озвучивались ошалевшим взглядом.

— Меня подставили! — воскликнула я. — Это не я к тебе пришла, меня притащили! Это они!

Эрран выдохнул, оценивая ситуацию. По крайней мере, к нему вернулась способность говорить.

— Кто они? — с тихим любопытством спросил он. Нет, с такой интонацией обычно разговаривают с детьми, которые рассказывают о своем воображаемом друге.

— Ветки.

— Какие ветки?

— Эти... — я оглядела комнату, намереваясь ткнуть пальцем в наглых похитителей, но никого не увидела. — Слушай, ну не с потолка же я к тебе свалилась.

— А откуда? — Эрран потер ушибленную грудь, и тут только я заметила, что он полуобнажен. Спал царь в свободном халате, напоминающем скорее штору с поясом, и теперь эта штора распахнулась, открывая его тело от ключицы до живота. Ну, что я могу сказать... Его фигуре можно было только позавидовать.

Сама же я сидела рядом с ним в прежнем платье, которому отвела роль теплой ночнушки. Эрран многозначительно на нее посмотрел, явно размышляя о моей неадекватной привязанности к этому обрывку паруса.

Мысленно приказав своим ушам не краснеть, я принялась визуализировать топор, с которым доберусь до этих веток и хорошенько с ними расквитаюсь.

— Ты мне не веришь?

— Почему же, верю. — произнес Эрран и потянулся. — Нет, правда верю, я серьезно. — он улыбнулся, увидев мое замешательство. — Лес решил вмешаться в наши отношения. Как забавно.

— То есть лес насильно меня притащил к тебе в постель!? Это что, из серии «когда внуки»!?

Эрран хмыкнул и неожиданно приблизился ко мне с многозначительной ухмылкой. В его глазах вспыхнул веселый огонек, от которого стало жарко.

— Лес ничего не делает против воли. Однако... Он может чувствовать наши потаенные желания и потакать им.

— На что ты намекаешь!?

Эрран прислонился к спинке кровати, не сводя с меня волнующего взгляда.

— Я лишь рассказываю факты. Хм... А разве есть основания для каких-то намеков? — да он просто издевался надо мной! — Или я чего-то не знаю?

Ну нет, победа в этой битве останется за мной.

— Может, лес потакает не моим потаенным желанием, а твоим? Признайся, ты тайно желаешь, чтобы одна конкретная человеческая девушка, красивая и умная, оказалась в твоей кровати!?

Я совсем не ожидала, что Эрран смутится. Но он отвел взгляд, и на мгновение его самодовольная ухмылка перестала светить в сумраке комната ярче луны.

— Если я когда-нибудь захочу увидеть человека в своей постели, значит, я серьезно болен или лишился рассудка. Так что оставь свои фантазии при себе и изволь удалиться в свои покои.

Почему-то я почувствовала укол разочарования. А вообще, с чего он взял, что у меня есть какие-то фантазии насчет него? Можно подумать, мне самой хотелось шлепнуться к нему в постель! Пусть поумерит чувство собственной важности!

И вдруг Эрран произнес:

— Желать меня это естественно.

— Чего!?! — я опешила.

— Ты же человек, и вас привлекает все, что кажется вам красивым или приходится по вкусу. Разве нет?

— Что... Что за бред!?

То есть он хочет сказать, что я желаю всех, кого считаю красивыми!?! Что я смотрю на внешность? И почему он вообще решил, что приходится мне по вкусу!?! Куча возмущенных вопросов заполнили голову, но спросила я совершенно другое:

— А почему ты только про людей говоришь? Разве та нимфа вешалась на тебя не потому, что ты красивый и привлекаешь ее?

— Предположу, что она делала это из-за искреннего желания доставить мне удовольствие, а не из своих корыстных целей. Я ее царь.

— Да что ты говоришь. — засмеялась я. — Я не разбираюсь в нимфах, но я понимаю женщин. И та нимфа была бы в восторге, если бы ты всецело ей принадлежал. Она желала тебя и желала взаимности.

Меня позабавило, что Эрран этого не понимал. Мне одной встречи с его бывшей хватило, чтобы заметить и ее ревность, и влюбленность, и жажду внимания.

Царь скептически фыркнул. И либо из-за неприятно засвербевших воспоминаний о нимфе и Эрране, либо из-за его высокомерия, но я разозлилась:

— Ты просто наивен! Ты обвиняешь людей в пороках, которые есть у твоих же подданных. Ты ненавидишь людей, но сам от них мало отличаешься.

Царь поморщился, будто залпом выпил концентрированный лимонный сок. До меня не сразу дошло, что я только что сказала. Мои слова горели в воздухе и рисковали привести его в ярость, свидетелем которой никому не хотелось становиться, но Эрран холодно спросил:

— Ты должна была избавить меня от своего общества еще несколько минут назад. Почему ты все еще здесь? — этот вопрос немногим отличался от удара.

Он меня откровенно выгонял. Меня затопили стыд и обида от унижения.

— Да пошел ты. — я слезла с кровати и потопала к себе в комнату.

Вряд ли бы кто-то посмел разговаривать с лесным царем в подобном тоне, но это его вина, что он принудительно удерживал меня в роли его жены. Его вина, что ветки притащили меня к нему сегодня ночью.

Я думала, что больше не засну, но глаза закрылись и не открывались до самого утра. Когда солнечные лучи начали щекотать лицо, я потянулась, просыпаясь, и привстала на кровати, чтобы в следующую секунду закричать.

— Ааа! — я подскочила и потянула на себя одеяло, пока его не отобрали. — Ты еще кто!?

На кровати у меня в ногах сидела миниатюрная девушка, ростом точно не превышая метра пятидесяти. Зеленые волосы кучерявились вокруг ее головы до такой степени, что превращались в пух, как у одуванчика. Легкий сарафан скорее оголял, чем скрывал тело, но зато стрекозьим крыльям, торчащим из спины острыми лопастями, ничего не мешало. Крыльев было четыре пары, и они отливали на солнце зеленым и фиолетовым блеском.

Девушка почесала курносый носик, сверкнула любопытными зелеными глазами, которыми таранилась на

меня, и ответила:

— Я дриада.

Мне это ничего не дало. Думаю, стоит в будущем забаррикадировать дверь и окно на всякий случай, чтобы хоть как-то остановить незваных гостей.

— Что ты здесь делаешь!?

Она широко улыбнулась и под села ближе. Клыки у нее оказались заостренными. Если она такая же кровожадная и чокнутая, как озерная нимфа, то мне конец.

— Смотрю на тебя! Ты такая красивая. — с восхищением воскликнула она и махнула крыльями. — И милая! Господин настоящий везунчик. И волосы у тебя цвета ивовой коры, это так замечательно!

Я обомлела, не ожидая шквал комплиментов, а еще почувствовала неловкость, потому что о моей красоте говорило существо, во сто крат удивительнее и красивее меня.

— Да... Спасибо, наверное. Но что ты тут делаешь?

— Господин прислал. — ответила она. — Он сказал, что сегодня нянчиться с тобой и мучиться придется мне. Он так пошутил, я уверена! Мы с тобой отлично проведем день.

— Угу... — Я вежливо улыбнулась, хотя не могла не относиться к дриаде с опаской, потому что от нее исходила такая сумасшедшая энергетика, что вибрировал воздух. — Как тебя зовут?

— Розы. — просияла она. — А ты у нас Надя, имя у тебя тоже красивое-красивое. Ты видела наряды, которые я тебе приготовила? Да? Да? Ты смотрела одежду?

— Нет.

— Почему? Неужели тебе не нравится ходить в одежде? Не думала, что такое встречается у людей. — она нахмурила лоб и растерялась.

Я же пыталась выстроить ее психологический портрет по мимике, как я обычно делала при встрече с новым человеком.

Среди людей тоже встречаются такие, как Розы. Обычно они врываются в твою жизнь ураганом из позитива и бьющей фонтаном энергии, а их личность быстро подминает твою и несет бурным течением вслед за собой.

— Просто не успела посмотреть. — Я осторожно слезла с кровати, боясь задеть ненароком ее крылья.

— Так посмотри! — она оказалась у шкафа быстрее меня и распахнула его дверцы. При этом Розы не касалась пола, она зависала в воздухе на своих крыльях, которые гудели, как пропеллеры.

Заглянув в шкаф, я по-настоящему удивилась. Мне казалось, он будет переполнен платьями из травы, листьев и земли, но на полках лежали привычные джинсы, толстовки и куртки. Причем на всех еще были прикреплены бирки знакомых брендов.

— Но... Откуда!?

— Господин сказал, что ты проводила время за завесой и привыкла к вещам и еде оттуда. — смущенно затараторила Розы, и крылья у нее затрепетали. — Я принесла то, что мне понравилось. Правда, не знала, какой у тебя размер, поэтому набрала разных.

На дне шкафа валялась гора из кроссовок всевозможных размеров, от детских до просто гигантских. Но у меня никак не укладывалось в голове, как дриада могла все это принести.

— Продукты я тоже разные притащила, не знала, что тебе понравится, но господин сказал, что ты их ела. Это значит, я угадала!?

— Подожди... Ты можешь ходить за завесу? В мой... в мир людей?

— Да. — горделиво кивнула она.

— Но как!? — Я многозначительно посмотрела на ее крылья.

— У меня есть маскировка, не переживай. Меня не просто так назначили ответственной за человеческий мир, я скрытна и аккуратна! — она на крыльях поднялась к потолку от переполняющих ее эмоций и снова опустилась, громко хлопнув босыми пятками об пол.

— А Эрран тоже ходит за завесу? — Ну никак не получалось представить лесного царя в декорациях города. Возможно, если только в парке... с метлой в руке. Эрран бы бегал с метлой за теми, кто мусорит, и заставлял бы их убираться и беречь природу.

— Нет, нет! — заверила меня Розы. — Он никогда не был за завесой, ему нельзя переступить границу. Да и навещаться в человеческий мир разрешено и поручено только мне. — она смущенно улыбнулась.

Значит, дриада занимает высокое положение и пользуется уважением и доверием Эррана, хотя он все равно не рассказал ей о том, что я актриса. Розы считает, что я настоящая супруга царя и останусь в лесу навсегда. Наверное, именно поэтому она так добра и внимательна.

Я подобрала обувь и надела свитер с джинсами. Вещи из родного мира подняли настроение, и жизнь перестала казаться затянувшейся чередой неприятностей. Все не так плохо, как могло бы быть. К тому же, я сняла злополучный обрывок паруса.

— Погуляем? — предложила Рози, убедившись, что я оделась.

— Где?

— Где-нибудь.

— Я даже не знаю. — Мне не хотелось куда-то идти без Эррана, все-таки доверяла я только ему. — Лучше останусь здесь.

— Ты не бойся. — она схватила мои ладони и игриво повела к окну. — Посмотри, какая красота!

Я послушно оперлась о подоконник, разглядывая вид и не ожидая никакой подставы. И очень зря! Потому что подставка как раз-таки была! Рози неожиданно обхватила мою талию, и, прежде чем я успела за что-то схватиться, выпрыгнула вместе со мной из окна.

Кажется, я орала. Возможно, даже матом. А еще прощалась с жизнью и проклинала Эррана, но полет, точнее падение оказалось быстрым и довольно плавным. Оно было бы еще и мягким, если бы Рози не отпустила меня под самый конец, заставив лететь камнем вниз. Оказавшись на твердой поверхности, я уселась на колени, переводя судорожное дыхание.

— Ты оказалась тяжелее, чем я думала. — пробормотала Рози, когда приземлилась рядом. — Но ты посмотри... Как красиво!

Мне захотелось высказать этой сумасшедшей дриаде все, что я о ней думаю, но окружающее пространство моментально завладело моим вниманием, потушив желание ругаться.

Земля встретила нас ковром из разноцветных листьев и жухлой травой. Складывалось впечатление, что лес поделен на времена года, потому что, когда мы с Эрраном навещали озерную нимфу, был разгар лета, ну а сейчас царила яркая осень, которой магический лес лишь добавил великолепия.

Рози медленно полетела вперед, и, чтобы не оставаться одной, я поплелась за ней.

Живописные цвета, воздух, пронизанный свежестью и приятным холодом, вызывали восторг. Даже напряжение, которое стало неизменным моим спутником, отступило. Единственное, я иногда чувствовала на себе острые взгляды и слышала шорохи, но никого не видела, словно меня намеренно избегали.

— Жители леса тебя не очень любят. — хмыкнула дриада. — Им почему-то не нравится идея господина взять тебя в жены.

Ага, а мне самой как будто нравится! Прямо балдею и веселюсь!

— Но они тебя полюбят, не переживай. — завершила меня Рози. — Сделав человека своей супругой, господин дал понять, что он не намерен идти ни у кого на поводу и устраивать войну и что люди не враги. Многие это пока не понимают, но обязательно поймут. Ты скоро станешь своей. — В голосе дриады звучало столько искренней уверенности, что мне было жаль ее разочаровывать.

— Ты хорошо относишься к людям?

— Я хожу за завесу добровольно, — заметила она, — если бы я ненавидела людей, я бы не ходила.

Пока мы шли, я не отрывала взгляда от чешуек на крыльях дриады, движение которых помогало мне сосредоточиться на мыслях, а их было много, и все они состояли из сплошных вопросов.

Почему люди, которые живут рядом с лесом, переполненным ненавидящими их жителями, полностью не перебрались за завесу в человеческий мир? Почему Георгий Леопольдович не спрятал дочь в моем мире, раз Эрран не смог бы явиться туда за ней? И что этот Георгий вообще такого сделал, что вызвал гнев лесного царя?

Я решила, что задам эти вопросы Эррану при нашей следующей встрече. А Рози, словно догадавшись, о ком я думала, заговорила с лукавой улыбкой:

— Тебе повезло. Наверное, сейчас вы еще только узнаете друг друга, но я уверена, что ты понравилась господину. — она радостно пролетела вокруг меня один круг. — Господин не мог не унаследовать от родителей способность любить самой сильной и самоотверженной любовью. — она мечтательно вздохнула. — Ты счастливица!

— Это как? — сразу заинтересовалась я. — Кем были его родители?

— Его отец был прошлым царем, — вздохнула Рози и с грустью улыбнулась. — А мама... а мама была звездной нимфой.

Она многозначительно замолчала. Наверное, я должна была что-то понять, но так и не поняла, потому что совершенно ничего не знала.

— Господин был моим наставником, когда я училась слышать лес. — Рози демонстративно прикоснулась к ветке куста, на которой сразу же набухли новые почки, как в ускоренной съемке. — Господин прекрасно умеет его слышать и чувствовать. — она фыркнула. — ну, не зря же он царь, правда? Но вот что касается девушек, то я почти уверена, что он вряд ли просто так подпустит кого-то к себе близко. Он может показаться грубым, но на самом деле он чуткий и милый!

Я присмотрелась к дриаде, стараясь уловить намек на ее влюбленность в царя, но его не было. Рози говорила об Эрране с восхищением, которое являлось скорее вежливым и отстраненным: так восхищаются близким другом

или родителем. А еще Роза проводила явную рекламную кампанию.

— У него какие-то проблемы в общении с девушками? — В любом случае мне было интересно узнавать об Эрране, и я слушала Розу с большим вниманием. — Недостаток опыта? Или он конкретно меня не подпустит к себе?

Я не понимала, почему слушаю об Эрране с таким любопытством и даже волнением, будто это имело хоть какое-то значение.

Даже если бы мне захотелось, то все равно влюбленность в меня ему точно не грозила. Во-первых, я человек, а Эрран людей на дух не переносит, а во-вторых... Я просто не дотягиваю до его уровня. Конечно, красота у меня имеется в наличии, но на насыщенном фоне леса и его прекрасных жителей она блекнет и теряется.

— Нет, ты здесь ни при чем! Просто первым уроком, который он выучил, который узнал, была любовь, приносящая лишь боль. Вряд ли он захочет тебя полюбить. На его месте я бы не захотела. Но дело не в тебе! — поспешно заявила Роза.

— Боль? Почему?

— Его мама была звездной нимфой. Я же сказала! — неодобрительно вздохнула Роза и спохватилась. — Ах, да... Ты же ничего не знаешь. — она посмотрела на меня с сочувствием и нерешительностью. Наверное, она не была уверена, стоит ли затрагивать чужую историю или нет. — Пусть господин сам тебе расскажет.

Дриада сконфузилась. Ей было неловко, что разговор принял такой тяжелый оборот.

— Он вряд ли расскажет. — я покачала головой.

— Ты права. Видишь, ты уже его знаешь.

Роза приземлилась на ноги и пошла рядом со мной. Ее макушка едва доходила мне до ребер, поэтому пришлось опустить голову. Дриада, не обращая на меня внимания, смотрела на небо. Мы уходили глубже в лес, и шорохи слышались чаще. Казалось, я пытаюсь протиснуться в закрытый от меня мир, а он всеми способами избегает меня, как противоположно заряженная частица.

— Каждый год в лесу начинается звездопад. Он длится всего пять недель, и на протяжении этого времени в лес спускаются звездные нимфы. Они чудесны и очень-очень красивы. — Роза мечтательно зажмурилась. — Как звезды. Но они обязаны на последний день звездопада возвращаться на небо — к себе домой, иначе больше никогда не смогут этого сделать. Шанс вернуться только один.

Дриада замолчала, а я ничего не говорила, чтобы не спугнуть ее намерение рассказывать дальше.

— Одна прекрасная звездная нимфа и лесной царь полюбили друг друга. Они провели четыре дня вместе, и он был готов ее отпустить на пятый, но она не смогла отпустить его и осталась.

— Это же трогательно и очень мило. — улыбнулась я. — Это история родителей Эррана?

Роза лишь кивнула и продолжила рассказ:

— Звездные нимфы, не вернувшиеся домой к звездам в назначенный срок, могут жить на земле лишь пять лет, а потом исчезают... навсегда. Так и произошло. Лесной царь потерял свою нимфу и отправился вслед за ней, а Эрран... То есть господин остался один, ему тогда было всего лишь четыре года.

— Это ужасно. — вздохнула я. — Как прежний царь мог оставить собственного ребенка и выбрать смерть!?

— Не по своей воле! — воскликнула Роза. — Он просто не мог по-другому. Не каждый может выдержать разлуку.

Я не хотела слушать эти нелепые оправдания. Вряд ли звездная нимфа, умирая, хотела бы, чтобы ее супруг отправился за ней и оставил четырехлетнего ребенка на произвол судьбы. Мне было не по себе от мысли, что Эрран остался один совсем маленьким и винил в своем одиночестве, как и в гибели родителей... любовь?

— Он тебя уже научил слышать лес? — Роза поспешила сменить тему.

— Нет? А должен был?

— Конечно, ты же стала супругой лесного царя, а, значит, и леса тоже.

Я не удержалась и пропустила смешок. Не помню, чтобы подписывалась на шведскую семью.

— Шутить?

— Если только чуть-чуть. — подмигнула мне Роза.

Разговор иссяк, и мы прошли какое-то время в молчании. Дриада думала о своем, я тоже, попутно рассматривая деревья и стараясь уловить шепот леса.

— Давай с кем-нибудь познакомим тебя. — предложила Роза и, схватив меня за руку, повела прямо в кусты, которые приветливо вцепились в свитер и вырвали пару нитей.

Если самостоятельно я не могла протиснуться в чужеродный мир, то дриада превратилась в своеобразный мост, и с его помощью мне удалось оказаться на другой стороне — там, куда меня не пускало. Звуки обрели отчетливость, и я даже смогла разобрать отдельные приглушенные голоса, а потом подпрыгнула от неожиданности, когда ясный шум раздался совсем близко.

Детский смех. Я услышала детский смех, и, пройдя вперед за дриадой через заросли, увидела покатым склон

холма, вокруг которого копошились существа. Таких созданий я еще не видела. Полностью покрытые шерстью, они напоминали одновременно и обезьян, и кошек с человеческими руками и острыми костлявыми плечами.

Они скатывались с холма на чем-то, напоминающем картон — так мне сначала показалось, но потом я разглядела цельные куски коры, которые когда-то принадлежали дереву-великану. Подумать только, даже в этом мире у детей такие же забавы, как и в моем родном. Я сразу же вспомнила, как сама каталась на картонках в детстве.

— Кто это!? — шепотом спросила я, прячась за дерево.

— Дети. Ты что, детей никогда не видела? — ужаснулась Розы.

— Да я вижу, что дети. — фыркнула я. — А как называется их вид?

— Они тролли. Пойдем?

И не дожидаясь моего ответа, она полетела напрямик к ним и громко провозгласила:

— Приветтики-приветтики, а что за несчастное дерево вы ободрали, а!?

Шестеро ребят, которые еще не успели съехать с холма, бросились к Розы с радостным визгом, но быстро притихли, заметив меня. Я, мучаясь от неловкости, тоже вышла к ним и нелепо махнула рукой.

— Познакомьтесь! — Розы оказалась у меня за спиной и, приобняв за плечи, придвинула ближе к детям, словно демонстрировала им товар. — Ваша царевна. Она стесняется, но она очень хорошая.

Ребята смотрели на меня без страха, но с едва ощутимой враждебностью и опаской. Мальчишка с белым пушком на лбу в форме звезды спросил:

— Тот самый человек?

— Ну, да, наверное. — ответила я.

Их примерный возраст колебался в районе семи или восьми лет, если сравнивать с моим миром. Я же умела общаться с детьми исключительно старше пятнадцати, поэтому немного растерялась.

— Тебе нравится у нас?

Честное слово, с такой интонацией даже следователи на допросе не говорят с преступниками. Остальные дети встали за спиной мальчишки, как грозная свита.

— Да.

— Врешь.

Я закатила глаза. Какой смысл в актерском образовании, если в этом лесу никому не получается солгать.

— Почему ты так решил?

— Ты человек.

— И что!?

— Тебе не может здесь нравиться.

— Так, мальчики, девочки, перестаньте! — Розы вклинилась между нами. — Не ссорьтесь, давайте поиграем, повеселимся!

И дети, и я одновременно скептически закатили глаза. Забавно, что у нас сложилась взаимная неприязнь.

— Покатаешь нас!? — одна девочка, потеряв ко мне интерес, потянула на себя крыло дриады, которая поморщилась от боли, но воскликнула:

— Конечно! Между прочим, Надя сегодня уже со мной летала, она такая смелая.

Ну да, ну да, очень смелая, истошно визжала я тоже от смелости. Но дети поверили дриаде и взглянули на меня с одобрением и даже уважением.

— Итак, кто первый!? — Розы уперла руки в боки и широко улыбнулась.

Ребята быстро выстроились в очередь, затем дриада подхватила первого мальчишку и начала с ним подниматься к небу, быстро наращивая скорость. Из-за взмахов ее крыльев даже поднялась пыль. Я же осталась в окружении детей и совсем растерялась, потому что все их внимание снова переключилось на меня.

— Ты умеешь кататься? — спросила девочка с удивительными кошачьими глазами и показала на приготовленную кору, лежащую у самого обрыва.

— Да. — кивнула я. — Садись и катись. Что тут уметь?

Хотя обрыв выглядел опасным. На земле пролегли заметные борозды от проезжавших кусков коры, они тянулись вниз и терялись в деревьях, которые подступали к самому холму. И конца этой далеко не детской горки не было видно.

— А хочешь? — спросил второй ребенок.

— Нет, — честно ответила я.

— Боишься?

— Нет, просто не хочу.

— Ты боишься. — усмехнулся мальчик с белым пушком. — А лесная царевна не должна ничего бояться.

— Это еще почему? — я нахмурилась, потому что мне не понравилось, как дети переглянулись между собой.

Они что-то задумали. — Что вы делаете!?

Я попятилась, когда ребята начали подходить ближе с подозрительным воодушевлением. До меня не сразу дошло, что они намереваются сделать.

— Розы! — крикнула я. — Розы!?! — Но дриада была слишком высоко, чтобы меня услышать.

Тем временем меня оттеснили к самому обрыву. Была бы я умнее, ни за что бы не подошла к краю.

— Что вы хотите от меня!?

— Не бойся, — очаровательно улыбнулся мальчик. — Ты уже большая, чтобы бояться.

— Не трогайте меня!

Меня ухитрились схватить за руки и с силой, противоестественной детям в моем мире, толкнули к обрыву. Я не успела сохранить равновесие и, оступившись, рухнула на кору.

— Нет! — взвизгнула я и попыталась встать, но несколько пар рук вцепились в извращенную ледянку и пихнули ее вперед. — Розы!?!

Я полетела с обрыва, подсакивая на каждой кочке и отбивая себе спину. Попытка затормозить ногами была ужасной идеей, потому что кору повело вправо, и она, выпрыгнув из борозды, покатила по еще более крутому склону совсем не в ту сторону, куда должна была.

Скорость нарастала, и я чувствовала, как кора рискует опрокинуться. Надежды отделаться легким испугом совсем не было из-за неизбежных синяков и сильных ушибов. Тут и там уже начали попадаться деревья, грозясь сломать мои кости, если мне не повезет с траекторией спуска и я врежусь в ствол.

К счастью, в самом низу кора успела затормозить о песок и камни, и в дерево я влетела не так смачно, как могла бы.

Глава 11. Водяной тоже хочет быть царем

— Почему мне так везет, а!?! — Я поднялась на ноги, держась за пострадавшую руку — удар был довольно сильным, и кость до сих пор зудела. — Ну за что мне все это!?!

Лес затих, прислушиваясь к моим возмущениям. Деревья тесно жались друг к другу, поэтому пространство просматривалось плохо. Свет тоже не проникал сквозь густую листву, и сумерки стелились между стволами деревьев, отдыхая и готовясь выползти к вечеру.

Я поежилась и начала оглядываться. Адреналин выветрился, уступая место панике и страху. У меня было два варианта действий. Во-первых, лезть обратно на склон, но вряд ли это осуществимо, потому что я лишь пропащу песок, пока буду скатываться из раз в раз обратно. Или же мне оставалось сидеть на месте и ждать Розы, так как не было никакого желания идти в дебри, не внушающие доверия. Надеюсь, поблизости не сидели злобные существа, которые слышали шум и решили со мной познакомиться. К сожалению, я к новым знакомствам пока не готова.

Время шло, а Розы задерживалась. Возможно, мерзопакостные дети не сказали дриаде, что скинули ее подопечную с холма, или же она искала меня совершенно в другом месте. Я вздохнула и уселась под дерево, обняв себя за колени. Мне хотелось стать маленькой-маленькой, почти крошечной, чтобы нечеловеческий шепот, которые крался в лесу вместе с сумерками, не заметил жалкую притаившуюся фигурку.

«Вот что сейчас делает Эрран!?! Наверное, обжимается с очередными своими нимфами, сидя в болотах, пока я тут мерзну». — думала я, а еще вспоминала родной мир, где меня скорее всего уже искали. Не то, что здесь...

Неожиданные шаги послышались в тот самый момент, когда я закрыла глаза и даже задремала. Прошло уже несколько часов моего гордого сидения под деревом, а Розы так и не появилась.

— Какая встреча. — произнес незнакомый мужской голос.

Я поднялась на ноги и попятилась, готовая в любой момент ломануться вверх по холму. Авось, от страха удастся даже забраться на него. Но паника немного поутихла, когда я увидела незнакомца без клыков и зубов. Он вышел из сумрака, как привидение: такой же бледный и белесый. Светлые, как лен, волосы ниспадали до бедер шелковистыми прядями.

Я к новым знакомствам не готова, зато они готовы ко мне.

«Вот только эльфов мне не хватало...»

Незнакомец действительно походил на эльфа, но не внешностью, а скорее аурой. Внешность же как раз не отличалась от человеческой, даже заостренные ушки не торчали. Но несмотря на это, инстинкт самосохранения кричал спастись бегством. Самое интересное, что этого ощущения при первой встрече с Эрраном не было.

Незнакомец улыбнулся, обнажив ровные зубы, и подошел ближе. Теперь нас разделяло шагов пять.

— Госпожа, не ожидал тебя здесь увидеть. — произнес он.

— Добрый день. — ответила я. — Кажется, мы не знакомы.

Он, наверное, уловил страх на моем лице, поэтому решил не сокращать дистанцию. Какой вежливый...

— Хм, господин не рассказывал тебе обо мне? Мое имя Каллиас.

Я помнила о своей роли, поэтому постаралась ответить с достоинством:

— Боюсь, мой супруг пока еще не во всё меня посвятил, но думаю, в скором будущем он познакомит нас

официально.

Улыбка Каллиаса скривилась, а взгляд лучился презрением. Неужели он думает, что я настолько глупа и поведусь на его приторно-обходительные интонации?

— Что же ты тут делаешь? Совершенно одна? — он склонил голову в сторону леса, и его волосы блеснули, покачнувшись.

— Я на прогулке.

Очевидная ложь, и мы оба это понимали.

— И как прогулка?

— Хорошая. Интересная. — я сглотнула. — Живописная. Тут такие виды прекрасные. Каждый день открываю лес с новой стороны.

— Вижу, ты смело вступила в новую жизнь. — произнес Каллиас с учтивостью, за которой мне почудилась насмешка. — Стараешься быть ответственной... царевной. Это похвально и удивительно. Никто не ожидал такого от человека. Хотя никто даже подумать не мог, что Лес примет человека.

— Ну что ж... И я, и Лес, мы любим удивлять. — Я в этот момент задумалась, а придет ли загадочный лес на помощь, если меня захотят пристукнуть?

Каллиас никак не отреагировал на мои слова и спросил:

— Где же Эрран тебя нашел? Как давно вы с ним знакомы?

— Это очень интересная история, — я отступила к холму, — но будет лучше, если мы с Эрраном расскажем ее вместе.

— Зачем же тянуть? — Каллиас порывисто шагнул ко мне. — Мне так любопытно, сколько наш царь водится с людьми. Всем нам интересно.

Я совсем растерялась, почувствовав себя загнанной в ловушку. Каллиас тем временем подошел так близко, что мог в любой момент протянуть руку и схватить меня за горло. В его глазах читалась явственное желание это сделать.

— Лес мрачен, видишь? — он махнул рукой, заставляя меня посмотреть на деревья, и запальчиво зашептал. — Ему кажется, что люди что-то замышляют. Ты случайно не знаешь? Я чувствую, ты знаешь. Ты все знаешь.

— Я не понимаю, о чем вы. — я выдержала его взгляд, тяжелый, отягощенный безумными огнями. — И прошу прощения, сейчас я не настроена на беседу. Как вы могли догадаться, на прогулке я немного заплутала, поэтому не могли бы вы меня проводить к Эррану?

Каллиас осклабился и отстранился. Я же едва сдержала вздох облегчения. Чем дальше этот странный тип от меня находился, тем было спокойнее. Если лягушки-переростки, которые напали тогда в лесу, не скрывали своего намерения меня прибить, то Каллиас прятал его за улыбкой.

— Соскучилась по супругу? — спросил он.

— Верно. — сухо ответила я. — Проводите меня к нему.

«Доберусь до Эррана, потребую у него телохранителей».

— Что ж, как же я могу отказать тебе в просьбе, госпожа. Пойдем. — Он, на удивление, быстро согласился, подошел к ближайшему толстому дереву и открыл проход. — Прошу.

Я не торопилась, ожидая подвох. Каллиас сверлил меня взглядом и наслаждался смятением. А проход гостеприимно сочился чернотой, за которой могла таиться любая опасность. Какова вероятность, что он приведет меня именно к Эррану и не окажется ловушкой?

— Что-то не так? — Каллиас побарабанил пальцами по дереву, но дрожь пробежала вдоль позвоночника, будто он прикоснулся к моей спине. — Ты боишься?

Я, мысленно чертыхаясь, подошла к проходу. Спокойствие удавалось сохранять только благодаря силе воли и актерской выучке. Нельзя выходить из роли, даже если ты забыл слова, сломал реквизит или на зеленом спектакле твои коллеги решили подшутить над тобой.

— Не боюсь. — ответила я. — Разве лесная царевна должна чего-то бояться?

— Царевна, может, и не должна. — кивнул он. — А вот человеку стоит.

— Вы мне угрожаете? — спросила я, а потом поняла, как жалко и сипло прозвучал мой вопрос.

— Ну что вы? Я не смею. — Каллиас улыбнулся и взял меня за руку. — Буду ждать нашей новой встречи. — он поцеловал тыльную сторону ладони, но потом развернул ее и приник губами к запястью, к тому месту, где угадывались очертания цветка, который появился после церемонии. — Надеюсь, встретимся мы скоро.

«Жуть».

— Угу. — я поспешно забрала свою руку и шагнула в темноту, чтобы спрятаться от хищной улыбки.

Проход вывел меня в другую часть леса, к пруду, чью ярко-синюю гладь заплотнили зеленые кувшинки. Насыщенные цвета создавали впечатление, что на реальность наложили фильтр. Наверное, когда я вернусь домой, родной мир покажется блеклым или выцветшим.

Несмотря на то, что интуиция советовала готовиться к худшему, Каллиас все же не отправил меня к кровожадным монстрам, и это не могло не радовать. Только вот Эррана нигде не было. Пруд мерцал в тишине леса, проглатывая лучи солнца, которое уже клонилось к закату. Я подошла к воде и начала вышагивать вдоль берега, пиная камешки. Жалость к себе перемешалась со жгучей досадой.

Почему в моей жизни все складывалось нелепо? Вместо поддерживающей семьи — отвернувшиеся родители, вместо личной жизни — парень-предатель, а вместо спокойствия и постепенного достижения целей — новый мир, наполненный чудищами, которые ненавидят людей. Разве мои мечты были об этом?

— Царевна?

Я подпрыгнула от неожиданности, потому что слишком погрузилась в мысли и не заметила, как со спины подошел Эрран.

— Ой! Ты меня напугал!

Глаза у лесного царя изменились, теперь они были синими, а не серыми, как раньше, словно наполнились водой из пруда. Меня это смутило. Более того, прежнее спокойствие и уверенность, которые излучал лесной царь, куда-то испарились. Все-таки зря я решила, что инстинкт самосохранения спит рядом с Эрраном. Сейчас неуютное волнение назойливо свербело в груди, однако было нещадно мной задавлено.

Эрран был единственным, кого я не боялась в этих новых безумных условиях, если начну бояться еще и его, то просто сойду с ума...

— У тебя цвет глаз от чего зависит? — спросила я угрюмо. — От настроения?

Эрран покачал головой, продолжая меня разглядывать со смесью интереса и вожделения. Так смотрят в двух случаях: когда хотят проглотить или переспать. Вряд ли Эрран преследовал какую-то из этих целей, поэтому его взгляд совсем сбил меня с толку. Да и одет лесной царь был странно — в длинную белую тряпку, напоминающую пончо. (И он еще что-то про мое платье говорил, у самого вкус ужасный!)

— Значит, не от настроения? — спросила я.

Эрран снова отрицательно мотнул головой. Неужели сегодня он решил побыть молчаливым? Я вот молчать не собиралась:

— Вот ни стыда у тебя, ни совести! Мало того, что меня сегодня скинули с обрыва и я просидела незнамо сколько в лесу с наверняка голодными зверями, так еще встретила непонятного эльфа. — я развела руками, демонстрируя, сколько всего пришлось пережить, и поморщилась, потому что забыла о пострадавшей руке.

— Ты ударилась? — вдруг спросил он.

— А? — из-за его вопроса я забыла, что собиралась сказать. — Ну, да, ссадина.

— Покажи. — Эрран подошел вплотную и, задрал рукав свитера, начал рассматривать мою руку, нежно касаясь ее ледяными пальцами. — Больно?

— С тобой все нормально? — я покосилась на него, удивляясь неожиданной заботе.

— Со мной — да. А с тобой, моя милая?

— Милая..? На нас кто-то смотрит, да? — прошептала я.

Его странному поведению можно было придумать только одно объяснение: Эрран пытался отыгрывать роль любящего супруга, но перед кем? А может, у него раздвоение личности? И за злокой всегда скрывалась настоящая душка?

— На нас никто не смотрит. — ответил Эрран. — Мы здесь совершенно одни. Только ты и я.

Он приобнял меня за талию и зарылся носом в волосы, с наслаждением вдыхая мой запах. Я невольно вспомнила о песке, по которому проехала сегодня. Наверное, выгляжу со стороны ужасно: грязная, потная, злющая.

— Я так скучал по тебе. — зашептал он, ласково скользя носом по моей щеке. От мужчины исходила невероятная сила, которая давила, сковывала и пугала мысли.

И вот что мне теперь делать? Я стояла, как столб, позволяя себя обнимать. Нельзя сказать, что прикосновения Эррана мне были неприятны, но... неправильность происходящего зашкаливала. Самое жуткое, что мысли терялись, и я не могла проанализировать происходящее, будто кто-то мешал, морочил голову. Неужели лесной царь так воздействует на меня?

— Что ты делаешь? — выдавила я.

— То, что тебе самой хочется. Я же вижу.

Он приник к моей шее и провел по ней шершавым языком. Все оставшиеся мысли выветрились из головы напрочь и даже не попрощались. Лесной царь крепче прижал меня к себе и поцеловал в губы. Этот поцелуй отличался от того, что был на церемонии... Или нет? Я не помню. Я ничего не помню.

— Я так тебя люблю. — произносил Эрран, когда отрывался от моих припухших губ. — Так люблю. Люблю... Люблю...

Ноги подкосились, и я буквально повисла на руках лесного царя, который ласково нашептывал слова о любви,

целовал, заставляя тонуть в его синих глазах. Эрран потянул меня к воде, и я послушно пошла за ним, опьяненная возбуждением и щенячьей влюбленностью. Серьезно, я была готова идти за ним на край света, делать все, что он скажет. Жизнь стала зависимой от его прикосновений. Если он отпустит меня, сердце остановится.

Мы зашли в воду по пояс, а Эрран тянул меня все дальше. Свитер намок и сковывал движения, поэтому я отстранилась от лесного царя и, недолго думая, стянула с себя одежду, потом сразу же снова приникла к его губам. Не знаю, кто теперь проявлял большую инициативу. Жаль, конечно, что Эрран был таким холодным, наверное, одной температуры с водой, но какая разница.

— Люблю... Люблю... Люблю... — шепот дурманил. — Иди ко мне, пожалуйста. Еще чуть-чуть...

Он мог бы и не просить, я и так за ним следовала, тесно прижимаясь к его телу. Тишина, низкий урчащий голос, поцелуи, все было таким сказочным. Как вдруг...

— Кажется, я не вовремя?

Этот вопрос, прозвучавший насмешливо и дерзко, все разрушил. Наваждение задрезало, как стекло, и разбилось вдребезги. Тошнота, словно опомнившись, подступила к горлу, и появилось ощущение, будто я наглоталась тухлой воды. Эрран держал меня в объятиях, но это не помешало мне обернуться.

На берегу, вальяжно прислонившись к дереву и сложив руки на груди, стоял... Эрран. Нет, вы издеваетесь!? Мне одного лесного царя хватало по полной, а теперь их стало два...

Эрран номер один, который находился рядом со мной, зарычал. Я посмотрела на его лицо и обмерла от ужаса. Подбородок мужчины удлинился, а нос выгнулся, как у орла, теряя человеческие пропорции. В глазах же у лесного царя были лишь пустота и животный голод. И как я раньше этого не замечала?

Хотя я также не замечала, что вода уже доходила мне по самый рот и приходилось стоять на цыпочках, чтобы не утонуть. В голове наконец-то стало ясно, и до меня с запозданием дошло, что произошло.

— Ты не настоящий, да? — вздохнула я с обреченностью.

Двойник смотрел на настоящего Эррана с упрямой враждебностью и бессилием и поморщился, услышав мой вопрос.

— Я лучше настоящего. Я люблю тебя.

Готова была поклясться, что услышала ехидный смешок со стороны берега.

— Я понимаю. — кивнула я, стараясь унять подступающую панику. — Ты отпустишь меня?

Объятия двойника стали лишь крепче, он буквально вдавливал меня в себя, и его холод перебрался на мое тело, превращая его в ледышку.

— Не отпущу. Ты моя.

— Ты уверен? — спросила я.

— Да.

Мы замолчали. Двойник о чем-то думал, и во мне крепла уверенность, что думает он о том, как меня быстренько прибить, но при этом не быть прибитым лесным царем.

— Кажется, свидание пошло не по плану? — донеслось с берега. — Нужна помощь?

Я покосилась на Эррана. Он уже подошел к воде и смотрел на меня с любопытством. Кажется, лесного царя забавляло мое затруднительное положение. Какой мерзавец!

— Давай договоримся. — пробормотала я, пытаясь отцепить от себя пальцы двойника. — Мы забываем о том, что было, и спокойненько расходимся.

— Нет.

— Ну зачем я тебе?

— Ты вку-усная. — он облизнулся и, подняв верхнюю губу, обнажил желтые клыки. — Человеч-чка. Теплая. Я люблю тебя.

— А я тебя нет...

Эти слова стали ошибкой. Двойник, зарывав, молниеносно схватил меня за шею и погрузил в воду. Я попыталась ударить его, но везде была лишь вода: она заполняла нос, глаза, горло. А холодные пальцы сдавливали шею все сильнее и сильнее. Кроме воды перед глазами появились разноцветные пятна, и проплыла вялая мысль, что быть задушенной под водой — это что-то новенькое.

Силы бороться быстро истощились, но, когда сознание обещало погрузиться в спасительную темноту, меня резко дернули вверх. Воздух вытолкнул из легких воду, и я закашлялась, а потом врезала кулаком в ребро тому, кто держал меня за плечи. Этот кто-то зашипел и произнес:

— Последние крохи ума утонули!?

Я подняла голову и увидела мокрого и злого Эррана, который тащил меня на берег.

— Ты специально, да? — всхлинула я. — Специально ждал, пока меня начнут топить!?

Он невозмутимо ответил:

— Я в это время решал, как тебе помочь. Одно мое неудачное движение, и он бы сразу сломал тебе шею.

— Так ты же царь! — воскликнула я. — Приказал бы меня отпустить!

— Это неразумное и могущественное существо, которое не поддается моей силе и которому плевать на мои приказы. Как, собственно, и тебе. Я тебя просил не влипать в неприятности!?

Мы выбрались на берег, и я повалилась на песок, еле сдерживаясь, чтобы не начать его целовать. Эрран поднял с земли плащ, который, видимо снял, прежде чем зайти в пруд, и набросил его на меня. Ну хоть что-то хорошее сделал — не заставил сидеть в одном топике и джинсах. А вот бедный мой свитер теперь навсегда останется заложником пруда.

Хотя смерть в очередной раз приглашающе помахала мне рукой, плакать не хотелось. Вместо этого я злилась.

— И как долго ты наблюдал за тем, как меня морочат!?

— Думаю, самое интересное я все же пропустил. — хмыкнул Эрран. — К счастью.

Подумать только... Он со стороны наблюдал за тем, как я целуюсь с его копией и получаю от этого удовольствие. Как же унижительно!

Я встала и покачнулась, но Эрран, тяжело вздохнув, подхватил меня на руки, как пушинку.

— Отпусти меня сейчас же!

— Обратю в озеро?

Он быстрым шагом дошел до дерева, в котором уже чернел проход, и мы оказались в знакомом коридоре рядом с нашими покоем. Эрран сразу же избавился от своей ноши, и я привалилась к стене, еле удержавшись на ногах. Из-за слабости и усталости дышать приходилось ртом.

Эрран оглядывал меня, как предмет мебели. Наверное, он пытался понять, не сильно ли меня повредили. Знакомое спокойствие, которое всегда появлялось в его присутствии и по которому я успела соскучиться, заглушало мандраж после всех приключений.

— У вас тут на каждом шагу монстры, да? — спросила я.

— Думаю, да. — язвительно согласился он. — Один точно находится в шаге от меня.

Я посмотрела на него, стараясь вложить во взгляд всю ненависть и отвращение, на которые только была способна.

— Всё здесь просто отвратительно. Ты ужасен, и лес твой тоже ужасен.

— Что еще ужасно? — поинтересовался он, усмехнувшись. Эрран понимал, что мне надо выпустить пар, поэтому воспринимал мои слова с равнодушием, и это еще сильнее злило.

Я крепко задумалась над тем, кого еще можно обозвать, как вдруг коридор вздрогнул от пронзительного радостного визга:

— Надя! — из-за угла вылетела Роза и бросилась ко мне. — Надя! Надя! Надя!

Между прочим, в вопящем и летящем существе признала я дриаду только тогда, когда она крепко меня обняла. От ее объятий у меня жалобно затрещали кости. Крылья бились друг о друга с оглушительными хлопками, и Эрран даже отступил на несколько шагов от греха подальше.

— Я так испугалась! — причитала она. — Дети сказали, что ты ушла обратно в лес, я везде тебя искала! Каждый камушек! Каждую травинку спросила! Потом сразу же полетела к господину! Прости-прости-прости! Я так виновата! — она заплакала, а я растерялась, потому что никогда не видела, чтобы взрослый человек переполнялся эмоциями, как ребенок: полностью им отдаваясь.

Сейчас дриада едва ли не задыхалась от вины, и я постаралась ее успокоить:

— Ничего страшного! Все в порядке, ты ни в чем не виновата.

Она перестала меня стискивать и отстранилась, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Но почему ты ушла!? И почему ты мокрая?

— Я не ушла. Меня эти дети столкнули с горы!

— Но почему ты им разрешила!?

— Я не разрешала! — возмутилась я. — У меня выбора не было.

Эрран подавил смешок и отвел взгляд, чтобы я не заметила распирающий его смех, а дриада ошарашенно раскрыла рот, а затем загорелась гневом:

— Ну я им устрою! Маленькие злыдни.

Я закивала головой, полностью поддерживая ее решение.

— Самое интересное, — произнес Эрран, — нашел я ее совершенно в другой части леса. У водяника.

Глаза дриады шокировано округлились.

— У водяника!? — она недоверчиво покосилась на мои мокрые волосы.

— Именно. — кивнул Эрран. — Она решила с ним сплавать ко дну.

— Но как она оказалась у водяника!?

Тут уже лесной царь перевел многозначительный взгляд на меня, мол, начинай оправдываться. Я только этого и ждала. Пришло время пожаловаться на этого эльфа-негодяя.

— Меня скинули с обрыва, потом я просидела полдня внизу, пока не пришел эльф и не отправил меня к этому водяному. Он, кстати, довольно странно себя вел.

— Эльф? — переспросил Эрран. — Что это значит?

— Не знаю, — я пожала плечами и закуталась в плащ. — Он высокий, волосы длинные. Понятия не имею, каким шампунем он пользуется, но явно хорошим. Зовут Каллиас.

Эрран, услышав имя, сразу же помрачнел, и взгляд его сделался колючим и холодным. Я напряглась, потому что Роза испуганно ойкнула.

— Кто такой Каллиас?

— Негласный предводитель огров. — сказал Эрран. — Мы с ним расходимся во взглядах.

— И брат господина, — тихо добавила Роза.

— Брат!? — опешила я. — У тебя есть брат? У вас это семейное, создавать мне неприятности, да!?

Эрран поморщился, недовольный, что Роза сболтнула лишнего, поэтому дриада, удивленная моей злой реакцией, смущенно пробормотала:

— По отцу.

Я посмотрела на лесного царя и сравнила его с Каллиасом. Схожесть действительно угадывалась, правда, Эрран обладал более тонкими и изящными чертами лица, не такими грубыми, как Каллиас. Но невероятно красивым можно было назвать и того, и другого, конечно.

— Ясно. — кивнула я и направилась к двери. — Роза, рада была знакомству. Я пошла.

— Взаимно! — поспешно воскликнула она.

Мне хотелось переодеться в сухую одежду, что я и сделала. Но тело никак не могло согреться, несмотря на одеяло, в которое я завернулась и теперь сидела на кровати, напоминая толстый рулет.

Раздался стук в дверь, и на пороге комнаты возник Эрран, не дожидаясь моего приглашения. Он сел рядом и протянул меня большую теплую кружку.

— Отрава, да? — спросила я.

— Все люди такие догадливые? — спросил он и закатил глаза, заметив мое напряжение. — Думаешь, я стал бы тебя спасать, чтобы отравить? Пей.

У меня не было сил, чтобы спорить, поэтому я пригубила напиток. Он оказался сладким, как какао, и терпким. По телу сразу же волной прокатилось приятное тепло.

— Все теперь не кажется таким ужасным, да? — спросил Эрран.

— Кажется, — вздохнула я. — Но теперь вслух об этом говорить не хочется.

— Ну уже лучше. — кивнул он и спросил. — Что Каллиас тебе сказал?

— Он поинтересовался, не знаю ли я, что замышляют люди, потом намекнул, что мне стоит бояться леса и отправил к водяному.

— К водянику. — тихо поправил меня Эрран, задумавшись о чем-то своем. Судя по тяжелому взгляду, мысли его занимали серьезные и нерадостные.

— Каллиас старше тебя?

— На сорок один год, — ответил он.

Я успела забыть, что все они тут не люди, поэтому впала на несколько секунд в крайнее замешательство.

— Но почему тогда не он царь? Или тут титул достается самому младшему?

— Обычно по старшинству, — пожал плечами Эрран. — Но Каллиас не прошел испытания.

— Какие?

— Помнишь церемонию? — он развернулся ко мне. — Лес устраивал нам нечто подобное, что устроил и тебе. Только наши испытания длились неделями и были более... — Эрран задумался, подбирая слово, — неприятными.

Меня начинало колотить от ужаса при одном только воспоминании той могилы, из которой мне приходилось выбираться по милости Леса. Поэтому даже думать о том, через что проходили Эрран и Каллиас, не хотелось.

— А ты справился с испытаниями?

— Ну как видишь. — Эрран произнес это с грустью, без толики гордости или самолюбования, а потом сменил тему. — Ты знаешь, как водяники заманивают своих жертв?

Он усмехнулся, и теперь в его глазах вместо печальной серьезности загорелись насмешливые огоньки. Мне новая тема совсем не понравилась, потому что кожа на шее еще помнила о холодной хватке.

— Дурманят голову? Гипнотизируют?

— Верно, но вначале они принимают образ любимого человека. — заявил Эрран. — Того, кто занимает все мысли и сердце. Водяник заглядывает в голову и чувствует влюбленность.

— Неужели? — удивилась я, а потом спохватилась. — Подожди, но водяник притворился тобой.

Лесной царь ухмыльнулся и хитро прищурился:

— Верно.

— Ну не-ет. — протянула я и на всякий случай отсела от лесного царя подальше. — Вот это вот точно бред. Я никак не могу быть в тебя влюблена, вот никак. Водяник бракованным оказался, и это не мои проблемы!

Подумать только, что за вздор, это даже звучит смешно. Наверное, есть сотни других причин, почему водяник выдал себя за царя, он просто знал, кто я такая, или же Эрран вешает лапшу на уши и издевается надо мной.

— Каким бы слабым водяник ни был, — возразил он, — но разгадать человека может с легкостью. Но не будем об этом.

Надо же, он решил смилостивиться надо мной и не смущать, однако так просто я оставлять это не собиралась. Тут на кону стояла моя честь.

— Ты намекаешь на то, что он меня разгадал!? Да что за ерунда? Ты хоть в курсе, что ты никак не можешь меня привлекать? Мало того, что знаю я тебя совсем мало, так еще ты настоящий негодяй, который не пускает меня домой и держит в заточении!

Конечно, в моих обвинениях было лукавство. Я не считала, что нахожусь в заточении, и воспринимала ситуации скорее, как вынужденную договоренность или невыгодный контракт, однако мою желчь уже нельзя было остановить:

— И стокгольмского синдрома у меня нет! Знаешь, это только в сказках красавица отвечает взаимностью влюбленному в нее чудовищу, которое заперло ее в своем мире. А вот в реальной жизни такие чудовища остаются у разбитого корыта с разбитым сердцем, если, конечно, у красавицы хватило ума вовремя сбежать. Чудовище любит, а красавица терпеть его не может.

Эрран хмыкнул и неожиданно подсел ближе, с любопытством склоняясь к моему лицу. Слова, которые были готовы и дальше сотрясать воздух, застряли в горле. Если водяник заморочил меня, лишив возможности двигаться, то сейчас я замерла с совершенно ясной головой и скачущими мыслями. Почему-то на ум приходила всякая бессмыслица: например, что в Эрране действительно есть что-то звездное, волосы темные, как ночное небо, а глаза — как звездный свет. Наверное, он очень похож на свою мать — звездную нимфу.

— Значит, ты красавица, а я чудовище? — тихо уточнил лесной царь.

— Верно. — согласилась я.

Эрран усмехнулся и посмотрел на мои губы, которые я невольно облизнула, за что мысленно прокляла себя. Стоит отодвинуться или возмутиться, но мне было интересно, что лесной царь будет делать дальше. Если посмеет прикоснуться, то получит пощечину.

А непрощенная мысль о том, что мне хотелось, чтобы он прикоснулся ко мне, была позорно лишена всякого внимания.

Эрран подался вперед, и, когда я уже задержала дыхание, уверенная в том, что он меня вот-вот поцелует, лесной царь прошептал, обжигая дыханием:

— Только вот с чего ты взяла, что чудовище тебя любит?

Эрран после этих слов сразу же отстранился и снисходительно покачал головой, чувствуя себя победителем. На меня же словно ушат ледяной воды вылили, и я задохнулась от досады. Как же глупо я попалась.

Как назло, не удавалось подобрать слова, чтобы с достоинством ответить этому негодяю. Он же поднялся и, шутливо поклонившись на прощание, направился прочь из комнаты.

— Ты мне противен! И верни меня домой сейчас же! — Я взяла подушку и со всей силы запустила ее в закрывшуюся дверь, за которой раздался самодовольный смех.

Мерзавец!

Глава 12. Ведьма по имени Брида

Проходили дни, превращаясь в недели. По собственным ленивым подсчетам я гостила у лесного царя около трех недель, а, может, и вовсе месяц. Но почему-то это не напрягало. Возможно, потому что каждый день пролетал ярко и насыщено, как вспышка.

Родной мир с его многоэтажками, шумом и отсутствием магии теперь казался таким далеким, почти выдуманным. Тоска по прежней жизни тяготила душу, но терялась в новых разнообразных эмоциях и ощущениях.

Самое неприятное, что я начала привыкать к Лесу, а он — ко мне. Неприятное, потому что желание быстрее вернуться домой пропадало, да я и не знала, что теперь считать домом.

Мы с Розы гуляли среди деревьев, выбирались на поляны и холмы. Дриада показывала удивительные растения и камни, птиц и животных. Раньше в воздухе ощущались скованность и напряжение, словно меня пытались выдавить из мира, которому я не принадлежала, и моя сущность являлась раздражающей песчинкой, которая нервировала мир, тем самым камешком в сапоге.

Но сейчас с каждым днем мне было легче дышать, как будто я медленно становилась частью одной цельной системы, обретала дом.

Даже песчинка может превратиться в жемчужину, если ей позволить.

От жителей леса, которые все еще старались не попадаться мне на глаза, больше не исходила прежняя угроза,

скорее легкая недоброжелательность. Дриада сказала, что жители уже смирились со мной. Ха, как будто у них был выбор... Но, смирившись со мной, они перестали требовать уничтожить и других людей, а это значило, что роль была исполнена успешно.

Я несколько раз сопровождала Эррана в качестве супруги, но с жуткими существами вроде водяных или нимф мы больше не пересекались. Лесной царь то лечил заболевшие деревья, то медитировал у какого-то заплесневелого камня. Я в тот момент стояла рядом и гадала, все ли с ним хорошо.

— Ты что, заснул?

Эрран поморщился, но глаза не открыл.

— Или преисполнился в сознании, да? — вздохнула я, мучаясь от скуки. — Или решил притвориться камнем? Думаю, тебе и притворяться не надо. И так сойдешь.

Лесной царь цокнул языком и повернулся ко мне с крайне оскорбленным видом.

— Я слушаю Лес. А ты мне мешаешь, — сказал он, — сыграй роль тихого, а лучше немого дерева, ладно?

— Только за дополнительную плату, — фыркнула я.

— Обойдешься.

— Грубиян, — я назло ему подошла ближе и встала совсем рядом, не сводя с лесного царя пристального взгляда и еще сильнее нервируя его. Мое присутствие явно сбивало Эррана с мысленного разговора, который он вел с незримым собеседником. — А ты научишь меня слышать Лес?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тебе это не нужно. Ты вскоре вернешься домой, так что нет смысла тебя чему-то учить, — голос Эррана звучал равнодушно. Он даже не допускал мысли, что Лес может мне быть интересен.

Я почувствовала укол разочарования и острое желание вникнуть в то, что пока оставалось для меня закрытым, но, проглотив обиду, спросила:

— Вскоре это когда?

— Что? Уже не терпится покинуть своего любимого супруга? — Эрран позволил себе усмешку, хотя и был сосредоточен вовсе не на беседе со мной, судя по напряженно бьющейся жилке у виска. — В любом случае помолчи, потому что здесь не место таким разговорам.

— Ты не представляешь, как мне не терпится уже забыть тебя, как страшный сон, — пробормотала я.

Голос звучал уверенно, но в глубине души заворочались сомнения. Если сейчас представится выбор: вернуться домой или остаться подольше в этом невероятном мире, то какое решение я приму?

С Эрраном у нас сложились специфические отношения. Мы часто пересекались, завтракали и ужинали вместе, хотя наше общение можно было назвать конкурсом «кто кого убьет ехидством». Он постоянно комментировал образ жизни людей, выставляя их в ужасном свете, я же бросалась на защиту, возмущаясь и в отместку критикуя Лес с его жителями.

Но попытки вывести Эррана на эмоции почти всегда заканчивались неудачей, а вот у него раздражить меня получалось мастерски. Наверняка он пользовался какой-то магией.

Но было такое ощущение, что, перебрасываясь колкостями, мы узнавали друг друга, прощупывали характеры, и нам обоим это нравилось. Как абсурдная игра, где простой человек и могущественное существо притворяются, что они равны, что человек вовсе не боится, а существо никогда не причинит ему вред.

В общем, мне было интересно наблюдать за лесным царем и ловить на себе его изучающие взгляды. Они волновали и каждый раз заставляли сердце биться чаще.

Эррана тоже определенно забавляло общение с человеком, хотя он в этом не признавался. Как и я не признавалась в том, почему мое дыхание становилось глубже и тяжелее, едва лесной царь подходил слишком близко.

Иногда он отпускал шуточки, вспоминая мое общение с водяником-негодяем, который ухитрился меня соблазнить. Это сильно раздражало, и я посылала лесного царя на все четыре стороны.

Рози удивлялась, как у меня хватало храбрости дразнить ее господина, а иногда и вовсе грубить и подшучивать. Честно, сама не понимала, но упрямо продолжала бросать вызов инстинкту самосохранения и бесить Эррана. Это стало моим любимым занятием.

***

Сегодня Лес дремал в утренней тишине. Деревья мирно поскрипывали и неуклюже роняли листья. Роза устроилась на покореженном пне и морщилась, подставив лицо под солнечные лучи. Я сидела рядом и пересказывала сюжет шекспировской трагедии. Дриада мало что знала о человеческой культуре, хотя часто бывала в моем мире. Однако она была благодарной слушательницей и требовала новых рассказов.

— И они умерли? — удивилась Роза. — Их никто не спас?

— Никто, — пожала плечами я. — Если бы их спасли, то эта история не стала бы самой знаменитой и

печальной историей о любви.

— Но это история о смерти! — возмутилась дриада и гневно хлопнула крыльями. — Вы, человеки, правда, считаете, что, когда двое влюбленных теряют друг друга и умирают, это красиво? Нет, нет, нет, — она замотала головой и задрожала, словно драма разворачивалась прямо у нее на глазах.

— Нет, но... — я смутилась, потому что никак не ожидала, что дриада воспримет мой рассказ настолько серьезно. — Трагичные финалы тоже могут быть красивыми. И не воспринимай историю так близко к сердцу, все равно эти влюбленные никогда не существовали. Это выдумка.

— Зачем выдумывать что-то настолько ужасное? — Дриада приложила ладони к груди и задышала часто-часто. Я заметила, что глаза ее заблестели от слез. — Так не должно быть. Мне не нравится этот конец. Ты говорила, что расскажешь мне о любви.

— Стой! — воскликнула я, приказывая слезам Розы не стекать по щекам. — Хорошо, я перепутала. Они не умерли... Точно, и как я могла забыть...

Дриада посмотрела на меня с надеждой.

— Они... Вдруг из земли выросло огро-омное дерево, оно вернуло двух влюбленных к жизни, и они жили долго и счастливо и умерли в один... А, то есть жили они вечно. Вечно и счастливо. Хэппи-энд.

Розы вытерла слезы и повеселела. Ее побледневшее лицо возвращало краски, и я выдохнула с облегчением. Больше никогда в жизни не буду рассказывать ей грустные истории. Кто ж знал, что дриада не способна отличить вымысел от реальности.

— То есть Лес им помог? — улыбнулась она.

— Угу, — кивнула я.

— Прекрасно. — Дриада вспорхнула и на радостях сделала несколько кругов в воздухе, потом спикировала ко мне и крепко обняла, — эта история великолепна! Замечательно! Просто замечатель...

Но в следующую же секунду она замерла, испуганно глядя в тень деревьев за спиной. Она продолжала обнимать меня, но теперь эти объятия напоминали тиски.

— Нам лучше уйти, — пробормотала она.

— Почему?

Я ухитрилась отцепиться от дриады и развернуться.

Среди деревьев угадывались фигуры незнакомых существ. Они напоминали смесь палочника и богомола. Худое удлиненное тело с ногами и руками-отростками. Маленькую голову украшали козыи рога, которые возвышались над желтыми глазами вместо бровей. Взгляд этих желтых глаз не предвещал ничего хорошего.

— Это кто? — я для надежности придвинулась ближе к дриаде.

— Это огры, — она взяла меня за руку и потянула в сторону. — Лучше уйти.

Огры.

Я мало что о них знала и, честно, подробности узнавать не стремилась. Мне вполне хватало реакции Эррана и Розы, когда разговор заходил о них: лесной царь сразу же напрягался, и его настроение стремительно портилось, а дриада просто испуганно оглядывалась, пугаясь любого упоминания об ограх. Ее страх передался и мне.

Но любопытство все же заставляло медлить и оборачиваться, хотя Розы тащила меня прочь с удивительным упорством.

В это время один из огров вышел из-за ближайшего дерева и пошел прямо в нашу сторону. Каждый шаг пульсировал гневом и отвращением, а на морде светился злобный оскал, который расплзался все шире и шире. Розы крепче сжала мою руку и остановилась, задрожав. Со стороны, куда она меня тащила, направлялся еще один монстр.

— Господин Каллиас приказал тебя не трогать, человек. — сказал огр, и голос его напоминал треск от ломающихся деревьев, — но он не расстроится, если мы его не послушаем.

Я испуганно замерла, как олень перед автомобильными фарами, растеряв всю свою царскую гордость.

Конечно, огр мне ничего не сделает, не посмеет, он просто так пугает, правда? Правильнее будет не показывать свой страх. Он скажет, что ему нужно, и на этом все закончится.

— Не подходите, — приказала я, — вы не имеете права так разговаривать с лесной царевной.

Огр замедлился и широко оскалился.

— Скоро придет новое время, человек. И твоя голова украсит наш обеденный стол.

Я не успела ответить, потому что дриада гневно воскликнула:

— Это ты лишишься головы, когда мой господин узнает об этих гнусных словах, предатель.

— Мы не боимся твоего господина, — произнес огр, — мы служим Каллиасу и верны только ему. Он истинный правитель и со временем вернет свое место.

Нас окружили монстры разных возрастов и размеров. И как только они смогли сюда добраться, ведь дриада говорила, что их место обитания ограничено старыми холмами, за пределы которых они не имели права выходить.

Неужели их целью была я? Огры никогда не примут человеческую лесную царевну и сделают все возможное, чтобы от нее избавиться.

В любом случае Розы искушать судьбу не стала, она подхватила меня подмышки и рванула наверх. Я невольно задрогала ногами, пытаясь бежать по воздуху, и вцепилась в плечи Розы.

— Держись! — воскликнула она.

Огры зарычали, запрокинув голову. Их презрительные взгляды врезались в меня стрелой и мешали дышать, пока мы не отлетели на достаточное расстояние. Розы удобнее перехватила мои колени, чтобы я не висела удавкой на ее шее, и начала плавно снижаться.

Переведя дыхание, она глухо произнесла:

— Их не должно было быть в этой части леса.

Холодок пробежал по спине, заставив крепче прижаться к дриаде.

— Но почему они появились здесь?

— Не знаю. Но впредь нам лучше быть осторожными. И, конечно, не гуляйте в одиночестве.

— Но почему? — возмутилась я. — Разве огры могут причинить вред лесной царевне? О каком новом времени они говорили? Это что, бунт? Восстание?

Хотя у меня в голове не укладывалось, как кто-то мог пойти против Эррана. Да на него посмотришь — уже страшно становится от внутренней силы, которая, казалось, могла разнести все что угодно.

— Они не могут мне навредить, верно? — я зачем-то повторила вопрос.

Розы плотнее сжала губы и стыдливо отвела взгляд. Ей не хотелось отвечать, но зато гнетущее молчание было красноречивее любых слов. Да, огры могут навредить мне, и они даже не боятся навлечь на себя гнев Эррана.

Я не могла отделаться от дурного предчувствия. Перед глазами стояла хищная улыбка огра и невысказанное намерение меня убить. Снова вспомнился Каллиас, который намекал, что мне стоит кого-то бояться. Но кого? Огров? Его? Ох, ну когда это все закончится...

Дриада почти достигла земли, когда совсем рядом раздался детский крик.

— Помогите! На помощь! Мамочка!

Мы с Розы испуганно переглянулись.

«Огры!..» — пронеслось в голове. Да что же это такое, час от часу не легче. Неужели они еще на кого-то напали? Хотя если это настоящее восстание, то они могут начать убивать всех без разбору, а не только охотиться на меня.

— Будьте здесь, — дриада поставила меня на ноги и поднялась в воздух. — Я узнаю, что случилось.

— Нет! — сразу же воспротивилась я. — Я с то...

Крик повторился. Розы, не дослушав меня, бросилась в сторону, откуда он раздавался. Я, чертыхаясь, побежала следом, перепрыгивая через коряги и виляя меж деревьев. Яркие крылья дриады служили маяком, и я следовала за ними, как охотничья собака — за лисьим хвостом.

К счастью, Розы не могла разогнаться, и ей приходилось быть осторожной, чтобы не зацепиться крылом за ветки. Поэтому до открытого пространства мы добрались одновременно.

Сначала мне показалось, что перед нами возникла огненная стена — настолько яркими были красные лепестки цветов, как настоящее зарево. Небольшая поляна разграничивала два леса: первый, который состоял из деревьев, и второй — лес маков.

Цветы росли близко друг к другу, некоторые из них достигали высоты в четыре этажа, а самые маленькие цветы были размером с подсолнух.

От зарослей исходил концентрированный цветочный аромат, от которого закружилась голова. Из-за бега было и так тяжело дышать, а сейчас и подавно.

Крохотную дрожащую фигурку, сидящую у полосы, за которой начинались маковые джунгли, я заметила лишь тогда, когда к ней подлетела Розы, но зато сразу же узнала маленького тролля с пушком на лбу. Он был одним из тех детей, которые скинули меня в обрыв.

Увидев дриаду, он бросился к ней и разрыдался, размахивая руками.

— Что? Что такое!?! — Розы вцепилась в плечи мальчишки и затрясла его. — Что произошло? Почему ты здесь!?!

Голос Розы звучал с надрывом и был совсем не похож на ее привычный: высокий и звонкий. Видимо, она уже порядком перенервничала. Зато это привело тролля в чувства, и вместе с рыданиями он выдавил из себя и пару слов:

— Мы играли... Но ветер был слишком сильным... И нитка... порвалась. И он улетел туда, — мальчик показал на заросли маков. — Но не очень далеко, мы... мы видели, куда он упал.

Я заметила, что в руках тролль держит катушку, от которой развивалась оборванная тонкая веревка. Наверняка дети запускали воздушного змея, который сорвался и улетел в цветы.

— Что случилось? Ну!? — рявкнула Роза, и я поежилась от ее пугающих интонаций. Дриада выглядела слишком бледной, а в ее глазах стоял настоящий ужас.

— Я... Я говорил, что это опасно, что нельзя. — прошептал мальчик. — Но Нелли... Она сказала, что быстро вернется! Она ушла... Уже давно... И не возвращается. Мне страшно.

— Как давно она ушла!? — воскликнула дриада, с силой встряхивая тролля. — Ну!? Отвечай сейчас же!

У меня сжалось сердце от того, как жестоко вела себя Роза с мальчиком. Он и так трясся от ужаса.

— Не знаю... — всхлипнул тролль. — ее долго нет...

Дриада застонала и в порыве подлетела к цветам. Я была уверена, что в следующую секунду она затеряется в маках, но Роза замерла, не решаясь лететь дальше. И останавливало ее не что иное, как страх, отпечатавшийся на бледном лице дриады. Ее руки обреченно повисли вдоль тела.

Она вернулась и схватила меня за руку.

— Роза, что происходит, — спросила я. — Чем опасны эти цветы?

— Нет времени объяснять. — перебила меня дриада. — Нужно сообщить Эррану, а ты пока останься с ребенком, поняла!?

Из-за волнения Роза забыла, что разговаривает с лесной царевной, раз отдала мне приказ, но я послушно кивнула, не желая ее задерживать:

— Хорошо.

Дриада взмыла в воздух и быстро скрылась в лесу, а мы с троллем остались одни. Я не знала что и думать. В голове роились тревожные мысли.

— Эти цветы чем-то опасны? — осторожно спросила я.

Тролль посмотрел на меня с бессильной злостью и всхлипнул.

— Нам опасно туда заходить. Я говорил сестре, но она не послушала.

— Почему опасно?

— Не знаю, нам не рассказали... — пробормотал тролль. — Я сначала слышал голос Нелли, а потом она закричала, я хотел пойти к ней, но... — он замолк.

— Но испугался, — заключила я и с тревогой посмотрела на качающиеся маки. Не знаю, какую они в себе таили опасность, но где-то среди них потерялась маленькая девочка, которой наверняка сейчас было безумно страшно.

Неужели Лес сам не мог помочь? Он же обладал подобием разума, пусть защитит своих жителей.

Еще и дриада улетела, ничего толком не объяснив. И когда она приведет помощь? Учитывая, что в прошлый раз я проторчала полдня в лесу, прежде чем она рассказала Эррану о моем исчезновении, в этот раз ситуация может повториться. И если тогда он вытащил меня из лап водяника, то кто меня ждет теперь?

Маки насмешливо качали кровавыми головами, словно испытывая меня. Мол, ну что? Что ты будешь делать? Я стояла и кожей чувствовала прикованное к себе внимание незримого наблюдателя.

— Она умрет, моя сестра... — горько заплакал мальчишка. — Нам же нельзя туда заходить. Нам нельзя.

— Так! — я присела рядом с ним и встряхнула за плечи. — Успокойся, ладно?

— Нам нельзя, — он замотал головой и разрыдался пуще прежнего, — она не слушала! А я говорил! Я не виноват!

Было понятно лишь одно: девочка, ушедшая в заросли, находится в большой опасности. А Роза все еще не было.

Меня изводило ожидание, а бездействие просто бесило. Поэтому, недолго думая, я направилась прямо в заросли. Не знаю, по какой причине троллям нельзя туда заходить, но скорее всего мне, как человеку, ничего грозит. Эти бодрые мысли слабо утешали.

— Ты куда? — всхлипнул ребенок и вцепился в мою руку.

— Пусти.

— Нет, ты что, ненормальная!?

— Отвянь, — не сдержалась я.

Мальчишка округлил глаза и отступил, смотря на меня с ужасом и удивлением. Он хотел еще что-то сказать, но передумал, когда я подошла к растениям.

Ну, маки как маки. Ничего необычного, кроме огромных размеров, в них не было.

Я зашла в заросли, стараясь глубоко не дышать. От цветочного запаха мутило. Узкие заостренные листья цеплялись за одежду и оставляли на оголенных руках пыльцу.

Местами трава была примята, и по ней я пыталась угадать, куда ушла девочка. К слову, найти ее получилось довольно быстро, потому что она зашла действительно не так далеко, хотя я бы предпочла отыскать ее не в таком виде и желательно без компании.

Несколько цветов припали к земле, образуя гнездо, в центре которого сидела девушка несравненной

красоты. Черные волосы выделялись на фоне зелени и красных цветов, как будто кто-то оставил неаккуратную пляску. Но темнее волос были глаза — настоящие угли, поглощающие свет.

Бледные губы шептали непонятные слова спящей девочке-троллю, чья голова покоилась у нее на коленях, а изящные руки перебирали волосы ребенка, вплетая маки в толстые косы.

Я встретила взглядом с девушкой и содрогнулась. На меня не просто смотрело нечеловеческое существо. На меня смотрела Смерть. Понимание этого пришло вместе с неконтролируемым ужасом. Мне пришлось обратиться ко всей своей воле, чтобы не отвернуться и не убежать.

У этой девушки не было ни клыков, ни зубов, ни отвратительной наружности, но она пугала сильнее огров, водяников и прочих жутких существ, с которыми доводилось встречаться.

Я сделала несколько шагов вперед, и девушка перестала гладить голову ребенка. Она поднялась, расправляя рваную тряпку, служащую ей одеждой. Эти лохмотья совсем не сочетались с удивительно прекрасной фигурой и чистой кожей. Она улыбнулась, а у меня сердце ушло в пятки.

— Лесная царевна, — произнесла она мелодично. — Зачем пожаловала в мою тюрьму?

— Мне нужно увести девочку, — ответила я, — она заблудилась.

Черт возьми, с кем я столкнулась на этот раз? Эрран, где ты!? Спасай.

— Ах, да... — она посмотрела на ребенка, который прижимал к себе улетевшего змея — широкий лист, прикрепленный к палкам. Девушка кивнула, — хорошо. Ее я отпущу.

Это всегда подозрительно, когда так быстро соглашаются с твоими требованиями. Здесь явно намечался какой-то подвох. Я хотела спросить, что она потребует взамен, но в следующую секунду девушка растворилась в воздухе, сверкнув напоследок чернотой глаз.

Я громко выдохнула. Не знаю, что это за странная сущность, призрак или нечто необъяснимое, понятия не имею, насколько она опасно и каково ее поведение, но нужно срочно убираться отсюда.

Подбежав к девочке, которая уже начала просыпаться, я затрясла ее, чтобы быстрее привести в чувства.

— Нелли, нужно уходить.

Нелли задрожала и подскочила на ноги. В ее больших синих глазах промелькнул неопишуемый ужас, будто нас окружали не цветы, а стая разъяренных волков. Затем она поспешно вырвала из волос вплетенные тонкие маки.

— Нелли, пойдём. — я притянула ее к себе. — Тебя ждет твой брат.

Девочка вцепилась в мою кофту и забормотала.

— Она не отпустит, она... Она не отпустит. Не отпустит. Она была у меня вот тут. — девочка коснулась лба. — Она чудовище.

Я сглотнула, пытаюсь не обращать внимание на подступающую панику, и потянула Нелли прочь из этого странного места. Лопатки чесались от устремленного в спину тяжелого взгляда.

— Кто она? — осторожно спросила я.

К счастью, Нелли позволяла вести себя. Ее ладони были мокрыми и дрожали.

— Не знаю, — ответила девочка, но она не отпустит.

— Она сказала, что отпустит тебя, — сказала я.

— А тебя?

Этот вопрос мне совсем не понравился.

— Сестра!? Сестренка!? Я здесь! — впереди закричал мальчишка.

Мы почти выбрались из дебрей, среди маковых стеблей уже просвечивалась поляна с приплясывающим на ней троллем. Нелли встрепенулась и, отпустив мою руку, побежала вперед. Я поспешила за ней, веря в то, что тоже смогу выйти.

Я ошиблась.

Нежный голос когтями провел по спине.

«Надежда».

«Надя».

«Вернись».

Кто-то выключил мысли. Сознание опустело.

Я остановилась, совершенно очарованная прозвучавшим голосом, который моментально заставил обернуться и идти на его зов. Сопротивляться не получалось. Шаг, за ним еще один, потом следующий. На шею накинули удавку и тянули меня, как козлика.

Я вернулась к тому месту, где нашла девочку. Меня уже ждали. Черноволосая девушка по-змеиному поднялась с земли и проскользнула ко мне. Ее холодные руки обхватили мою шею.

— А тебя никто не отпускал, — проворковала она, — закрой глаза.

Я послушалась.

— Усни.

Меня потянуло к земле. Аромат маков стал еще отчетливее.

Мысли потихоньку возвращались, и вместе с ними навалился неконтролируемый ужас, словно инстинкт самосохранения забил во все колокола и кричал, что нужно спастись. Но пошевелиться не было возможности.

Хотя испугаться, как следует, я не смогла, потому что отчаянно захотела спать. И этот сон опутывал меня, как паук, который напал на попавшую в паутину бабочку. Он пугал. Он был смертью.

— Эрран... — пробормотала я неизвестно для чего.

Вот почему, теряя сознание, я подумала именно об этом самоуверенном царе, с которого начались все мои проблемы? Он не заслуживал быть тем, о ком я думаю, закрывая глаза в последний раз.

Маковые цветы качались надо мной, прощаясь, я их не видела, но чувствовала их присутствие. И нечто страшное, неподвластное осмыслению моим жалким человеческим разумом, неумолимо подкрадывалось совсем близко:

«Усни». «Спи». «Ты моя». «Ты останешься здесь навсегда».

А я соглашалась. Да... да! Я останусь. Разве может быть иначе? Пусть и страшно засыпать, но другого пути нет.

Ласковый голос нашептывал мне о сне, и я отрывалась от тела и падала куда-то вниз, к корням цветов, туда, где меня ждали, но тут другой голос, властный и злой, схватил меня и грубо рванул наверх, насильно затаскивая обратно в тело. Но тело меня не приняло, и я, не успев уцепиться за него, пролетела мимо и зависла в воздухе около кровавых соцветий.

Зато отсюда открывался прекрасный вид на происходящее.

Эрран стоял напротив черноволосой девушки, которая почти заплела мне косы. Со стороны я смотрелась, кстати, неплохо: трогательная дева, застывшая в безмятежном сне. Лицо, правда, напоминало восковое.

Эмоций не осталось. Я была равнодушным призраком и могла, наверное, улететь отсюда куда угодно, но что-то меня останавливало.

— Сколько гостей, — произнесла девушка, — неужели сегодня все решили навеститься к вечной узнице?

— Брида, я приказываю тебе отпустить ее, — произнес Эрран, нет... Произнес лесной царь, хладнокровно и тихо. — Немедленно. Сейчас же.

— Ой, — Брида цокнула языком и рассмеялась. — Немедленно? Сейчас же? Ха! Нет, я ее не отпущу. Зачем? Она станет одним из самых красивых цветков в моей коллекции. Мне она нужна, — она коснулась моего лба, а затем подняла голову, чтобы посмотреть на призрака, зависшего наверху. — Или она тебе тоже нужна, царь? — насмешливо бросила она Эррану, не сводя с меня взгляда.

— Отпусти ее.

Я никогда не видела лесного царя настолько напряженным. Эрран неотрывно смотрел на мое тело в руках Бриды, а кулаки его сжимались и разжимались в гневе. Или то была паника? Отчаяние? Столь непривычные для лесного правителя эмоции.

— Не приказывай мне, царь. — спокойно сказала Брида. — Твои предки заточили здесь мою душу, отняли у меня свободу, отняли все. Твои приказы для меня ничто. Я убью этого человека лишь назло тебе.

Я поняла, что именно мне казалось неправильным и даже противоестественным. Раньше Эрран всегда был главным, недостижимым, а все остальные склоняли перед ним головы, но здесь другое могущественное существо бросало ему вызов.

— Я не приказываю, — сказал Эрран, и голос его дрогнул. — Я прошу.

— Просишь?.. — на невозмутимом лице Бриды промелькнуло удивление. — Неужели царь просит? — она расхохоталась. — Можно подумать, тебе действительно важен этот человек. Ах... — Брида хищно оскалилась, а Эрран побледнел. — Неужели?

— Она ни в чем не виновата. Отпусти ее.

— А может, она тебе даже нравится, — Брида ухмыльнулась, потом, переступив через мое тело, подошла к Эррану и изучающе приблизилась к его лицу. Взгляд угольных глаз был тяжелым, поэтому даже лесной царь не смог его выдержать. — Нет, все гораздо хуже. Ты неравнодушен к человеку.

Это прозвучало, как приговор. Эрран шумно вздохнул, словно это было откровением даже для него самого.

— Мы говорим не об этом. Ты отпустишь ее?

— А что я получу взамен? — спросила Брида.

— А взамен я тебя не уничтожу.

— Мое заточение хуже смерти, ты об этом знаешь, — вздохнула она, поворачиваясь к моему телу. — Я тебя не боюсь. А душу царевны все же заберу. Она мне понравилась, такая невинная и чистая.

— Нет, — прорычал Эрран и шагнул вслед за Бридой. — Не смей.

Я была уверена, что он схватит ее или нападет, но царь остановился, и Брида неожиданно рассмеялась.

— Приятно видеть, что даже у царя есть слабость. Хорошо, — она прищурилась. — Ты уже попросил меня. А

теперь умоляй.

— Что? — непонимающе выдохнул Эрран.

Я тоже решила, что ослышалась. Как она смеет просить о подобном?

— Моли меня, царь, — насмешливо повторила она, сверкнув глазами. — На колени. Или я оборву ту ниточку, которая связывает ее с телом. Она человек, это будет очень просто. Раз и...

Она не успела даже договорить, когда Эрран опустился на землю, как обычный подданный. Со стороны это выглядело настолько неправильным, что даже я протянула бестелесные руки вперед, желая дотянуться до лесного царя, поднять его с колен. Нет, он не должен унижаться из-за меня, только не из-за меня.

Я потеряла способность испытывать эмоции вместе с телом, но в эту секунду явственно почувствовала невыносимую боль. Моя душа болела за Эррана. Даже сама Брида растерялась на долю секунды.

Но он, казалось, совсем не стыдился своего положения. Он продолжал смотреть на существо выжидающе. Брида схватила его подбородок и по-хозяйски приподняла голову, потом наклонилась к нему так близко, словно вознамерилась поцеловать.

— Впервые вижу такого жалкого царя, — прошептала она. — На что ты еще пойдешь, чтобы спасти ее душу?

Он не пытался отстраниться от Бриды, признавая свое бессилие. Он был повержен до тех пор, пока я находилась в лапах этого странного существа. Это меня потрясло.

— Чего ты хочешь? — отстраненно спросил лесной царь.

— Я же могу попросить все что угодно, — хмыкнула она. — Любое унижение, любую подлость. Чего стоит ее душа? Какая у нее цена, как думаешь?

— О, она бесценна, — просто ответил он.

Брида промолчала, безотрывно вглядываясь в его лицо, а потом безумно и громко расхохоталась.

— Я прожила не одну сотню лет, а всегда поражаюсь, какой коварной может быть любовь. Что только она не творит с несчастными. — Она оставила Эррана и вернулась ко мне. — Хорошо, я ее отпущу, но ты будешь должен мне услугу.

— Услугу? — переспросил Эрран и поморщился, будто его это не устраивало.

— Проблема со слухом, царь? Я могу передумать и превратить ее в цветок.

— Хорошо, — согласился Эрран и торопливо поднялся. — Я буду должен тебе любую услугу, только верни мою царевну.

Брида улыбнулась и провела по моему лбу. Меня потянуло обратно в тело и в сонливую темноту. Беспмятство встретило с радужными объятиями, но нежиться в них мне пришлось недолго. Реальность требовала вернуться.

— Ты слышишь меня?

Голос. Такой родной, такой знакомый. Я слышала его, но пошевелиться не могла.

— Ну же. Очнись. Открой глаза. — Горячий шепот согрел щеку.

Наконец я с трудом разлепила глаза и узнала лицо Эррана, которое было в миллиметрах от моего. Лесной царь тяжело дышал, а в серых глазах плескались неподдельное беспокойство и даже страх. Эрран крепко обнимал меня за плечи, уложив на свои колени.

— Что... — я пробормотала, еле ворочая языком. — Что было?

— Надя? — спросил он и прижал к своей груди. Его сердце стучало оглушительно громко. — Как ты?

Я зажмурилась. Волнение, сквозившее в его голосе, спутало все мысли. Подумать только! Неужели я ему важна? В воспоминаниях всплыла картина, похожая на сон. Лесной царь умолял ведьму меня вернуть, стоя на коленях. Поверить в реальность этого видения едва ли удавалось.

Я должна была сейчас нервничать, переживать или плакать, потому что меня буквально вырвали из тела и обещали превратить в цветок, но перед глазами стоял лесной царь, который готов был пойти на многое, чтобы защитить человека, спасти меня... Внутри всколыхнулись совершенно иные эмоции, к которым я совсем не была готова.

Словно уловив эти неправильные мысли, Эрран поспешно отстранился и на повышенном тоне спросил:

— О чем ты вообще думала!?

Так как меня уже не прижимали к широкой груди, я смогла приподняться и оглядеться. Мы с лесным царем находились неподалеку от маковых зарослей, сидя на траве. В нескольких шагах от нас дрожала перепуганная Роза. Поймав мой взгляд, она подскочила и затрепетала:

— Надя, я так рада, что ты очнулась! Я так переживала! Ты не приходила в себя и не дышала! Какое счастье, что ты в порядке!

Я устало улыбнулась, а Эрран поднялся во весь рост и холодно сказал:

— Ты оставляешь ее уже во второй раз. Ты должна оберегать ее, но ты не справляешься со своими обязанностями. Я в тебе разочарован.

Ауч. Он произнес эти слова тихо и твердо, и они полетели в дриаду тяжелыми камнями.

— Эрран, — я подскочила и схватила его за руку. Он просто искал, на ком сорваться.

Конечно, истощенный организм подвел, и ноги подкосились. Я бы упала, если бы Эрран не придержал меня за талию. От его прикосновений по телу стремительно расползлось тепло, и чувство усталости притупилось.

— Розы не виновата. — выдавила я.

Лесной царь смерил меня предостерегающим взглядом, но за маской отчужденности я разглядела неподдельные страх и изможденность. Редко удавалось прочесть настоящие эмоции Эррана, поэтому каждый раз я тайне радовалась им, как манне небесной, но сегодня они причинили боль.

— Господин! — дриада обняла себя за плечи и рухнула на колени. — Простите. Прошу! Я виновата!.. Я приму любое наказание. Госпожа, — она взглянула на меня, — простите.

— Розы, встань, пожалуйста, — я дернулась к ней, но Эрран остановил меня.

— Виновата. — повторил он. — И отныне не отвечаешь за безопасность лесной царевны. Ты свободна.

Розы содрогнулась, но быстро взяла себя в руки и поднялась в воздух. Ее чудесные глаза заблестели от слез, а мое сердце затопило жалость и гнев.

— Да что на тебя нашло!? — завопила я. — Это моя вина, это я зашла в заросли! Она тут ни при чем. Как ты можешь срывать на нее!?

— Твоего мнения я не спрашивал. — отрезал Эрран. — и не повышай голос.

— Мнения не спрашивал!? А я его все равно скажу. Ты несправедливо наехал на Розы, а мне молчать? И не отворачивайся от меня, когда я с тобой разговариваю!

Эрран поморщился, а затем вдруг схватил меня за плечи и приблизился к лицу.

— Не забывай, что ты актриса, а не царевна, — от его злого и горячего шепота внутри все сжалось. — Твои слова мне не интересны. Дриада не справилась со своей главной задачей, от нее требовалось оберегать тебя, а ты почти умерла. — его голос был таким тихим и злым.

— Она спасла меня от огров, — пробормотала я. — Они сегодня мне угрожали.

— Огры? — нахмурился лесной царь и прикрыл глаза. Готова поспорить, что он мысленно ругался. — Где вы их встретили? И как именно они угрожали?

— Недалеко отсюда. Намекали на убийство.

— Каллиас был с ними?

— Нет.

Эрран перевел взгляд на лес, словно пытаясь мысленно поймать огров и разорвать их на куски. Еще секунда, и он отправился бы всех казнить без разбору, но я схватила его за край камзола. Мне не хотелось, чтобы он уходил.

— Розы спасла меня, потом попросила держаться от цветов подальше, не сердись на нее.

— Ты думаешь, я принимаю решения из-за собственных эмоций? — спросил Эрран обманчиво спокойным тоном.

— Нет, но мы еще вернемся к этому разговору. Что с детьми?

На поляне, кроме нас, никого не было.

— Они в безопасности.

— Хорошо.

Эрран шумно вздохнул, а затем вдруг притянул меня к себе. Я снова уткнулась в его широкую грудь и обомлела. Сердце радостно участилось. Могла ли я представить месяц назад, что сейчас буду трепетать всеми фибрами души от одного лишь объятия? На самом деле, еще вчера я бы не поверила, что лесной царь может меня обнять.

— Я... Я не уверена, не показалось ли мне, — язык ворочался с трудом.

— Тебе показалось. — перебил меня Эрран.

— Она потребовала с тебя услугу, — выдохнула я.

— Тебя это не касается.

Я первая отстранилась и стукнула его по груди. И как только ему удастся быть одновременно милым и невыносимым!?

— Кто это был? Ведьма какая-то?

Я не удивлюсь, если в этом лесу живут не только гоблины, огры, эльфы и прочие волшебные существа, но еще и ведьмы с колдунами.

— Она является почти самым могущественным существом в лесу. Ее привязали к этому маленькому клочку земли. Если она выйдет за пределы цветов, то рассыпется в прах, а ее душа навсегда развеется. Вот такое проклятие.

— И за что ее прокляли? — меня пробрал озноб от мысли, что совсем недавно я находилась в руках кого-то столь жуткого.

— О ее деяниях давно запретили рассказывать. Все свидетели либо мертвы, либо слишком стары, чтобы

говорить. — Эрран нахмурился. — Мне неизвестно, за что ее прокляли. Раньше здесь была защита, не позволяющая приближаться к цветам. Но сейчас ее нет, и мне предстоит с этим разобраться.

— Кто-то разрушил защиту и заманил детей в ловушку?

— Возможно.

Я шумно втянула воздух. Почему-то мне было не все равно, меня по-настоящему заботила судьба Леса и жителей, словно статус царевны не являлся всего лишь ролью.

— Но теперь Брида может потребовать с тебя все, что захочет. Ты же сможешь отказаться, да?

— Не смогу, — ответил он, — но Брида тоже не сможет попросить у меня больше, чем я способен ей дать.

Свободу она не получит, я не в силах ее освободить.

— А если она попросит убить кого-то? — спросила я. — А если еще что-то жуткое? Как ты посмел пойти на подобное? О чем ты думал?

Страх, неожиданно охвативший меня, был несопоставим даже со страхом за свою жизнь, он был гораздо сильнее. Я упустила тот момент, когда начала мыслить по-другому и переживать за благополучие Леса, а не только за себя.

— О чем я думал? — переспросил Эрран, и от его взгляда стало жарко. Лесной царь медленно выдохнул и сказал. — Я дал слово, что ты не погибнешь, пока действует наш договор. Спасти тебя было моей обязанностью.

Я поджала губы, не зная, как ответить. Конечно, умирать мне вовсе не хотелось, но теперь Эрран задолжал услугу ведьме, и одному черту известно, что она попросит. И все из-за меня.

— Прости, — я обняла себя за плечи и опустила голову, — правда.

Противоречивые эмоции разрывали изнутри.

— Ты плачешь? — растерянно уточнил он.

Я собиралась быть стойкой, но у нервной системы были другие планы, и в горле раздалось некрасивое и громкое всхлипывание.

— Нет.

— Какая неубедительная ложь, — цокнул языком Эрран и вытер большим пальцем мою щеку. — А еще актрисой себя называешь. Пойдем.

— Куда? — встрепенулась я.

Если он отведет меня в покои, а сам уйдет, то я не вынесу одиночества, наполненного переживаниями и страхом. Он не может меня сейчас оставить, только не сейчас. Но лесной царь почти ласково сказал:

— Я покажу тебе еще одно озеро.

Он повел меня к дереву, в котором уже открывался портал, и я заставила себя не оборачиваться, чтобы в последний раз взглянуть на кровавые маки. Но если бы я это сделала, то увидела бы стройную фигуру, которая стояла у самой границы зарослей и смотрела нам вслед с предвкушающей улыбкой.

Лесной царь вывел меня в небольшой грот из светлого камня почти к самой воде. Озеро было мутным, в нем словно размешали белила или молоко.

На самом деле водоемы, где не видно дна, всегда меня пугали, но в этот раз не возникло ни малейшего опасения. Возможно, потому что со мной рядом находился лесной царь, которому отчего-то хотелось безоговорочно верить.

Я подошла к воде, испытывая странное влечение. Озеро обещало подарить отдых.

— Хочешь искупаться? — Эрран догадался о моих мыслях.

— В чем подвох? В этом озере наверняка сидит очередное чудовище, — хмыкнула я.

Эрран усмехнулся в ответ на мои слова, а затем начал раздеваться. Я сначала в непонимании следила за ним, но, когда молодой человек дошел до пояса брюк, отвернулась.

— Что ты делаешь!?

Послышался всплеск воды и насмешливый голос:

— В этом озере раньше точно не было никакого чудовища, но теперь есть. Я к твоим услугам, Надя.

Его слова меня озадачили, но вскоре до меня дошло. Я и забыла, что когда-то назвала Эррана чудовищем. Неужели его заделали те слова, брошенные сгоряча?

Я развернулась и увидела, как Эрран стоит в воде, которая доходила ему до груди. По широким плечам скатывались капли, а волосы намокли. Видимо, он успел нырнуть. Вода была достаточно мутной, чтобы скрывать все, что находилось под ее гладью.

А еще серые глаза Эррана удивительно сочетались с белесостью озера.

— Ну же? — ехидно спросил он, бросая мне вызов. — Или человеческая актриса боится воды?

— У тебя плохо получается дразнить меня, — хмыкнула я, но шагнула в воду, неловко хватаясь за край кофты.

Наверное, можно остаться в нижнем белье, которое сойдет за купальник. Одежду мне мочить не хотелось.

— Если хочешь, могу отвернуться, — Эрран расценил мою заминку по-своему, при этом продолжая меня

разглядывать и даже не пытаюсь отвернуться.

— Не нужно. — Ну уж нет, не позволю ему думать, что он может меня смутить. Я нарочито медленно стянула с себя кофту с брюками и, не глядя на Эррана, зашла в воду. Она оказалась теплой и приятно успокаивала теплом, как расслабляющая ванна. По телу расплзлось долгожданное блаженство.

Дно было песчаным. Пальцы зарывались в мелкий песок, пока я на цыпочках подходила к Эррану. Появилось сильное желание смыть с лица царя эту самодовольную усмешку, но для этого стоило подобраться ближе.

— У тебя такое подозрительное выражение лица, будто ты хочешь меня утопить. — произнес Эрран.

— Уже успел испугаться, ясненько, — я остановилась в двух шагах от него, в том месте, где вода доходила мне до ключиц. — Это озеро входит в пять главных?

— Верно. — кивнул Эрран. — Догадаешься, в чем его особенность?

— В спокойствии? — сразу предположила я. — Мне стало очень спокойно и хорошо, едва я зашла в воду.

— Верно, в безмятежности, в чувстве безопасности. — Эрран сделал ко мне шаг, и волны, вызванные его движением, ударились о мою шею. — Здесь не хочется думать о том, что тебя тревожит. Тело отдыхает, а вместе с ним и разум.

Эрран говорил мягко, вкрадчиво, словно убаюкивал меня. Мне и самой захотелось погрузиться в ощущение неги и задремать. И чтобы обязательно со мной рядом был лесной царь. Честно, я так устала глушить странную жажду его присутствия.

— Это одно из моих любимых озер, — добавил Эрран, чтобы заполнить молчание.

— А какое другое любимое? — спросила я. — То, где живет твоя водная нимфа?

Эрран удивленно приподнял брови, а мне было слишком хорошо, чтобы думать о бестактности собственного вопроса.

— Возможно.

Его ответ мне не понравился.

— И... Часто вы плавали вместе?

Казалось бы, зачем мне это знать? Но любая мысль об Эрране и той красноволосой нимфе зудела, как комар над ухом.

— Как именно плавали? — Эрран сделал еще один шаг, оказавшись так близко, что буквально навис надо мной. В его серых глазах заплясали плутоватые огоньки, которые вместе с блуждающей улыбкой заставили мое сердце забиться чаще, даже успокаивающая вода не смогла справиться с нахлынувшим волнением. — Плавали, как мы сейчас?

— Ну да.

— Нет, так мы не плавали. — он чуть отстранился, чтобы было удобнее наблюдать за моим выражением лица. — С ней было интереснее.

Я сразу поняла, что он пытается раздражить меня, позлить. Но лесной царь не учел, что лучшим из нас в искусстве управления эмоциями является не он.

— И что же было интереснее? — я протянула вперед руку и провела указательным пальцем по его плечу, добавляя несколько новых капель, которые быстро скатились обратно в воду. — Я думаю в верном направлении?

Эрран чуть кивнул, словно одобряя мои действия, тем самым удивляя меня до глубины души. Я была уверена, что он быстро прекратит столь откровенный флирт своими едкими комментариями, но... Он ждал моих дальнейших действий, но заходить так далеко я даже не планировала.

— Значит, вы не просто плавали? — я подошла к нему вплотную. — Неужели лесной царь умеет развлекаться?

Я принялась рисовать на его груди узоры, скользя по бледной коже. В кончиках пальцев отзывалось его быстрое сердцебиение, или это было мое собственное, разогревающее кровь. Эрран неотрывно следил за мной.

— Я многое умею.

— Сложно в это поверить. Нужны доказательства.

Что я несусь? Ну вот что за бред я несусь!?

Эрран улыбнулся.

— И какие доказательства тебе нужны?

— А какие ты можешь предложить?

Лесной царь склонился к моей шее и обжег ее горячим дыханием. Я невольно отвела голову вбок, готовясь к прикосновению его губ и надеясь, что это не выглядело слишком красноречивым жестом.

— Что я могу предложить? — пробормотал Эрран, так и не переходя черту и не касаясь моей кожи. — А чего ты хочешь, актриса?

Нет, нет, нет. Это все игра. Все прозвучавшие слова — это всего лишь игра. Если поверю в их значимость, то проиграю. Мысленно крича от разочарования, я отпрыгнула и улыбнулась:

— Чего я хочу? Вот это!

Я с прытью ударила по воде, пытаясь окатить Эррана, но он лишь моргнул, и капли застыли в миллиметрах от его лица. Я разочарованно цокнула:

— Это нечестно!

— Неплохой ход, — хмыкнул он, — попытка засчитана.

И тут же замершие капли полетели обратно в мою сторону. Я успела лишь закрыть лицо руками и взвизгнуть. Вода, предназначавшаяся Эррану, хлынула на меня, а опасная и напряженная атмосфера сразу же развеялась.

— Негодяй! — воскликнула я, развеселившись, потом рванулась к Эррану и повисла на его шее, своим весом потянув ко дну.

Лесной царь такого не ожидал, и мы вместе с ним погрузились в мутную воду. Вынырнули мы так же вместе, но теперь я почему-то оказалась на его руках. Эрран помотал головой, разбрызгивая капли. Выражение его лица было крайне возмущенным, но радостным.

Я засмотрелась на его совершенно мальчишескую улыбку, а затем перехватила ехидный взгляд, который не предвещал ничего хорошего. И точно — в следующую секунду он меня отпустил, и я снова рухнула в воду.

— Ну все! — завопила я. — Тебе точно конец, лесу придется искать нового царя.

Эрран шутливо поднял руки и в наигранном страхе попятился. Я бросилась на него, сбивая с ног и шутливо топя. Как будто мы были обычными людьми, как будто ничего страшного в мире не существовало.

Насмеявшись, мы вдруг замерли друг напротив друга и одновременно замолчали.

Прежняя напряженная атмосфера предательски вернулась. Я посмотрела на губы Эррана, вспоминая наш церемониальный поцелуй.

— Осторожнее, актриса, — с возбуждающей хрипотцой сказал лесной царь. — Я начинаю сомневаться, что ты в меня не влюблена по-настоящему.

— Во мне нет ничего настоящего, — ответила я, — есть лишь моя роль, и ты знаешь об этом.

— Лучше бы не знал, — тихо ответил он.

«Не слушай его», — предостерег внутренний голос, — «Не слушай!».

Как он может играть со мной? Будто бы сердце актрисы не способно обмануться и поверить в ложную надежду. Во мне поднялась злость.

— И как я могу в тебя по-настоящему влюбиться, господин? Во-первых, ты не человек, а меня привлекают исключительно люди. Во-вторых, мне даже целоваться с тобой не понравилось.

Получать актерское образование уже стоило для одного этого момента. Такому наглому вранью надо было учиться.

— Не понравилось? — переспросил Эрран. — Неужели?

— Не...

Эрран прильнул к моим губам. Черт возьми, как я раньше жила без его поцелуев? Возможно, с моих губ сорвался стон, потому что лесной царь углубил поцелуй, языком проводя по моему небу. Одна его рука лежала на моей талии, вторая путешествовала по спине. Если бы у меня не было уверенности в том, что его не привлекают человеческие девушки, то поверила бы в то, что его очень даже привлекаю я.

Он отстранился, переводя дыхание. Мне же показалось, что я вообще дышать разучилась.

— А теперь повтори, что тебе не нравятся мои поцелуи.

— Не могу, — наконец-то прозвучал честный ответ.

— Это хорошо, что не можешь, — после долгой паузы произнес Эрран. Говорил он сбивчиво и спешно. — Потому что тебе через два дня придется часто меня целовать.

— Это еще почему?

Но отчего-то его заявление вызвало одну лишь радость. Меня даже не интересовали причины.

— Грядет праздник звездных нимф. На нем мы должны выглядеть счастливой парой. Поцелуи и прикосновения не должны тебя смущать.

— Я актриса, — смотреть на Эррана было сложно, поэтому я гипнотизировала берег. — Поцелуи с коллегами меня никогда не смущали.

— Рад слышать.

Мы добрались до покоев в молчании. Лесной царь сухо попрощался и оставил меня. Я залезла на кровать и закуталась в одеяло. Сразу стало жарко, но даже без одеяла жар не проходил. Сон тоже упрямо не шел, наверное, он боялся мельтешащих раскаленных мыслей.

— Черт. Черт. Черт. — я схватилась за голову после бесчисленных попыток уснуть. — Нет! Ну нет! — а потом ударила подушку и в сердцах скинула ее на пол. — Это невозможно.

Итак. У меня не получается уснуть, потому что я думаю о лесном царе. Мне жарко, хочется смеяться и кричать, а еще чертова улыбка не сходит с лица, когда я вспоминаю сегодняшний день. День, в который я чуть не

померла, между прочим! Дважды! Но это теперь казалось таким не важным по сравнению с окончанием дня, когда Эрран и я... ААА!

Все, это диагноз. Я влипла. Ну как можно быть такой непроходимой дурой!?

Неожиданно перед глазами мелькнула картина, когда Эрран ради меня опускается перед Бридой. Ради меня он встал на колени, но сделает ли он это для меня?..

Глава 13. Праздник Звездосвета

Эрран.

Безумно странное ощущение.

Лес всегда был цельным и идеальным, каждая травинка, дерево, существо составляло единое выверенное полотно, но теперь лесному царю казалось, что только после появления человеческой актрисы Лес стал по-настоящему полноценным. Словно именно ее раньше не хватало.

Эрран смотрел на нее, столь необычную, непохожую ни на кого из его окружения, и удивлялся, как она может так подходить этому миру и превращаться в недостающий пазл. Или это способность любой актрисы — подстраиваться под обстоятельства?

Ему нравилось наблюдать, как Надя бесстрашно ведет себя с его подданными. А порой у нее получалось притворяться царевной настолько естественно, что он ей верил. Безоговорочно верил и тоже невольно притворялся, что никакого соглашения между ними никогда не было, а Надежда действительно являлась его супругой и спутницей.

А когда Эрран ловил эти глупые мысли за хвост, то испытывал одновременно и злость, и страх.

Иногда приходилось напоминать себе о том, что она человек, поведение которого лишено всякой искренности. Совсем скоро их пути разойдутся, и Эрран быстро забудет ее.

К тому же, Лес и правда уже привык к человеческой девушке. Эрран даже не ожидал такого успеха. Большая часть жителей смирилась с невестой из мира людей, хотя Каллиас и продолжал настраивать подданных против нее и человеческого рода, неустанно подталкивал к войне, но его идеи больше не встречали прежнего отклика.

Эрран не ошибся, когда привел актрису и сделал ее своей супругой. Многие жители смогли принять человека, а, значит, в их сердцах осталось меньше места для разрушительной ненависти.

Даже в сердце лесного царя ненависти не было. Переломный момент прошел, и негодование схлынуло замершей водой, оставив смирение. Старую злобу сохраняли лишь Каллиас, огры и их приспешники, но с ними Эрран не мог ничего сделать. Только проучить за то, что посмели угрожать его царевне, и пусть они не сомневаются: кара будет жестокой.

О чем Эррану не хотелось думать, так это о том, что подходило время возвращать Надю в ее мир. Нужно вернуть ее, иначе Лес пустит в нее корни достаточно глубоко, чтобы уже не отпустить.

Возможно, Эрран уже должен был позаботиться об ее исчезновении, но он тянул. Почему — сам не понимал. Хотя, конечно, понимал, тут уж смысла лукавить самому себе нет. Вернуть актрису в ее мир это значит навсегда попрощаться с ней, потому что пути назад у нее уже не будет, как и смысла и желания возвращаться... и именно это заставляло Эррана испытывать неприятную тяжесть в груди, смутно напоминающую ту, которая была в детстве, когда он остался совершенно один.

И только Брида едва не заставила Эррана навсегда распрощаться с Надей, поскорее выпроводив ее прочь из леса. Он забывал, что каждый день может стать для актрисы последним. Она, словно хрупкий птенец, incapable летать, прыгала по земле, забывая о хищниках.

Эрран не может постоянно ее защищать, и, как оказалось, верная дриада тоже подводит. Для Нади будет лучше, если он ее отпустит как можно раньше. Воспоминание, когда его царевна лежала среди маков без признаков жизни, стало сущим кошмаром и наказанием за то, что царь не отпускал ее в родной мир.

Он бы отпустил ее в тот момент, как Надя очнулась, но она открыла глаза и посмотрела на него так... ТАК, что он уже не смог ее отпустить. Вместо этого он потащил ее на озеро, пообещав распрощаться с актрисой сразу после Звездосвета.

Недолгая отсрочка, чтобы собраться с мыслями. Хотя время, проведенное с лесной царевной, превращалось для Эррана в яд, который спутывал планы, лишал уверенности и зарождал сомнения. Он это чувствовал, но поделаться ничего не мог.

Сейчас Эрран стоял напротив двери, ведущей в комнату лесной царевны. Он смотрел в окно, за которым сумерки раскрашивали небо в темные цвета. Лес готовился к Празднику. Звездосвет повторялся из года в год и уже стал привычным, но в этот раз лесной царь испытывал приятное волнение.

Эрран хотел, чтобы праздник ей по-настоящему понравился. Каково это, увидеть ее искреннюю улыбку? Будет ли она отличаться от фальшивых, которые ей наверняка приходилось ежедневно натягивать на лицо?

Эрран шумно выдохнул и мысленно назвал себя безумцем, потому что только безумцы думают об улыбках человеческих девушек. Хотя он думал не только об ее улыбках, но и...

Дверь скрипнула. Лесной царь стремительно развернулся и замер. Наверное, все замерло вместе с ним. Осталась только она. Лесная царевна.

Синее платье подчеркивало глаза, а красные, как спелая черешня, губы сочетались с тиарой из рубинов. Она была настоящей правительницей, и уже не было никакой разницы, кем она являлась, человеком, нимфой, пускай даже огром. Сейчас она была его повелительницей, и не существовало никого, кроме нее.

Эрран сказал раньше, чем успел подумать:

— Мне повезло с лесной царевной.

Она улыбнулась ему и сказала:

— А мне повезло с лесным царем. Мы так подходим друг другу.

Эрран вдруг понял, что если бы она произнесла это искренне, то в ту же секунду он опустился бы перед ней на колени. Перед ней единственной он готов добровольно преклониться и сделать это с радостью.

И это осознание его совсем не обрадовало. Напротив, оно опалило жаром грудную клетку и заставило вздрогнуть. К счастью, Надя не заметила его секундную потерянность.

— Мы идем?

Никуда идти не хотелось. Остаться бы с ней навсегда здесь, дома... Но эти мысли недопустимые и недостойные.

— Да. Идем.

Он подошел к ней и взял за руку. Ладонь актрисы была холодной, а пальцы чуть подрагивали. Что ж, приятно осознавать, что волновался не только он.

Она вдруг приподнялась на цыпочки и коснулась его губ. Все мысли в голове растеклись и превратились в тину.

— Что ты делаешь? — спросил Эрран. Она что, проверяет его на прочность? Он и так еле сдерживается.

— Ну ты говорил, что мы должны показать гармоничную пару. Мы можем целовать друг друга, когда сочтем нужным, ты же сам сказал?

Верно. Он сам сказал. Но в тот момент он был способен говорить только всякую чушь.

— То есть сейчас это было нужно?

— Да. — кивнула Надя. — Я репетировала. Иногда без репетиций нельзя обойтись, иначе не будет идеального результата.

Конечно, роль. Она актриса. Глупо с его стороны об этом забывать. Эрран разозлился и, отворачиваясь, бросил:

— Сегодня я не требую от тебя идеального результата.

«Будь собой», — захотелось добавить, но он вовремя сдержался. Это ни к чему. Он не должен этого требовать.

— Ты странный сегодня, — тихо сказала она, послушно следуя за ним.

Лесной царь плотно сжал челюсти. Ох, как она ошибается. Он странный уже давно. Он болен, и причина его болезни кроется в ней.

Надежда

Ай! Ну вот зачем я его поцеловала? Это выглядело так глупо и нелепо!

Просто он стоял и ждал меня, напустив на себя привычный образ недостижимого правителя, красивого и чертовски притягательного. А еще смотрел на меня таким взглядом, что я показалась самой себе очень красивой. Раньше так на меня никто не смотрел.

А ведь я клялась себе, что первая его не поцелую, но провалилась еще в самом начале. И кажется, мой дурацкий порыв все испортил. Эрран шел впереди и хмурился.

— Эрран, — позвала я, — Что-то не так?

— Почему ты решила, что что-то не так?

— Я чувствую. Знаешь, актерское чутье, — шутка тоже вышла неудачной, — просто мне бы хотелось, чтобы сегодняшний вечер запомнился надолго и был приятным. И если я делаю что-то не так, то скажи сразу, я исправлюсь.

— И будешь играть другую роль?

— Да что ты взъелся на эту роль, не понимаю. Какая муха тебя укусила?

— Никто меня не кусал. — поморщился царь. — И сегодня я от тебя ничего не требую.

В это время мы шли по тому самому коридору, по которому вели меня стражники в первый день. Плющ, который я содрала со стены, уже отрос, но одного взгляда на него хватило, чтобы поежиться от фантомного зуда.

Наконец мы достигли темного портала. Сейчас меня сопровождал лесной царь, и поэтому было спокойнее, но воспоминания о той тьме, куда в прошлый раз вывела эта дорога, вынудили замедлиться.

— Мне страшно, — призналась я.

Эрран остановился, развернулся и оглядел меня с головы до ног.

— Почему?

— А почему мне не может быть страшно? — я начала злиться.

— С тобой ничего страшного не случится, обещаю. Сегодняшний вечер тебя порадует.

— Ну если ты обещаешь, — проворчала я и снова перевела взгляд на черноту портала.

Лесной царь мягко улыбнулся и, быстро наклонившись, чмокнул меня в губы. Затем, поймав мой немой вопрос, фыркнул:

— Я тоже репетирую. Ну что? Ты готова?

Мы шагнули в портал, пугающая темнота хлынула на меня голодным зверем, но сразу же пропала, как только лесной царь взял меня за руку и вывел в удивительно красивое место. В листве деревьев летали светлячки, освещая широкие поляны, которые соединялись тропинками, как коридорами между залами.

Пространство заполняли различные существа. Некоторых я уже видела, другие были совершенно неизвестными и вводили в диссонанс мозг, который не до конца привык к постоянным потрясениям. Здравый смысл уверял, что такого просто не может существовать.

Музыка плясала в воздухе, смешиваясь с ароматами блюд, а земля зудела от энергии и силы. Многие существа заметили меня и совершенно не удивились. Они склонили головы передо мной и лесным царем, признавая мое право на присутствие. Они признавали меня.

Страха не осталось. Осталось лишь ощущение, что я нахожусь там, где и должна. Казалось, актриса, работающая в кафешке и мечтающая о блестящей карьере, навсегда исчезла. Мне было сложно ассоциировать себя прошлую с той, которая была сейчас.

— Думаю, ты скоро сможешь покинуть лес, — шепнул Эрран, случайно задев губами ухо, — договор почти выполнен.

Я вздрогнула. Его слова разрушили наваждение. Они напомнили обо всем, о чем хотелось забыть. О договоре, о скором возвращении домой, о том, что я буду страдать, мучаясь от влюбленности в того, в кого влюбляться было глупостью, полнейшим идиотизмом!

— Надя? — он взял меня за руку. — Все в порядке?

Я посмотрела на него, мучаясь от противоречивых чувств: нежности и злости. Злилась на саму себя, конечно, потому что могла избежать ненужной боли.

— Все в полном порядке.

— Тогда подними голову. Скоро все начнется.

— Что именно?

— Праздник Звездосвета, — ответил Эрран и положил ладонь на мое плечо. — Смотри, уже начинается.

В следующую секунду светлячки, копошащиеся в листве, погасли, и пространство погрузилось в темноту. Но лишь на мгновения, потому что поляны озарил новый свет.

Звезды... Вспышки пронзали небо, разрезая его черное полотно до чистого ясного света. Упала одна звезда, за ней вторая, и вот весь небосвод дрожал, словно стараясь сдержать слезы, но они, искренние и свободные, падали на землю звездным дождем.

Я задохнулась от восторга. Никогда в жизни не видела что-то настолько прекрасное. Северное сияние из звезд.

— Ты снова плачешь? — Эрран коснулся моей щеки, и я прикрыла глаза, шокированная тем, с какой нежностью он провел по моей коже и заправил прядку волос за ухо.

— Нет. — я отвернулась от него. — Просто очень красиво.

Гости, такие разные и необычные, похожие и на людей, и на зверей, смотрели на небо, восхищаясь звездопадом так же, как и я. Мгновения настоящего чуда сблизили меня и жителей чуждого мира.

Я почувствовала внутреннюю связь с каждым существом, с лесом, с небом и звездами, словно меня никогда не существовала в отдельности. Я состояла из леса и неба, а они состояли из меня.

Жители леса порой смотрели в мою сторону, но без прежней ненависти, одобряя мое решение присутствовать на их празднике. Я была им благодарна за это одолжение и с облегчением понимала, что можно полностью расслабиться в сегодняшний вечер. В такую ночь не может случиться ничего плохого.

Когда темнота неба стала неотделимым от звезд, на поляну начали спускаться девушки, они появлялись из осколков звезд, падающих на землю. Я бы назвала их богинями. Они были ослепительны в серебристых платьях и с черными волосами, в которые вплетались серебристые нити. Может, это были даже не нити, а настоящий звездный свет.

«Звездные нимфы».

— Они такие... — я сжала ладонь Эррана. — Такие прекрасные.

— Ты еще прекраснее. — он наклонился ближе и с невинной легкостью поцеловал. — Мы должны друг другу

танец, помнишь?

— Конечно. — сердце радостно забилося в груди, а широкая улыбка никак не хотела сходить с губ. — Пойдем?

Эрран повел меня на середину поляны. Я еще раз обернулась к звездным нимфам, чтобы навсегда сохранить их образ в памяти.

У них были такие же глаза, как у Эррана. Хотя нет, все же не такие притягательные. Сравнивая их и лесного царя, безошибочно угадывалось их родство. Наверное, мама Эррана была самой красивой звездной нимфой. Жаль, что мне не удастся ее увидеть.

Эрран притянул меня к себе, отвлекая от мыслей. Его лицо выглядело загадочным и далеким в мерцании светлячков, которые снова принялись жужжать.

Никогда мне не доводилось видеть настолько красивого мужчину. Мысль о том, что я могу называть его своим мужем, одновременно казалась глупой и забавной, но в то же время ужасно волновала.

Незнакомая музыка струилась по земле и через ноги врезалась в позвоночник, отдаваясь приятной вибрацией. Эрран вел в танце, и я интуитивно угадывала движения. Конечно, полностью расслабиться не получалось. Танцевала я впервые.

— Думаю, ты неправильно играешь, актриса, — сказал Эрран и широко улыбнулся.

Его улыбка на несколько мгновений обезоружила меня, заставив растеряться, но я все же спросила:

— Что значит неправильно?

— Нужно больше огня, — хмыкнул он и лихо развернул меня спиной к себе. — Больше страсти и эмоций.

Я забыла, как дышать, когда прижалась к его животу и груди. Музыка заиграла задорнее и быстрее, мне оставалось лишь подчиниться.

Эрран просит меня танцевать, хотя я не знаю как, просит играть роль, которую сыграть я не в силах, потому что давно перестала играть.

Когда в последний раз я притворялась? Возможно, когда вела себя, как царевна, перед жителями леса, к которым приводил меня Эрран, но мне это настолько нравилось, что я даже забывала о том, что притворяюсь. Как будто я была собой и при этом на своем месте.

Мысль об этом напугала, но, к счастью, привела в чувство. Все, Надя, вернись в реальность.

— Тебе не хватает страсти!?! — я развернулась и стукнула его по груди. — А не много ли ты хочешь!?

Стукнуть второй раз не вышло. Эрран перехватил мои ладони, потом, смотря мне в глаза, медленно и чувственно поцеловал запястье со свадебным узором. Метка сразу же потеплела.

— Ты ужасен. — выдохнула я и, прижавшись к лесному царю, поцеловала его.

Эрран ответил на поцелуй, и он получился жарким и томительным, будто никого кроме нас не существовало. Иногда другие гости бросали на нас заинтересованные взгляды, но они не волновали меня и даже отошли на задний план. Весь мир сузился до одного Эррана — моего царя.

Но все хорошее всегда подходит к концу. Эрран оторвался от меня и прошептал:

— Мне нужно идти, — казалось, он сам не особо был рад своему решению.

— Куда!?

— Ритуал сам себя не проведет, — улыбнулся он и потрепал меня за щеку. — Подожди здесь, ладно? Я скоро.

Мне оставалось только кивнуть и следить за тем, как Эрран прошел вперед и остановился, подняв руки. Все разговоры затихли, и гости с предвкушением окружили лесного царя. Я не знала, что сейчас должно произойти, но явно нечто грандиозное.

И правда. Свет, который оставляли за собой падающие звезды, устремился к вытянутым рукам Эррана, заскользил по его телу и впитался в землю. Сразу же у его ног расцвели серебряные цветы, напоминающие кувшинки. Лесной царь был проводником между небом и землей. Звезды превращались в цветы.

Я смотрела на это чудо, затаив дыхание, и никак не могла свыкнуться с мыслью, что вот этот поразительный и недостижимый мужчина, обладающий такой силой, совсем недавно меня целовал. Вряд ли я была его достойна.

Эрран опустил руки и закрыл глаза, словно пытаясь прийти в себя. Через мгновения его обступили звездные нимфы и другие гости, что-то произнося. Я хотела прислушаться, но меня отвлек другой голос.

— Добрый вечер, царевна.

Ко мне подошел Каллиас, который выглядел, как настоящий принц эльфов. Он заплел длинные волосы в косы, а камзол украсил голубыми цветами. Несмотря на милый облик, его сопровождал шлейф опасности.

— Добрый вечер. — я еще раз посмотрела на Эррана, который стоял ко мне спиной, внимательно слушая звездную нимфу и не замечая, что ко мне подошел его брат.

— Чудесный праздник. — Каллиас протянул бокал с янтарной жидкостью. — Выпьем?

— В бокале яд? — уточнила я, но машинально взяла его в руки.

— Возможно. — ответил Каллиас.

Его ответ можно было бы с легкостью счесть за шутку, если бы не пристальный и серьезный взгляд.

— Очень глупо с вашей стороны убивать меня при свидетелях.

Он усмехнулся.

— А с вашей стороны, царевна, очень глупо думать, что у меня есть причины вас убивать. — Каллиас подошел и обхватил мои ладони, держащие бокал. Я не вздрогнула. — Мы оба прекрасно знаем, что ваши дни здесь сочтены. Мне не нужно вас убивать, мне лишь нужно подождать.

Я мысленно помолилась всем богам, но придвинулась к лицу Каллиаса, возможно, даже слишком близко и улыбочиво сказала:

— Ждать будете до старости.

Если он и удивился моей дерзости, то виду не подал. Напротив, проникновенно сверкнув глазами, произнес:

— А вы мне начинаете нравиться, госпожа.

Его взгляд опустился на мои губы, чуть распухшие и горящие от поцелуев Эррана.

— Настолько, что вы уже не будете отправлять меня к водянику на верную смерть?

— Если бы я хотел, чтобы смерть была верной, — он наклонился к моему уху, слегка проводя носом по щеке. — Поверьте, я бы отправил вас в свои покои.

Я задохнулась от гнева и отвращения, но едко ответить не успела, потому что рядом возник мрачный Эрран. И как он так быстро здесь очутился — настоящая загадка.

— Каллиас, — холодно произнес он, — У тебе есть дело к моей царевне?

Каллиас медленно перевел взгляд на Эррана, опять улыбнулся, потом забрал у меня бокал и как ни в чем ни бывало отпил из него.

— Брат, за тебя! — сказал он. — За худшего царя, которого только знал Лес.

Я бы не расстроилась, если бы эти слова стали для него последними, но Эрран отреагировал с пугающим спокойствием:

— Твоя вера в то, что после меня будут лучшие, прекрасна. А теперь избавь нас от своей персоны.

Каллиас хмыкнул и кивнул.

— Конечно. Как прикажете, господин. А с вами, — он выразительно взглянул на меня. — Мы еще встретимся, моя прелестная царевна.

Пространство вокруг нас наэлектризовалось. Того и гляди, Каллиаса пронзит молния. Эрран с такой яростью посмотрел на брата, что удивительно, как тот не испепелился. Но Каллиас ретировался вполне живой и здоровый.

Я выдохнула с облегчением.

— Нам надо поговорить. — Эрран перехватил мое предплечье и едва ли не потащил в сторону деревьев подальше от праздника.

Мы остановились в тени, и я поежилась от нехорошего предчувствия. Видимо, встреча с Каллиасом разозлила лесного царя, потому что он яростно морщился. И, кажется, под раздачу теперь попаду я.

— Думаю, тебя стоит отправить обратно в твой мир прямо сейчас, — неожиданно рывкнул Эрран.

— Что? — опешила я. — Что значит сейчас!?

Конечно, мне хотелось домой, но я была совершенно не готова уходить прямо сейчас. Оставить Лес, попрощаться с Эрраном!? Нет! И почему он не мог предупредить меня раньше, к чему такая спешка?

— Сейчас значит сейчас. Пока ты меня совсем не опозорила.

В глазах Эррана плясал настоящий гнев. Во мне же всколыхнулось возмущение.

— Да что на тебя нашло? Все же было нормально. И как я тебя позорю?

— Все было нормально!? — Эрран шагнул ближе и прошипел. — Все, может, и было нормально, пока ты не напомнила мне, что являешь всего лишь человеком.

— Всего лишь человеком? — глухо переспросила я.

Всего лишь... Это «всего лишь» неимоверно ранило.

— Именно. Скажи, это в человеческой природе льнуть к каждому встречному?

— Хватит. — прорычала я. — Что за бред ты говоришь!? К кому я льну?

— Да хотя бы к Каллиасу, — оскалился Эрран, и таким разъяренным я его никогда не видела. — О чем вы с ним столь мило ворковали? Ты ведь просто таяла от его взгляда.

Конечно, стоило прекратить этот бестолковый разговор, но он слишком меня взбесил, чтобы я удержалась от ехидных реплик:

— А как мне не таять от его взгляда!? Может, мне понравился Каллиас? Может, когда наш договор будет расторгнут, я не захочу уходить и останусь здесь с ним!?

— Не останешься. — отрезал Эрран. — Я самолично и с большой радостью доведу тебя до завесы и прослежу, чтобы ты больше никогда не вернулась.

— Жду не дожусь, — огрызнулась я со злостью, чтобы замаскировать, как же сильно его слова задели. — Но

пока ты этого не сделал, я пойду к Каллиасу, чтобы хоть немного отдохнуть от ненавистной мне роли твоей супруги. Не переживай, никто не заметит...

Он прижал меня к стволу дерева, за которым образовался проход, и мы вместе ввалились в наши покои, оставив праздник позади. Мне показалось, что даже сумрак в комнате вздрогнул, испугавшись нашего резкого появления.

— Ну и зачем!? — рывкнула я, поспешно отстраняясь.

— Ты забыла, что лес все слышит!? — спросил Эрран. — Или ты решила все загубить, чтобы побегать к своему Каллиасу? И ты вообще уверена, что ему нужен человек!?

Лесной царь был взбешен. Его тихая ярость передавалась и мне, тоже заставляя злиться.

— В отличие от некоторых, ему все равно, кто я. Человек или инопланетянин, без разницы. Не все погрязли в предубеждениях, как ты!

— Я погряз в предубеждениях!? Ты серьезно!? — возмутился Эрран. — А как не видеть в тебе человека, если ты поступаешь в точности, как человек, ведясь на парочку улыбок и лестные слова!?

— Чего!? — выдохнула я, а потом до меня неожиданно дошло. — Ты что... Ревнуешь!?

Эрран опешил и, как мне показалось, даже дышать перестал, будто мои слова раскололи мироздание. Если бы я не знала царя, то действительно поверила бы в ревность.

— Как тебе вообще такое в голову могло прийти!? — спросил он, наконец справившись с ошеломлением. — Ты хотя бы понимаешь, что единственное желание Каллиаса касательно тебя это убийство?

— Неважно, — я устало махнула рукой и решила замять конфликт. Какой толк препираться? — На самом деле Каллиас несколько мне не нравится, я его совершенно не знаю и узнавать не хочу. И не переживай, свою роль я буду отыгрывать столько, сколько потребуется, и ничего не загублю. Поэтому успокойся и давай вернемся на праздник.

Эрран громко вздохнул и расслабленно опустил плечи, но затем поморщился и подошел ко мне вплотную.

— Какую роль ты будешь отыгрывать? Ненавистную роль супруги царя?

Сумрак комнаты обволакивал нас, заключая в тесное кольцо. Казалось, мы с Эрраном находимся слишком близко друг к другу, недопустимо близко.

— Ну почему же... — я пожала плечами. — Роль на самом деле легкая и интересная.

Лесной царь молчал, задумчиво разглядывая меня. Он заметно успокоился и думал о чем-то своем, и я никак не могла догадаться, о чем именно, сколько бы ни вглядывалась в его лицо. Но хорошо, что он больше не злился.

— Ты неплохо справляешься с ролью. Иногда даже я не понимаю, когда ты притворяешься, а когда нет.

Ох, если бы он только знал, что притворства нет... Наверное, я совсем разучилась быть актрисой, потому что все это время была собой.

— Спасибо, — ответила я, — Ты тоже хорошо играешь. Иногда я даже верю.

Эрран действительно хороший актер. Ему приходится быть обходительным с человеком, а учитывая всю его неприязнь к людям, это заслуживает восхищения. И сегодня на празднике я правда верила в его искренность. Или хотела верить, выдавая желаемое за действительное.

Эрран непонимающе и даже удивленно на меня взглянул, а затем вдруг усмехнулся. Я встрепенулась, потому что уловила резкую перемену в его настроении.

— И когда же ты веришь? — он, прямо как Каллиас, наклонился к моему уху, почти касаясь его губами и обжигая шепотом. — Сейчас? Или когда я тебя целую? — Эрран приник губами к моей шее, и я прикрыла глаза из-за предательского жара в груди.

Я не была уверена, что готова к очередным играм.

— Или когда я тебя ревную? — вдруг произнес царь и поспешно накрыл мои губы своими, чтобы я не успела удивиться и задать вопрос. — Веришь, когда я касаюсь тебя? — отстранился он и провел пальцами вдоль позвоночника, я же прогнулась в пояснице, испугавшись этого прикосновения, но в то же время еще теснее прижалась к Эррану, заставив его самого вздрогнуть. У меня закружилась голова.

— Не верю, — тихо ответила я.

— Какая досада, — вздохнул он, криво усмехнувшись, — потому что я не притворяюсь.

Я обмерла, почувствовав, как все бушующие эмоции испарились, уступив пустоте и звону в ушах. Я посмотрела на Эррана, рискуя утонуть в его пленительных глазах и не понимая, верить им или нет, затем порывисто поцеловала его и выдохнула в губы:

— Я тоже. Не притворяюсь.

Эрран напряженно замер и растерянно посмотрел на меня. Я не знала, что сказать, пребывая в еще большем замешательстве. Мы перестали дышать, стоя почти в обнимку, даже наши носы касались друг друга.

— Интересно, — произнес Эрран, — надеюсь, ты мне не лжешь.

— А когда я тебе лгала?.. Хотя знаешь, сегодняшняя ночь какая-то безумная. — выдохнула я и снова приникла

к губам Эррана, отчаянно пытаюсь насытиться этим поцелуем. — Не хочу, чтобы это безумие заканчивалось.

Сначала я цеплялась за роль, потому что она была моим шансом вернуться домой, обещанием, что прежняя жизнь возвратится, потом я прикрывалась ролью, боясь признать, что чувства во мне настоящие и вовсе не наигранные. И только сейчас пришло осознание, что роли никакой и не было. Не было игры и фальши, была только я, которая менялась и становилась лесной царевной в чуждом и одновременно таком родном мире.

Руки царя изучающе заскользили по моей спине, поднялись к шее, взъерошили волосы на затылке, коснулись ключицы. Я прижалась к нему в надежде спрятаться от опьяняющего возбуждения, но, кажется, сделала лишь хуже. Цветок на запястье запульсировал в такт моего сердца и, наверное, в такт сердца Эррана.

— Безумие? — хрипло спросил он, отстраняясь и любуясь моим покрасневшим лицом. — Можем его продолжить. — он вдруг смутился и взглянул на меня с бесконечным трепетом. — Если позволишь.

— Позволю. — поспешно ответила я.

А потом мы одновременно расхохотались. Напряжение лопнуло, как мыльный пузырь. Мы смеялись до слез. Я спросила:

— У тебя вообще точно когда-нибудь что-то было? Мы ведем себя, как два подростка.

— По-твоему, это плохо?

— Нет, почему? — я провела по его щеке. — Но, наверное, мы не можем так просто уйти с вечера?

— Почему? Мы же ушли, значит, можем. — Он подмигнул, совсем как мальчишка, а вовсе не лесной царь. Мы посмотрели на звездопад, который был виден из окна, и позволили себе полюбоваться им какое-то время, томительно растягивая момент.

Потом Эрран дотронулся до завязок моего платья, затем рукой провел по спине и очертил ягодички. Внутреннее пламя разрасталось, и я буквально сгорала изнутри.

Мы балансировали на грани, а потом сорвались. Эрран поднял меня, а я обхватила ногами его талию. Несколько шагов, и мы повалились на кровать. Одежда невыносимо мешала. Эрран застонал. Я схватилась за его рубашку и дрожащими руками начала расстегивать пуговицы, а руки Эррана скользнули по моим ногам, и его пальцы начали возбуждающее массировать внутреннюю сторону бедра.

Я глубоко и прерывисто вздохнула. Одежда исчезла, и между нашими телами не осталось никакой преграды.

Эрран развернулся и опустил меня на кровать, нависнув сверху. Пальцами я исследовала его тело, запоминала каждый изгиб, каждую мышцу. Собственное наслаждение не так распалило жар внутри, как бесконечная нежность Эррана и влюбленность, хрупкая, но всепоглощающая, которая впивалась в каждую нервную клетку.

Жжение и неприятная боль быстро притупились другими ощущениями, новыми, незнакомыми. Я терялась в прикосновениях, близости Эррана, его запахе, в смешанных дыханиях.

— Я не хочу тебя отпускать, — хрипло прошептал он.

— Так не отпускай, — я прижалась к нему с порывом раствориться в лесном царе и навсегда поселиться в его сердце, как он поселился в моем. — Пожалуйста, Эрран, только не отпускай.

Он поцеловал меня, вкладывая в это прикосновение всю бурю эмоций, которые испытывал в тот момент, я запуталась в них, потонула в противоречивости, но поняла, что готова вынести все ради него, разгадать любую загадку.

— Ты еще должен показать мне... — я задохнулась от взорвавшегося внутри напряжения, которое начало рассеиваться, наполняя меня, — показать мне пятое озеро... Ты же покажешь мне?

— Да.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мы прижались друг к другу, как самые настоящие влюбленные. И если то была роль, то мы были лучшими актерами. Эрран укрыл нас холодным одеялом и поцеловал меня в макушку.

— Мне Розы рассказала историю твоих родителей, — показалось важным это сказать, — она сказала, что твоя мама была очень красивой звездной нимфой, и отец не смог вынести разлуки с ней. Мне жаль.

Эрран печально улыбнулся, но эта печаль была светлой, почти не приносящей боль. Он прижал меня еще крепче к себе и прошептал:

— Для нас любовь несильно отличается от яда, но сейчас я начинаю понимать слова отца о том, что она того стоит.

Я развернулась, чтобы видеть его прекрасное лицо, которое за несколько месяцев стало роднее своего собственного, и поцеловала его губы, пытаюсь доказать, что и для меня, простого человека, любовь была подобно яду, который не только убивал, но и воскрешал, заставляя жить и чувствовать.

А звезды за окном все падали и падали, разгоняя темноту и принося покой.

Но расслабляться и позволить безграничному счастью расцвести никогда нельзя, потому что в тот самый момент, как ты это сделаешь, что-то обязательно произойдет. Из соседней комнаты послышался треск открывающегося

портала.

— Не помешал!?

Дверь распахнулась, и в комнате возник брат Эррана. Его белесые волосы слегка светились в темноте.

Каллиас?! Убить тебя мало! Какого лешего ты сюда притопал!? Он вообще имел право навещать в царские покои? Да его за такое, по меньшей мере, стоило казнить.

Эрран стремительно поднялся, и в ту же секунду одежда на нем появилась магическим образом. Что ж, удобно. Мне вот приходилось прикрываться одеялом.

— Что ты здесь делаешь? — прорычал он и шагнул к брату, явно намереваясь его прихлопнуть.

— Пришел сообщить о трагедии, — уничижительно выплюнул он, — пока ты развлекался с людишкой, произошло убийство двух огров на границе с человеческими землями.

Эррану потребовалась секунда, чтобы переварить услышанное.

— Когда? — отрывисто спросил он.

— Несколько часов назад.

Лесной царь переменился в лице. Он быстро подошел к Каллиасу, схватил его за плечо и буквально втолкнул в образовавшийся проход, в который зашел следом. Мне он ничего не сказал, оставив наедине с нарастающей паникой.

Убитые огры? Зачем здешним людям потребовалось убивать огров и пересекать границу? Неужели они ненормальные? И это в Звездосвет, в праздник, когда не случается ничего плохого.

Я сидела у двери, вслушиваясь в шаги. Эрран долго не возвращался, и ожидание превратилось в пытку.

Но наконец шаги раздались в тот момент, когда отчаяние уже заставляло отправиться на поиски царя самостоятельно. Я бросилась к кровати и легла в нее, притворяясь спящей. Конечно, не смела и надеяться, что Эрран придет в мои покои, но он пришел. Кровать рядом прогнулась, и повисла тишина.

— Ты слишком быстро дышишь для той, которая спит.

— Что случилось? — спросила я, поворачиваясь к нему и замечая его бесконечную усталость.

Эрран притянул меня к себе и устало пробормотал:

— Огров убили. Убийц не нашли. Без сомнения, это люди.

— Они специально это сделали? Провокация? Или огры напали на них?

Я почувствовала, как все рушится, и мое счастье разбивается вдребезги.

— Огров нашли на стороне Леса, а, значит, люди снова пересекли границу. Это все усложняет.

— Но огры же сильнее.

Эрран ласково провел по моему плечу, словно желая утешить.

— Люди используют против нас железо. В последнее время они стали использовать ранее неизвестный химикат, который привезли из-за Завесы.

Даже самый прекрасный вечер может закончиться дурным образом.

Глава 14. Кусочек правды

Конь с огромным рогом, растущим из лба, несколькими парами глаз и длинным львиным хвостом стоял на поляне и с аппетитом жевал траву. Статуя, которую я видела у дома Григория Леопольдовича, не могла передать и толики величия этого животного. Надо же, тот день, когда я впервые попала в этот чудной мир, казался таким далеким, словно прошло уже несколько лет.

Сегодня Роза подняла меня с утра пораньше, пообещав, что покажет настоящее чудо.

— Это единорог!? — обмерла я, когда впервые его увидела и поняла, что жизнь прожита не зря.

— Инрог, — кивнула Роза, улыбаясь, и шикнула, — тише, его легко можно спугнуть.

Инрог скосил на нас большой черный глаз и качнул головой, давая понять, что прекрасно нас видит и слышит, однако вовсе не боится. Я, почувствовав его молчаливое разрешение, вышла из укромного кустарника и подошла совсем близко. Животное следило за мной с любопытством, и от его тела исходило успокаивающее свечение.

Насколько я поняла, инроги не принадлежали Лесу, не подчинялись его воле, а были его лучшим украшением, оставаясь вечно свободными.

— Их осталось совсем мало, — вздохнула Роза. Она тоже подошла вслед за мной и уселась на траву, вытянув босые ноги.

— Почему? — я протянула руку к морде инрога, но так и не прикоснулась, вместо этого просто легла рядом с Розой и посмотрела на чистое небо.

— А то ты не знаешь, — фыркнула она, — люди же охотятся на них, чтобы путешествовать между магическим миром и человеческим. Люди всегда охотились на инрогов, истребляли их. К счастью, они очень часто попадались и получали по заслугам, но сейчас они перешли все границы. Господин же рассказал вам про их новое изобретение?

— Химикат из моего мира? — я припомнила то, что накануне вечером рассказал мне Эрран, и невольно

поежилась.

— Вы называете этот химикат арборицидом, — вздохнула Роза, — вместе с железом он лишает нас сил. И все лишь для того, чтобы вторгнуться на наши земли и переловить всех инрогов... И это так несправедливо! Очень-очень несправедливо! Они, — она показала на безмятежного животного, который потерял к нам интерес и вернулся к трапезе, — беззащитны, потому что чужды природе Леса, они магические призраки, поэтому-то их и кровь позволяет преодолевать Завесу. — Роза разговорилась, и я боялась перебить ее, чтобы случайно не прервать поток информации. — Лес их просто не видит, поэтому не может защитить. Говорят, в давние времена инроги признавали только Бриду, и она их защищала...

— Брида? — удивилась я, — та самая жуткая ведьма из маков?

Роза пожала плечами:

— О ней ходит много разных историй. Ее и боятся, и уважают, и всякий хочет забыть. Вряд ли придет время, когда мы узнаем правду о Бриде и о том, почему ее заточили на том поле.

Если честно, я о ней ничего узнавать и не хотела, потому что одно лишь воспоминание о ее цепком, древнем взгляде заставляло потеть руки и скручивало желудок. В Бриде вред ли было хоть что-то хорошее.

— Я не понимаю, — нахмурилась я, — почему люди тогда навсегда не переберутся за Завесу в человеческий мир, если переход требует таких усилий и столь ценного ресурса, как кровь редкого животного?

— Ну а что тут непонятного? — хмыкнула Роза, — они же боятся смерти. Если человек, побывавший в нашем мире, уйдет в человеческий, то ровно через сутки сойдет с ума или погибнет...

— Что?

Я видела, как ужас медленно расцветает на лице дриады, а цвет крыльев приобретает темный грязный оттенок. Она осознала, что случайно ляпнула то, что было запрещено говорить. Роза взглянула на меня со смесью мольбы, страха и раскаяния, но я уже подскочила на ноги и побежала к дереву.

— Надя, стой! — взвизгнула она и тем самым спугнула инрога. Он, сначала встав на дыбы, бросился в противоположную сторону, и над лесом взлетела стая кричащих черных птиц.

Адреналин настолько ударил в голову, что я даже не обратила внимание на то, как быстро и послушно передо мной открылся портал, как будто Лес хотел услужить и не попасть под горячую руку. Я выпрыгнула в незнакомое пространство и чуть не свалилась в пропасть, потому что оказалась на широкой ветке исполинского дерева, находящейся на высоте примерно седьмого этажа над землей.

Эрран находился здесь же и разговаривал с тремя старичками, напоминающими ссохшихся гномов с панцирями короедов на спинах. Услышав звук портала, он повернулся и обомлел, потому что не ожидал меня увидеть. Старички тоже открыли свои зубастые рты от удивления.

— Что ты тут делаешь? — спросил Эрран.

Я за секунду добралась до него и, как разъяренная фурия, ударила лесного царя в грудь, потом еще раз и еще. Эрран, когда ему это надоело, перехватил мои ладони. Я зашипела:

— Мне тоже интересно, что я тут делаю. Доживаю последние дни своей жизни, да?

Эрран вздрогнул и на мгновение растерялся, потом отрывисто приказал старичкам:

— Оставьте нас.

Те послушались и быстро вросли в дерево, превратившись в три бездушных сучка. Но вокруг нас все равно образовался купол тишины, созданный Эрраном.

— Ты мне врал, ты меня обманывал, — зашептала я, трясясь от переполняющей меня ярости, — на самом деле я никогда не смогу покинуть Лес, потому что умру?

И только в глубине души, очень-очень глубоко теплилось то, в чем я никогда бы себе не призналась. Это была нелепая радость и удовлетворение, ведь неминуемая гибель это уже серьезное оправдание, чтобы не возвращаться домой. Меня лишили тяжелого выбора.

— Вовсе нет, — покачал головой Эрран, крепче сжав мои ладони, — я тебя не обманывал, просто не все говорил.

— Так скажи, — возмущилась я, — расскажи все с самого начала. Георгий Леопольдович не хотел отдавать тебе свою дочь, потому что знал, что ей не выжить? Она бы правда не выжила?

— Нет, все не так.

— А как!?

— Тот человешишка погубил инрога и попался, — произнес Эрран с ненавистью, — я должен был покарать его, но он молил о пощаде, говорил о семье, о дочери. Тогда я уже думал о том, чтобы привести в лес человеческую невесту, поэтому увидел в этой ситуации прекрасную возможность. Я уже говорил это, и поверь, здесь не было лжи.

— Наказать, забрав его дочь, и получить желаемое. Убить двух зайцев.

— Каких зайцев?

— Неудачливых.

Эрран непонимающе нахмурился и вдруг спросил:

— Разве ты хочешь уйти?

— Да.

Он поджал губы и отпустил мои ладони, отстранившись. Я почти пожалела о своих словах.

— Ты же говорил, что мне нужно побыть здесь недолго, чтобы твой народ и Лес привыкли к человеку? Ты говорил, что скоро сможешь отправить меня домой... И это было наглой ложью, ты не сможешь отправить меня обратно, не вернешь мою прежнюю жизнь.

— Могу. Я могу отправить тебя домой навсегда, — ответил Эрран, помедлив, — но тогда ты все забудешь и никогда не сможешь вернуться.

— Что это значит?

— То, что человек, хоть раз побывавший в магическом мире, погибает, если уйдет из него... Это все правда, но человек состоит из воспоминаний, и магия для него это тоже воспоминание, которое можно забрать. Здесь тоже есть свои правила, и стереть память можно лишь раз. Если сейчас я заберу твою память, а ты потом снова попадешь в Лес, то вернуться домой уже не сможешь. Или сможешь, но лишь на короткий срок и останешься навсегда привязанной к этому миру.

У меня голова взрывалась от новой информации. На душе стало тяжело и страшно, потому что теперь уйти значило забыть все, а это почти равнялось убийству значимой части души, потому что Лес и магия действительно изменили меня, вросли так глубоко, что стали неотделимы.

— То есть ты все это время собирался стереть мне память? Показывал чудеса своего мира, влюблял меня в себя, чтобы потом заставить все забыть!? Ты и правда чудовище, — мой голос дрогнул, — ты даже не поставил меня в известность.

Эрран выглядел разбитым и потерянным, почти сломленным.

— Изначально мы договаривались, что я верну тебя домой, а подробности не имели значения. Так я думал... Зачем тебе помнить Лес, который ты покидаешь? Ты станешь той, кем была до нашей сделки, будто ее и не было. Ты бы жила здесь и не тревожилась бы о том, что потеряешь память, ты бы об этом никогда и не узнала, потому что забыла бы.

— Что ж, действительно, отличный план, — усмехнулась я, — ты все решил самолично, все продумал, молодец. Тогда немедленно отправляй меня домой.

— Что? Прямо сейчас?

— Да.

— Но... — Эрран не мог подобрать слов.

— Что? Я выполнила часть нашего договора, меня признала большая часть Леса, к людям стали относиться лучше. Все кончено.

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Я не могу, — выдохнул Эрран с неподдельной болью, — я не могу тебя отпустить, хотя понимаю, что для тебя так будет лучше.

Как же мне надоели люди, которые решают, что для меня будет лучше, даже не узнав моего мнения. Почему кто-то имеет права решать за другого, почему Эрран не спросил, чего хочу я, а ведь у нас с ним изначально все строилось на честной договоренности. Я верила, что честность сохранится и станет правилом, но...

— Ты просто эгоист, — воскликнула я, — ненавижу тебя и ненавижу Лес.

Это были определенно лишние слова. Лесной царь криво и мрачно усмехнулся и произнес, соглашаясь:

— Хорошо.

Я замерла, тяжело дыша, и глупо захлопала ресницами. Эрран добавил:

— Если ты еще раз скажешь, что действительно хочешь уйти, я незамедлительно провожу тебя до Завесы и сотру память.

— Я...

Уйти? Забыть Лес с его жителями и озерами, Розы, которая стала моей лучшей подругой, забыть Эррана? Требуя вернуть меня домой, я всерьез этого не желала, поэтому теперь растерялась. И сейчас в наказание передо мной поставили выбор между гордостью и любовью. Как же было бы легко, если бы я все это время действительно играла роль, оставаясь верной своему предназначению актрисы.

— Я отведу тебя. — Эрран больше на меня не смотрел и подошел к открывшемуся порталу, откуда, как мне показалось, повеяла безнадежностью конца.

— Но если я сейчас пропаду, это вызовет негодование у жителей...

— Отнюдь, их сейчас заботит совершенно другое. Каллиасу снова удалось разжечь ненависть к людям,

поэтому тебе и вовсе небезопасно находиться в Лесу. Спасибо за помощь, актриса, ты сделала все, что могла, но больше твои услуги не требуются.

Я сжала кулаки и опустила голову, впившись взглядом в печально-темную кору дерева. Подходящие слова, как назло, не находились, и на ветку упала пара непрошенных слез. В следующую же секунду Эрран оказался рядом и приподнял мой подбородок, заставляя посмотреть на него. В его потускневших глазах плескались тревога, нежность и раскаяние.

— Скажи, что по-настоящему хочешь уйти, — повторил он, — иначе я не смогу тебя отпустить.

— Тогда не отпускай.

После произнесенных слов тяжелый груз упал с моих плеч, и я поняла, что ответила так, как подсказывало сердце, и это было правильным решением. Наплевать на гордость, простить, смириться — это того стоит, если приводит к счастью.

Эрран прижал меня к себе и поцеловал в макушку, а я разрыдалась, сама не понимая из-за чего. Может потому, что в тот момент исчезла моя возможность вернуться к прежней жизни, хотя об этом я ни капельки не жалела.

Глава 15. Все разрушено

Следующие ночи я проводила в покоях Эррана. Мне нравилось, что мы, не сговариваясь, предпочитали оставаться либо у меня, либо у него, избегая общих покоев, потому что они предназначались для лесного царя и лесной царевны, а между нами этих титулов или ролей не существовало. Хотя, если честно, мне больше нравилось ночевать в комнате Эррана из-за чудесных светлячков, летающих над кроватью, и что-то мне подсказывало, что и Эррану тоже.

Но вопреки врожденному оптимизму меня не покидало чувство тревоги. Казалось, грядет что-то очень страшное и плохое, и оставалось только ждать расплаты за несколько безмятежных дней.

Хотя сейчас хотелось беспрерывно наслаждаться минутами покоя. Я сидела на кровати и ласково рисовала узоры на голой спине Эррана. Он прикрыл глаза и делал вид, что дремлет, однако морщины на его лбу выдавали нерадостные мысли.

— Ты хмурый в последнее время, — сказала я.

— Разве? — он открыл глаза, перевернулся на спину и притянул меня к себе. Я улеглась на его груди и чмокнула в губы, прекрасно понимая, что он хочет меня отвлечь, и от этого стало только тревожнее. — У меня всегда хмурое лицо, и, между прочим, оно тебе очень нравится.

— Что-то происходит, верно? — я провела по его щеке, убирая упавшие волосы, — Каллиас накаляет обстановку? Ты попросил меня не выходить из покоев, и Розы не появляется, будто ты меня прячешь ото всех... — я улыбнулась, но улыбка быстро пропала, потому что Эрран оставался серьезным, что подтверждало верность моей догадки. — Все настолько плохо?

Он зажмурился, а затем потерся своим носом о мой и пробормотал:

— Не хочу об этом говорить, потому что пока я с тобой, то могу притвориться, что все в порядке. И поверь, тебе не нужно ничего знать, иначе будешь зря нервничать.

— Притворяться? — переспросила я. — Я думала, этап, когда мы притворялись и играли роли, уже пройден.

Эрран грустно улыбнулся и крепче меня обнял.

— А вдруг мы постоянно играем роли: какие-то нам совсем не нравятся, а какие-то нравятся настолько, что мы искренне верим, что играть эту роль значит быть собой.

— Эрран, — я сжала его плечи и заглянула в глаза, — насколько все плохо?

— Не волнуйся, моя любимая актриса, — он ласково улыбнулся и погладил меня по голове, — я никогда не дам тебя в обиду. Засыпай, уже поздно.

Что ж, ответа у Эррана добиться невозможно, ему не лесным царем нужно быть, а разведчиком. Я улеглась под его боком, положив голову на плечо, а он обнял меня одной рукой, а другой начал успокаивающе гладить мой живот. Мы молчаливо смотрели на светлячков, как будто они были звездами и как будто мы были свободны от власти обстоятельств. А потом я заснула.

Разбудили меня через несколько часов. Я проснулась и первым делом заметила, что Эрран ушел, и потом только обнаружила, что ветки, те самые ветки, что однажды притащили меня в комнату лесного царя, теперь дергают за пижаму и тянут в коридор.

— Что за... — Я вскочила с кровати и вышла из комнаты.

На полу в ровный ряд лежали сухие разноцветные листья. Они, указывая путь, уходили дальше за поворот. Я интуитивно чувствовала, что эту дорожку сделал не Эрран, а сам Лес... Он словно на что-то намекал, хотел, чтобы я пошла по дорожке из опавших листьев. Но зачем?

Недолго думая, я поспешно отправилась по коридору в указанном направлении. Листья хрустели и прилипали к босым ступням, а воздух с каждым шагом стучался, как при погружении в погреб. Лес вывел меня в то самое

место, откуда неоднократно открывался портал к цветку-сердцу и на главные поляны. Знакомый ядовитый плющ разросся и покрывал большую часть стены.

Я зашла в тупик, потому что в этот раз портала не было, вместо него стояла безмолвная деревянная стена, но листья заканчивались прямо у нее.

— Что ты хочешь мне показать?

Я положила ладони на кору и сразу же их одернула, потому что часть стены покрылась сероватым мхом, на котором проступило изображение. Это был портал, но не пускающий в другое пространство, а только его показывающий. Я пригляделась к картинке, которая становилась все четче, и увидела знакомое место у алтаря и Эррана в темном плаще. Рядом с ним стояла Роза, а напротив — Каллиас. В темноте, как обычно, угадывались движения сотней жителей.

Я никак не могла понять, зачем Лес показывает это, но злые, острые интонации в голосе Каллиаса мне все прояснили.

— Мы требуем ее головы, — с яростью произнес он, — взять в супруги человека изначально было предательством Леса, Эрран. Люди никчемны, а теперь они и вовсе переступили допустимую черту. Они объявили себя нашими врагами.

Его поддержали сотни других голосов, разъяренных, отчаянных. Я обняла себя за плечи, чтобы не осесть на пол. Как же так... Они же приняли меня, а теперь готовы убить? Столько ненависти... Но я же ничем ее не заслужила.

— Лесная царица не имеет к этому никакого отношения. — Эрран оставался спокойным. — Она давно принадлежит Лесу, как и любой из нас, и не виновна в преступлениях всякого отродья, которое существует и в людском мире, и в нашем, — он при этом уничижительно посмотрел на Каллиаса. — Лес принял ее, и неужели ты противишься его воле?

— Она — человек. — рявкнул Каллиас, раздражаясь. — Она была символом мира между нами и людьми, но этот мир невозможен. Признай это, царь! Признай! Лес принял ее, верно, и посмотри, что происходит сейчас. На границе с человеческими землями умирают деревья из-за химикатов, землю осыпают порошком из железа, а лесной царь размяк и не видит ничего из-за своей любви. И ты, и Лес просто любите губить себя, но жители тут ни при чем.

— Но Надя... — воскликнула Роза, — Надежда тут тоже ни при чем.

— Чтобы одолеть врага, — усмехнулся Каллиас, — необходимо, чтобы наивная надежда на мир с ним умерла.

Эрран молчал, вглядываясь в поддерживающих Каллиаса жителей. Я тоже пыталась почувствовать хоть кого-то, кто встал бы на защиту лесной царицы, но такого жителя либо не было, либо он склонил голову перед большинством.

Роза, моя верная дриада, смотрела на Каллиаса с таким отвращением и злостью, что наверняка еле удерживалась от того, чтобы не открутить ему голову. Тем временем он заключил:

— Теперь каждый из нас имеет право убить человека. И убить лесную царицу. Да будет так. В твоих же интересах, Эрран, добровольно привести ее на казнь.

На этом изображение исчезло, и мох впитался обратно в кору. Я же осталась стоять, совершенно раздавленная и сбита с толку. Лес хотел меня предупредить... Он был даже не на стороне Эррана, он был на моей стороне, он желал мне добра.

Я развернулась и бросилась обратно в покои, как будто вот-вот кто-то должен был прийти, чтобы прикончить меня. Сердце стучало в висках, и хотелось кричать от несправедливости и обиды. Было ощущение, что меня предали. Конечно, я не была монархом, против которого подняли восстание, но меня сильно ранила ненависть тех, чье уважение я так стремилась заслужить. Все было тщетно, я не справилась со своей ролью.

Эрран нашел меня сидящей на кровати. Он зашел в комнату, стараясь не шуметь, но, увидев мою сторбленную фигуру, спросил:

— Почему ты не спишь?

Его голос звучал по-привычному спокойно, как будто ничего не произошло. Он не хотел меня тревожить.

— Да так, не спится.

Эрран медленно подошел ко мне и опустился на пол, прижавшись своим лбом к моим коленям. Я положила руку на его голову, и мы замерли в таком положении на какое-то время.

Интересно, я разочаруюсь, если он действительно отведет меня на казнь? Ведь подчиниться желанию подданных, избавиться от меня это долг лесного царя. А я любила и Эррана, и царя и ценила последнего за верность своему предназначению. Мой долг как лесной царицы ведь тоже принести себя в жертву в угоду требованию обитателей Леса, верно? Если играть роль, то до самого конца... Только вот, умирая Джульеттой после кинжала в сердце, я возрождалась собой, а здесь вряд ли так получится.

— Что случилось? — прошептала я.

Эрран поднялся и сел рядом со мной, и только сейчас я заметила, насколько же усталым он выглядел.

— Завтра на рассвете ты навсегда вернешься к себе домой и забудешь про Лес.

Я готовилась к любому повороту событий, но никак не к этому.

— Что? Нет, я не хочу тебя забывать. Эрран, мы что-нибудь придумаем...

— Нет, — твердо сказал он, — останешься здесь, погибнешь. И если ты за себя не боишься, то подумай обо мне, потому что, случись что с тобой, я тоже не смогу существовать.

Я с силой сжала его руку и прошептала, борясь со слезами:

— Это просто наглый и эгоистичный шантаж.

— Пусть так, — он пожал плечами, — но ты знаешь историю моих родителей. Отец не смог жить без матери и ушел вслед за ней. Не думаю, что наш случай чем-то отличается.

Я перебирала в уме всевозможные варианты. Должен же быть выход, ну хоть какой-то.

— Давай я перееду к Бриде, а? В маковые заросли, туда никто не посмеет сунуться, а ты будешь навещать меня...

Эрран улыбнулся, почти весело:

— Уверен, Брида не будет рада такому соседству.

— Она привыкнет...

— Нет, — он покачал головой, — ты отправишься домой и будешь жить счастливо. А пока счастлива ты, я не пропаду. Все будет хорошо.

Отправлюсь домой... Домой? Но что мне делать, если моим домом стало совершенно другое место, откуда теперь насильно выгоняют. Несправедливо, нечестно, обидно. Но, видимо, человеческая лесная царевна изначально была обречена на провал, и нельзя нарушать вековые традиции.

— Я люблю тебя. — мой голос прозвучал тихо, но Эрран меня услышал.

— Прости. Нужно было сразу тебя отпустить.

Еще в самом начале... Пока не возникло чувств, пока они не вросли настолько глубоко в сердце. Что ж, я была полностью с ним согласна. Не на все роли стоит соглашаться.

Глава 16. Пути назад больше нет

Лес чувствовал, что это мой последний рассвет в его мире, и постарался сделать его красивым, даже несмотря на то, что я его забуду. Стрекозы, бабочки, светлячки и даже птицы провожали меня, кружась в первых теплых лучах. Солнце вставало медленно, словно понимало, что нельзя спешить.

Эрран был бледным, как призрак, и вряд ли я выглядела лучше. Мы молчали, ничего не говорила и Роза, которая держала в руках белый термос с разбавленной кровью инрога. Ее пожертвовал тот самый, которого я видела на поляне. Роза сказала, что нам крупно повезло, потому что он был едва ли не последним инрогом в округе.

Мне оставалось лишь выпить кровь и забыть часть своей жизни. Интересно, когда я очнусь, то буду считать, что перебрала с алкоголем?

— Нам нужно прощаться, — произнес Эрран, глядя на солнце, а его руки при этом слабо подрагивали.

Нам выпало слишком мало времени, чтобы быть вместе. Я хотела вдохнуть каждую из последних секунд, проведенных с ним, чтобы они распустились в моих легких вечными цветами. Было время, когда я мечтала вернуться домой, а сейчас это возвращение было равнозначно издевательствам над собственной душой. Потеря памяти лишь усугубляло положение, потому что иначе я хотя бы сохранила воспоминания и любовь в сердце, но меня лишали даже этого...

— А знаешь, — прошептал он, — я все никак не мог признаться, но все же... Чудовище все же тебя любит.

Эти слова стали последней каплей. Я разрыдалась и вцепилась в Эррана с таким отчаянием, будто меня собирались оторвать от него силой.

— Ты не чудовище. — сквозь слезы промычала я. — Пожалуйста, позволь мне остаться. Я не хочу уходить.

— Надя, посмотри на меня, — он мягко приподнял мой подбородок, чтобы я взглянула в его лицо, наполненное теплом и безграничной нежностью, — Я понимаю, сейчас больно, но, поверь, эта боль сотрется из твоей памяти. Ты заслуживаешь прежнюю жизнь.

— А новую жизнь с тобой я не заслуживаю? — с детским упрямством спросила я.

— Новая жизнь со мной не заслуживает тебя.

— Ты готов сейчас говорить любой бред, чтобы от меня отделаться, да?

Эрран вздохнул и, прижав меня к себе, поцеловал в макушку. Я разрыдалась еще пуще прежнего.

— Надя, — позвал Эрран и коснулся моего плеча, — не нужно плакать.

Я покачала головой, а потом взглянула на него и с непоколебимой уверенностью попросила:

— Научи меня слышать лес.

Он не ожидал этого услышать, и даже Роза тихо ахнула и непонимающе на меня посмотрела. Конечно, зачем

мне слышать Лес, если я никогда его больше не услышу? Но хотя бы раз... Я заслуживала попробовать его услышать хотя бы раз. Эрран обвел взглядом деревья, раздумывая и сомневаясь, но в конце концов кивнул.

— Это на самом деле очень просто, — он указал на мое сердце, — просто пусти Лес в себя, поверь в то, что вы неразделимы, разреши ему вести тебя.

Я непонимающе нахмурилась, а Эрран подошел ближе и поцеловал мои губы.

— Закрой глаза и поверь, что ты можешь слышать. Ты едина с каждым листом, ты умираешь вместе со старым деревом и возрождаешься в новом ростке. Ты — природа и сама жизнь.

Я стояла с закрытыми глазами и слушала голос Эррана, но в какой-то момент перестала сосредотачиваться на нем, мысленно устремившись внутрь себя, пытаюсь отыскать из обрывков воспоминаний и ощущений что-то важное и ценное, но потом забросила и эти поиски. Я просто позволила себе ни о чем не думать, ничего не чувствовать, а просто быть. Существовать, как существует ветер, озеро или лист, срывающийся с ветки и падающий на траву. Я представила, как мои ноги врастают в землю, а руки превращаются в могучую крону, представила, как бегу прыткой лисой по снегу, оставляя следы, как лечу соколом и как прячусь от него мышкой-полевкой.

Я была в темноте, но вдруг до меня начали долетать звуки, запахи, ощущения. Перед внутренним взором появился цветок — сердце Леса. Когда-то его корни оплели мои руки против воли, но теперь я сама к нему потянулась, всем сердцем желая коснуться, и когда я это сделала, то все чувства накалились до предела. Лес устремился ко мне, впитался в каждую клеточку, и я услышала его шепот, тихий и мелодичный, как журчание дальней речушки из детства.

Когда я открыла глаза, то поняла, что мир преобразился: стал ярче, громче, живее. От каждого камня, куста, дерева исходил внутренний свет. Я моргнула, и мир снова стал прежним, но я знала, что при желании смогу снова увидеть все в новом свете. Это подчинялось мне, но, единственное, что я не могла контролировать, так это незнакомую силу, энергию, которая теперь начала циркулировать внутри меня, как кровь, которую гнало обновленное сердце. Кажется, это было даже больше, чем предполагал Эрран. Лес наделил меня куда более значимыми способностями...

Эрран улыбался с тихой печалью, наблюдая за мной. Часть меня хотела снова разреветься и начать умолять, чтобы он не отпускал меня в человеческий мир, потому что сейчас, после того, как я вкусила магию, познала все, уходить было просто преступлением. Однако другая часть не позволила выдержке прогнуться. Слезы высохли, сердце замедлилось.

— Спасибо, Эрран, я ни о чем не жалею.

Он промолчал, не в силах говорить. Я была уверена, он понял, что я имела в виду не только то, что он научил меня слышать Лес, но и нашу встречу и все произошедшее.

— Я готова. — еще тише добавила я и повернулась к Розе.

Дриада стояла в стороне и тоже плакала, опустив голову. Ее слезы падали на землю и сверкали, превращаясь в драгоценные камешки. За ее спиной находилась граница, и теперь Завесу я тоже могла видеть. Она была полупрозрачной стеной, которая приятно блестела на утреннем солнце.

— Розе?

Дриада очнулась и подошла ко мне, протягивая термос. Я отпила горькую жидкость, чувствуя, как она что-то во мне убивает.

— Подожди. — Розе протянула руку и неожиданно выдернула мой волос, а потом обмотала его вокруг своего пальца. Тот превратился в маленькое деревянное колечко. — Теперь я всегда тебя найду.

— Спасибо, — поблагодарила я, понимая, что она кормит меня напоследок глупой надеждой.

Дриада не будет меня искать, она вообще сотрется из моей памяти.

— Эрран, — я повернулась к нему, надеясь, что выгляжу как настоящая лесная царевна, и по его взгляду поняла, что это действительно так. — Прощай.

— Я люблю тебя. — ответил он.

А ведь он так и не показал мне пятое озеро...

Я закрыла глаза и в тот же миг упала на руки дриады. Сознание испуганно забило, когда инородная сила вторглась в самые сокровенные воспоминания и начала выдергивать их, как сорняки.

Я уже не видела, как из земли вырастает цветок памяти с нежными розовыми лепестками, не слышала, как плачет Роза, склонившись надо мной, словно я была мертвой. Метка на руке, символизирующая наш с Эрраном брак, запылала, наказывая меня сильной болью.

Я уже не могла наблюдать за тем, как Эрран наклоняется к цветку с намерением его уничтожить, но в последний миг передумывает и, бросив на меня последний, почти безумный от отчаяния взгляд, уходит прочь.

Через несколько минут небо покроется черными тучами, и прольется сильный ливень, а хлесткий ветер обрушит сотни деревьев, перепугав многих жителей. Лес тоже будет оплакивать потерю.

Ну а я уже буду в другом мире, который когда-то считала домом.

Глава 17. Время в забвенье

Прошло три года.

Помпезность ресторана нервировала. Лоск, высокомерные лица и музыка вызывали лишь головную боль.

Я ужасно вымоталась за сегодняшний день, поэтому в очередной раз отмечать премьеру фильма вовсе не хотелось. Завалиться бы домой и отдохнуть, а еще лучше уехать за город с собакой.

— Ты чудесно выглядишь, — Арнольд чмокнул меня в висок.

— Ты решил поцеловать меня только потому, что в этот момент нас фотографировали?

— Кто-то опять не в духе, — он отпил шампанское и улыбнулся кому-то за моей спиной. Я не стала оборачиваться. — Что с тобой? Снова мигрень? Ты продолжаешь пить курс таблеток, который тебе прописал психолог?

— Милый, я ужасно устала и хочу домой.

— Нельзя уходить посреди вечера, — возмутился он. — Как это будет выглядеть? Любимая, это плохая идея, не дури.

— Пойдем со мной, — я поправила его галстук, который на самом деле и так сидел идеально.

— Ты разве не понимаешь, что не можешь так просто взять и уйти? Этот вечер в твою честь.

— Ну раз я ухожу, значит, могу, — упрямо возразила я и повторила вопрос, — Ты со мной?

— В отличие от тебя у меня есть чувство ответственности.

— Тогда оставайся и придумай хорошенькое оправдание моему побегу. — Я чмокнула воздух у щеки Арнольда, чтобы не испачкать его помадой. — Буду ждать дома.

Он хотел меня удержать, но к нему подошли знакомые, имена которых растворились где-то в пучине однообразных встреч, разговоров и интриг. Пользуясь случаем, я направилась к выходу. По пути пришлось пережить парочку пустых диалогов и выслушать неискренние восхищения, но наконец удалось добраться до гардероба и выйти на шумную улицу.

Дышать стало легче.

Конечно, мой побег сочтут некрасивым, да и бросать Арнольда неправильно, хотя вряд ли он будет печалиться. Ему нравились богемные тусовки. Мне же давно ничего не нравилось. Психолог говорил о выгорании, но я с ним не соглашалась. Если у меня действительно было бы выгорание, то я не смогла бы заниматься творчеством, а мне хватало идей и сил на их реализацию, правда это больше не приносило радости.

Я осуществила свою мечту, но не испытала той радости, которую ждала. Наградой за старания стало лишь удовлетворение, будто бы истинная мечта, какой бы она ни была, так и не обрела реальность. Может, я просто разучилась радоваться, раз не могу отделаться от ощущения, что живу не свою жизнь.

Я ведь собрала прекрасную и талантливую команду, с которой мы отсняли пилотную серию, затем отыскался и спонсор. Теперь у меня есть выпущенное на экраны успешное кино, я снимаюсь, играю в театре, встречаюсь с популярным актером. Как говорит пресса, мы с ним отличная пара. Конечно, это правда, он ведь очень хороший. Он терпит мои ночные кошмары, он привык, что я провожу много времени не с ним, а гуляя по лесу, куда уезжаю с псом на выходные. Среди деревьев я почему-то чувствую себя почти дома, но Арнольду говорю, что прогулки по лесу это мой способ найти вдохновение, и он верит.

Оставалось лишь самой себе повторять изо дня в день, что я счастлива и успешна, и все у меня хорошо. Потому что иначе... Иначе какой смысл так долго идти к своей цели, чтобы в итоге получить абсолютное ничего — пустоту?

Психолог утверждает, что я никак не могу преодолеть последствия травмы трехлетней давности. До сих пор тот период жизни остается загадкой, которую не забывают мусолить журналисты. Девушка, которая таинственно пропала и неожиданно нашлась, на ее теле ни царапинки, она ничего не помнит и не знает. Возможно, эта история во многом поспособствовала моей популярности.

Тогда же я чуть не сошла с ума, стараясь понять причины амнезии и не доверяя самой себе. Реабилитация в санатории, возвращение к привычному образу жизни помогли прийти в себя. Но ощущение пустоты внутри, будто из меня вынули важную часть, не покидала. Даже в груди была странная легкость, словно вынули именно сердце. Еще и на запястье появилась странное тату. Я думала свести ее, но почему-то решила оставить. Пусть останется напоминанием и доказательством, что в забытый промежуток что-то происходило и он не был у меня отнят временем.

Я зашла домой и сразу же покачнулась от веса добермана, который радостно кинулся обниматься.

— Мося! Ну хватит, отстань, ты слизал уже весь макияж.

Переодевшись в домашнее и наглаживая пса, я разлеглась на диване и включила первое попавшееся шоу. С одной стороны, хотелось спать, а, с другой, снотворное закончилось, а докупить его я забыла. Это значит, что мне вновь приснится сон с черноволосым незнакомцем, который вывернет всю душу наизнанку. Может, напиток? Хотя Арнольд не обрадуется, когда придет и увидит меня пьяной. Лучше подождать его и выпить вместе. Да, это

хорошая мысль.

Мося вильнул хвостом и с визгом помчался к двери. Через несколько минут раздался щелчок замка.

— Надя, я тебе говорил держать пса в закрытой комнате, когда я прихожу домой. Он пачкает мой костюм.

— У него всегда чистые лапы, не ворчи, — отозвалась я, выключая телевизор и поднимаясь. — Он же просто тебе рад.

— А я ему нет, — проворчал Арнольд, отряхивая пальто. — Но неважно.

Он решил не начинать привычный разговор. Мы с ним неоднократно ссорились из-за добермана. Арнольд терпеть не мог Мосю и в начале отношений даже предлагал отдать его своим знакомым с частным домом, мол, там ему будет лучше. Я же тогда дала понять, что, если кто и переедет в частный дом к знакомым, так это точно не Мося. Арнольд смирился.

Зато Мося проблем не создавал, хотя сначала тоже агрессивно рычал на Арнольда. Он всегда плохо относился к незнакомцам. Но видя мое расположение к мужчине, полюбил его тоже.

— Давай выпьем? — предложила я.

— Прекрасно. — Арнольд закатил глаза. — Вместо вопросов про вечер, ты предлагаешь выпить. Сразу видно, какие у тебя приоритеты, родная.

— Меня все устраивает.

— Ладно, не будем спорить. Я сам хотел предложить тебе открыть вино.

Мы сели за стол, и Арнольд разлил сухое красное по высоким бокалам. Мося лег под столом, положив свою голову на мои ступни. Картина счастливых отношений, о которых многие мечтают и которым я должна радоваться. Только вот в душе пустота.

— Мне есть, что тебе сказать, родная. — Арнольд отставил в сторону бокал, а потом неожиданно сполз со стула и встал передо мной на колени. — Я собирался сделать это еще в ресторане, но ты упорхнула, как птичка.

Мося поднял голову и пошевелил ушами. Арнольд улыбался так непринужденно и ослепительно, что эта улыбка выглядела до ужаса искусственной. Голова закружилась.

— Милый? — я почувствовала, как горло пронзили невидимые иглы.

— Я уже намекнул прессе, что скоро стоит ожидать звездную свадьбу. — блестящая улыбка, ухоженные светлые волосы, холодные глаза, все расплылось перед глазами, и прозвучал жестокий внутренний голос: «ты должна быть благодарна и счастлива». — Думаю, ты уже знаешь, что я хочу сказать?

Я положила руку на голову добермана, пытаюсь найти в нем поддержку. Мы с Арнольдом встречались уже год, это ведь достойный срок, правда? Неудивительно, что он сделал мне предложение. Моя вина, что я к этому оказалась не готова.

— Ты выйдешь за меня? — Он открыл красную коробочку, а в груди все сжалось, будто на меня сейчас должна была выпрыгнуть змея.

«Нет!»

— Милый... — я выдохнула. — А ты не торопишься?

— Надя, что значит торопишься? — он нахмурился и положил ладонь поверх моей. — Я долго к этому шел. Мы с тобой готовы выйти на новый уровень. Ну же, хватит уже играть и тянуть, ответ наконец да, и будем отмечать.

— Я не знаю.

Он нахмурился.

— Что не знаешь? Надя, я вообще рассчитывал на слезы счастья и радостные крики. Что значит не знаешь?

— Я просто не уверена. Нет, конечно, мне так приятно, но...

— Но!?

«Динь-дон!»

Никогда еще дверной звонок не звучал так вовремя. Я вскочила и отвернулась от Арнольда, чтобы он не заметил моего красноречивого облегчения.

— Ты кого-то ждешь?

— Нет, но, может, доставка? Я сейчас.

Мося первым поскакал к двери и предупреждающе гавкнул. Я была готова расцеловать того, кто позвонил в дверь, будь то доставка, сосед или просто человек, который ошибся дверью. Неважно. Кем бы он ни был, он подарил мне время, чтобы осмыслить ответ на один из самых важных вопросов в жизни. Он спас меня от вымученного «да», которое почти сорвалось с губ.

Я распахнула дверь, даже не посмотрев в глазок.

— Привет, Надя.

На пороге стояла карликовая зеленоволосая девушка в слишком широком пальто, которое странно топорщилось на спине. В руках она держала огромный горшок с необычным цветком. Он напоминал китайскую

розу с розовыми лепестками.

И что-то в этой девушке показалось странным. То ли внешний вид, то ли взгляд, но мне стало отчего-то неуютно.

— Мы знакомы? — спросила я с напряжением.

Неужели в сеть просочилась информация с моим адресом? У меня пока было не слишком много поклонников, но даже среди них могли найтись неадекватны. Мося замер у ноги с недоброжелательно оскаленными клыками.

— Надя, кто там? Доставка? — раздался голос Арнольда из гостиной.

Девушка криво улыбнулась и пробормотала:

— А у тебя цвет волос поменялся. Раньше он был как кора, а теперь как фиалка.

Я действительно год назад перекрасилась в вызывающий фиолетовый, чтобы выглядеть эпатажной. Вообще, втайне я надеялась, что перемены во внешности возродят нечто умершее в душе, но ошиблась.

— Простите, я вас не знаю, — ответила я. — Что вы хотите?

— Надя, мне очень жаль, — сказала она. — Но Лес нуждается в тебе. Ты должна сорвать это растение и все вспомнить. Сейчас же.

— Простите? — я нахмурилась и перевела взгляд с девушки на цветок, который вызывал еще более двойственные ощущения и нервировал. — Я должна сорвать этот цветок? Извините, но вам лучше уйти, — я попыталась закрыть дверь.

— Нет! Если ты хочешь вспомнить, что было три года назад, ты это сделаешь, — возмутилась девушка и вцепилась в дверь. Мося зарычал. — Пожалуйста, вспомни Лес, вспомни Эррана!

Я замерла. Когда прозвучало это имя, в груди что-то болезненно шевельнулось.

— Девушка, я вас не знаю. Пожалуйста, уходите, иначе мне придется вызвать полицию.

— Я уйду, если ты сорвешь растение, иначе буду возвращаться изо дня в день и преследовать тебя, госпожа. — твердо произнесла девушка, — Надя, прошу тебя, — она протянула горшок, буквально сунув мне его под нос.

— Что здесь происходит? — вышел в коридор Арнольд. — Надя, это кто?

— Я не знаю!

— Надя, умоляю. Просто сорви. Прошу. Я знаю, тебя мучают сны.

— Женщина, вы кто такая!? — Арнольд встал за моей спиной. — А ты почему с ней разговариваешь!?

Нужно было закрыть дверь, вызвать полицию, поступить логично и правильно, но то ли из-за отчаянного вида девушки, то ли из-за необычного отклика во мне, но я потянулась к цветку и надломила стебель.

— Ты что делаешь!? Вдруг он ядовитый? — Арнольд потянул меня назад, и я почти упала, потому что тело отказалось слушаться на несколько мгновений.

Когда-то краски, чувства, эмоции прикрыли плотным одеялом, а сейчас его сорвали, возвращая меня к жизни. Воспоминания хлынули теплой волной и научили снова дышать.

Я оперлась на косяк и не сразу поняла, что Арнольд трясет мое плечо, придерживая, а Мося вьется у ног, влажным носом тыкаясь в ладонь.

— Все в порядке, — сказала я и посмотрела на Розу, которая улыбалась с грустным торжеством, затем выдохнула. — Тебе понадобилось целых три года, чтобы прийти!?

— Надя, ты не понимаешь, — она покачала головой, — То есть... Госпожа, я вам все объясню.

— Почему Эрран не отправил тебя раньше!?

Эрран. Ко мне вернулась забытая любовь, и я удивилась, как могла думать, что люблю Арнольда. Два совершенно несопоставимых чувства. В груди пустота заполнилась тяжестью, потому что я наконец вспомнила, что у меня есть сердце, которое отдано лесному царю. Я вспомнила, кем являюсь на самом деле. Не актрисой, не сценаристом, не режиссером и даже не человеком, а лесной царевной. Вот мое призвание и моя мечта.

— Надя, объяснись. Кто этот человек, и что с тобой происходит!? Ау, ты меня слышишь!?

— Лес ждет, Надя, — сказала дриада, — Нужно идти.

Вот так просто!? Нужно идти? Я провела с амнезией целых три года, а вместо объяснений, объятий, мне сухо говорят, что нужно идти? Я будто видела Розу впервые. Или так сказывалось ушедшее время, или дриада стала чужой.

— Так, женщина, она с вами никуда не пойдет. — Арнольд быстро захлопнул дверь и развернулся ко мне. — Как это понимать!? Что ты делаешь?

В это время я уже натягивала обувь и поспешно собирала сумку. Телефон, ключи... Вряд ли это все понадобится, но лучше взять.

Все так усложнилось, стало другим. Эти три года... На целых три года меня заперли в клетке, построив красочные декорации и заставив поверить, что это настоящее. Но настоящим оно быть не могло, потому что я не чувствовала себя живой, просто существовала по сценарию, написанному собой же. Я притворялась, отыгрывала роль. Но теперь все поблекло на фоне того, что у меня было и что отняли.

— Прости, я не могу выйти за тебя, — я вспомнила об Арнольде, — Ты хороший, достоин лучшего, и прости. Я просто забыла, что на самом деле уже замужем.

— За кем? — растерялся он.

— За самым восхитительным мужчиной.

— Милая, — вздохнул Арнольд, — я видел твой паспорт. Ты не замужем.

— У нас штамп не в паспортах, а на запястье, — пробормотала я, чувствуя себя разбитой и пытаюсь собрать разум по кусочкам, и громче добавила. — Ты не помнишь, куда я дела поводок? Ах, да, вспомнила!..

Мося, услышав слова про поводок, сразу же оживился.

— Родная, — Арнольд сложил руки на груди. — Ты перестала пить таблетки?

— Мне не нужны таблетки, и психолог тоже больше не нужен.

— У тебя обострение? Вид совершенно безумный. Ну вот куда ты бежишь, а!? — у него появилась такая интонация, будто он говорил с душевнобольной. — Наверное, что-то подобное с тобой случилось три года назад. Мы сейчас выпьем успокоительные, и все будет хорошо. — Он сделал ко мне шаг, и я отпрыгнула, испугавшись, что он меня схватит.

— Я не сумасшедшая, — повторила я. — Пусти меня, сейчас же.

Во мне пробудилась неправильная неприязнь к Арнольду. Этот человек меня не знает и сейчас лишь задерживает, а ведь я уже могла быть с Эрраном. Он ждет меня! Эти сны... Во всех снах он звал меня. А я пила таблетки, чтобы только его не видеть и не слышать...

— Отпусти, я тебя не люблю, и мне нужно идти. Ты меня тоже не любишь, и нам эти отношения были лишь выгодны. Мы использовали друг друга, но пора это заканчивать. Так что отпусти меня сейчас же!

— Хватит истерить! Я тебя не отпущу. Перестань быть безумной стервой. — рявкнул Арнольд, пропустив все мои слова мимо ушей. — Ты думаешь, я не заколебался терпеть твои закидоны!? Мне важна наша репутация, а ты постоянно все усложняешь и портишь. Считаешь, что можешь творить все, что вздумается? Я понимаю, у талантливых людей не все в порядке с головой, но пожалей меня, Надя! А если тебя кто увидит?

— Мне жаль, Арнольд, за то, что потратила твое время. Просто отойди от двери.

— Ты хоть понимаешь, что я не могу отпустить тебя в таком состоянии? Поставь себя на мое место. Ты наблюдаешься у психиатра и сейчас пытаешься сбежать куда-то посреди ночи. Я люблю тебя, Надя, и это ради твоего блага. — Он расставил руки и попытался оттеснить меня от двери.

— Мося. — произнесла я твердо. — Чужой.

Доберман удивленно моргнул, но подчинился команде. Пригнув голову, он грозно зарычал. Арнольд вздрогнул, потом прижался к стене и испуганно вытаращился на оскалившегося пса.

— Ты что? Кобеля своего на меня натравить решила!? Ты в своем уме, полоумная!?

— Прости, — я прошла мимо Арнольда и открыла дверь. — Я действительно полоумная, и ты сделал все что мог, чтобы мне помочь. Спасибо и прощай. Мося, ко мне!

Доберман рванул за мной, и мы с ним поскакали по лестнице вниз. Дриада нас дожидалась у выхода из подъезда. Она стояла, робко обняв себя за плечи, и смотрела на проезжающие машины. Для грозной зимы она была одета слишком легко, поэтому прохожие косились на нее с любопытством.

— Роза! — я налетела на нее и крепко обняла, наплевав на довольно холодную реакцию старой подруги. — Я на самом деле очень рада тебя видеть. Как хорошо, что ты наконец-то пришла, ты даже представить не можешь, как невыносимо было без воспоминаний.

— Без тебя мне тоже было невыносимо. — прошептала она, прижимаясь ко мне, и вдруг запричитала, как будто до этого пыталась сдерживаться. — Я еле тебя нашла, еле поймала связь, она так истончилась за это время. Шла пешком днем, летела по ночам, чтобы никто не заметил крылья.

— Но почему ты не пришла раньше?

— Я не решалась... Верила, что мы сможем без тебя, все наладится, но... Не получается.

— Что случилось? — в груди зародилось неприятное волнение. — Что не получается? И почему ты не решалась? Разве не Эрран тебя отправил за мной?

Роза говорила загадками, и ничего хорошего это не предвещало.

— Лес нуждается в тебе. Теперь ты его сердце.

— Но как же Эрран?

— А Эррана с нами больше нет.

— Что!?

Дриада посмотрела на меня с искренним сочувствием и безграничной болью, а ее губы скривились, словно она старалась сдержать рыдание.

Мне вернули сердце, чтобы сразу же его разбить.

Мир дрогнул, и я рухнула на тротуар, как подстреленная птица.

Глава 18. Сделка с ведьмой

— Надя!? Надя, очнись! — Кажется, Розы была меня по щекам.

— Эрран... — прошептала я. — Эрран, он не мог... Нет! — еще мгновение, и из горла вырвался бы душераздирающий крик, который зарождался в груди.

Если он погиб, если его не стало, то и я просто перестану существовать. Исчезну здесь, прямо на улице, испарюсь.

— Он жив, слышишь!? Он жив.

Сердце снова начало биться, медленно и недоверчиво.

— Жив? — глухо переспросила я, так и оставаясь на асфальте. Может, Арнольд был прав, называя меня сумасшедшей? Сажу на земле в распахнутом пуховике и домашних брюках с совершенно безумным видом.

— Да, — кивнула дриада, но в ее скованных движениях и отводимом взгляде сквозила ложь, поэтому я ей не поверила.

— Что с Эрраном?

— Я не знаю.

Поймать такси не составило труда, доехать до леса тоже. Завеса, скрывающая магический мир, пролегла не так далеко, в областном лесу, куда на машине можно было доехать за полтора часа. Мы с Розы шли молча, она косилась на хаотично раскиданные обертки и бутылки. Я же пыталась осмыслить рассказ дриады после того, как она пересказала то, что произошло за эти три года.

Мося семенил рядом, почти прижимаясь к ноге. Я не отдавала ему команду, но он чувствовал мою боль и пытался помочь.

Оказывается, Эрран уничтожил все человеческие базы с оружием и запасами химиката. Пролетел вихрем по человеческим землям, круша, уничтожая, убивая, но сам был сокрушен. Люди перевезли слишком много железа, рассыпав его крошкой вдоль границы с Лесом, разлили арборицид по улицам. Оказавшись в логове врага, Эрран потерял возможность черпать энергию из Леса, которая просто не могла преодолеть такого расстояние и железо.

Ослабленного лесного царя пленили. Противостояние замерло. Люди затихли, все так же не решаясь заходить в лес, а жители Леса идти за своим царем не могли, потому что их не пускала железная проволока, а еще они не знали, где его искать, потому что потеряли с ним связь. Узником какой клетки он стал... Хотя не было сомнений, что клетка эта железная.

Инрогов почти не осталось, а те, кто остался, ушли так далеко, спрятались в тех местах, о которых Лес больше никому не расскажет. Даже совершая набег вглубь магических земель, люди не находили их. Война не стояла свеч.

Царь исчез, и Лес утратил одну из двух опор, вторая же покинула его еще раньше. Поэтому он потерялся и начал чахнуть, умирая, как цветок в стухшей воде. Полгода существования и медленного угасания.

— Если Эрран пропал, то Лес должен был выбрать нового царя. Ведь такие правила?

— Да, но он не может никого принять, так как его правители не погибли. Лес первым связь не обрывает, Надя, даже если о нем забыли.

Сердце тоскливо сжалось. Не знаю, специально ли Розы так сказала, или нет, но слова дриады ранили.

— Меня убьют, едва я зайду в Лес? — спросила я, хотя это меня даже не пугало.

— Я не знаю, — ответила Розы, — и это одна из причин, почему я не хотела идти за тобой. Но теперь, думаю, все слишком отчаялись, чтобы бороться с той, кто может нас спасти.

Я помолчала, собираясь с мыслями.

— А какие другие причины?

— Ты заслуживала счастливую жизнь.

— Почему ты решила, что у меня была счастливая жизнь? Без Леса, без Эррана, без тебя?

Розы пристыженно вздохнула и ничего не ответила. Она действительно изменилась за эти три года, стала тихой, вдумчивой, почти растеряла порывистый характер. Что ж, изменилась не только она.

Наконец мы подошли к месту, где висела едва видимая Завеса. Мося тихо заскулил, учуяв нечто ненормальное, а Розы залезла в кусты, пошарила в них и протянула мне термос:

— Это кровь последнего инрога, который еще не покинул родные места. Он согласился отдать немного своей крови.

— Спасибо.

Знакомый неприятный привкус, и вот я уже преодолела Завесу.

Лес встретил меня удивленным шумом листвы, треском деревьев и отдаленным журчанием воды. Пространство жалобно задрожало, как хрусталь, готовый разбиться, а может, мне просто показалось, потому что в глазах стояли слезы, мешающие видеть.

— Я дома.

Здесь Лес еще был сам на себя не похож, пытаясь отзеркалить человеческий, оставшийся по ту сторону Завесы. Но вдруг в ближайшей березе образовался проход, слишком поспешно и быстро. Он был похож на раскрытые объятия, куда я сразу бросилась.

Рози полетела следом, а доберману ничего не оставалось, кроме как прыгнуть в темноту, безоговорочно доверяя своей хозяйке.

Мы вышли в место, до боли знакомое, туда, где меня признали, где я обрела свою судьбу. Теперь здесь никого не было, ни жителей, смотрящих мне в спину, ни Эррана, который дожидался бы у алтаря. Тишина, будто Лес постарался, чтобы кроме нас никого не было.

Рози взяла у меня поводок, и Мося тихо рыкнул, но скорее для приличия, потому он был слишком увлечен незнакомой локацией. Он дышал, высунув язык, а его ошалевший взгляд метался между светящимися камнями, светлячками и клубящемуся сумраку.

Я подошла к алтарю. Цветок, сердце Леса, который когда-то заставил пройти через мучения, а потом сделал меня царевной, сейчас поник, а его лепестки готовы были вот-вот опасть.

Магия истощалась и покидала эту землю, она была уставшей и измученной, как и я все эти три года. Она нуждалась в своих правителях, нуждалась в царе и царевне. И если царь уже не сможет прийти, то хотя бы явится царевна.

— Я здесь, — прошептала я, касаясь корней. Цветок, откликнувшись на мой голос, приподнялся. Сила болезненно запульсировала и перестала гаснуть, и лес вздохнул впервые за долгое время. — Я дома. И я все исправлю, обещаю. Прости, что меня не было все эти годы.

На меня словно накинута теплая одежда. То были объятия Леса, невидимые, но ощутимые. Он тоже тосковал и тоже просил прощения, я его слышала, я слышала Лес. Его прикосновение подожгло слабый фитиль внутри, и все вмиг преобразилось.

Я чувствовала, как между нами натягивается прочная связующая нить. Эрран научил свою царевну слышать Лес, и теперь я могла видеть магию, вибрации и энергию, которая во все стороны исходила от сердца Леса. Каждый житель был связан с ним, поэтому я позволила корням оплести мою руку и заговорила, обращаясь в пустоту, которая меня внимательно слушала.

— Ваша царевна — человек, и это никак не изменить. Кто-то из вас меня ненавидит, но этого я тоже изменить не в силах. Я могу лишь поклясться, что полностью принадлежу вам, моим поданным, моим друзьям и тем, кто живет и существует на моей земле. Лес не может без меня, а я не могу без него. И я клянусь своей жизнью, что буду защищать его, пока дышу и существую. Как бы вы ни относились ко мне, но я готова отдать ради вас все, что у меня есть. Лес верит в меня, а я верю в него, как и в каждого своего подданного. Вы ненавидите человечество, но куда привела вас эта ненависть? К вымиранию? Я здесь, чтобы этого не допустить, и сделаю все возможное. Обещаю. Клянусь.

Я убрала руку, но так и осталась стоять перед алтарем, не в силах отойти в сторону. Но чужой голос пришел мне на помощь и вернул в реальность.

— Надо же, кто прискакал из своего задрипанного мирка.

Я обернулась.

Каллиас. Он совсем не изменился. Все те же длинные волосы, все тот же злой взгляд. Раньше брат Эррана вызывал во мне страх, но сейчас остались лишь злость и отвращение.

— С возвращением, моя милая Надежда, — он направился напрямик ко мне, и в каждом его движении сквозила уверенность хозяина. — Я ждал тебя.

— Ждал меня? — переспросила я. — Чтобы убить?

— Каллиас, что тебе нужно? — Рози подошла вместе с доберманом и встала рядом со мной, закрывая Сердце леса от Каллиаса.

— Зачем же так грубо?

Я промолчала, расправив плечи и удивляясь собственному равнодушию. Той актрисы, которая три года назад дрожала здесь, обернутая плющом, больше не было, вместо нее стояла лесная царевна.

— Очень глупо с твоей стороны приходить сюда после того, как Эрран выбросил тебя за Завесу и спас твою щедедушную жизнь, — сказал Каллиас, подходя ближе, — но ты не представляешь, какую оказала мне услугу.

Я оглядела его с ног до головы, не понимая, как могла бояться его в прошлом.

— О чем ты говоришь!? — спросила вместо меня Рози.

— Лес не признает меня, если ты не знала, — осклабился Каллиас, а потом с раздражением взглянул на Сердце Леса, — он никого не признает и предпочитает дохнуть, гробя вместе с собой и нас. А все потому, что прежний лесной царь был слишком глуп. Он подставился, попав в людскую ловушку, он ошибся, взяв в жены тебя. Но поздравляю, — он снова посмотрел на меня. — Ты сумела доказать, что действительно имеешь ценность для Леса, истинная царевна. Но Лесу нужен царь, и если просто так он меня не принимает, то примет через тебя.

— Как? — спросила я, — Эрран ведь жив.

— Вопрос времени. Возможно, он где-то жив лишь потому, что сохраняется тонкая нить между ним и Лесом. Но ее можно будет оборвать, когда ты признаешь меня своим супругом. Сейчас связь у тебя с Лесом сильнее.

Мне показалось, что я ослышалась. Говорить такое жене пропавшего царя значит быть последним мерзавцем.

— Пошел ты к черту.

— Ты отвратительный грязный... — Розы в гневе затрепетала крыльями. — ужасный, жуткий, злобный монстр!

Я слышала, как подтягиваются другие жители: огры, фавны, дриады, нимфы, тролли и остальные. Они пришли либо поприветствовать свою королеву, либо снова потребовать казнить ее. А еще сейчас решалось, чью сторону они примут: мою или Каллиаса. Они слушали, они наблюдали, они думали.

— У тебя нет выбора, — сказал Каллиас и двинулся ко мне, намереваясь либо просто схватить, либо причинить боль. — И от тебя многое не потребуется, просто делай все так, как я скажу. Жители очень устали от увядания, пришло время для нового правителя.

Лес наполнял меня энергией, и Сила расцветала, как весенний сад. Все-таки три года не прошли бесследно: съемки, контракты, руководящие должности закалили характер и растоптали прежние пугливость и растерянность.

— Я все думала, — начала я, — как люди узнали, что огры оказались у границы? Ты говорил мне тогда, что люди что-то замышляют. Откуда ты знал? Это ведь ты спровоцировал войну, верно?

Розы ахнула и с ужасом посмотрела на Каллиаса, словно он покрылся отвратительными бородавками.

— Серьезные обвинения, глупышка, — хмыкнул он, но в его глазах мелькнула паника. — И поверь, за них тебя ждет наказание.

— Неужели? — улыбнулась я, а потом доверилась чутью.

Импульс перетек от моего сердца к ногам и впитался в землю. Огромные корни, черные, как гадюки, вырвались и оплели Каллиаса, сжимаясь со страшной силой. Он не успел среагировать и увернуться и теперь корчился, тщетно пытаясь вырваться. Я упивалась его ужасом, когда смотрела на покрасневшее лицо и растрепанные волосы.

Он не знал, что Эрран научил меня слышать Лес, он не знал, что царевна для меня это не просто титул и вовсе не моя роль, это моя суть. И как всем известно, у лесной царевны имеется сила, и теперь эта сила готова была стереть предателя в порошок.

Но я знала о существовании грани, после которой уже не остановлю корни от убийства. Она была совсем близко. Доберман заскулил, а Розы прошептала:

— Госпожа, остановитесь.

Я моргнула, один раз, другой. Каллиас уже задыхался, а жители, которые затаились в деревьях, наблюдали за мной с ужасом. Они думали, что я пришла мстить.

— Я не убиваю тебя лишь потому, что ты его брат. — корни ослабели. — И именно Эрран должен отсечь тебе голову.

Каллиас обмяк и упал на землю, а я подошла к нему и, наклонившись, холодно произнесла:

— Надеюсь, теперь понятно, что перед тобой не человек? Я знаю, что меня будут любить и уважать, но того, кто посмеет выказать неуважение, я заставлю бояться.

Ветер схватил эти слова и потащил по воздуху, намереваясь донести до каждого. Действительно, теперь у жителей новая правительница — настоящая, та, которая уже никогда не будет притворяться и, если потребуется, так же по-настоящему и покарает.

Я обернулась и увидела, как существа начали выходить из сумрака. Они были усталыми и измученными, но смотрели на меня как на равную. Жителей Леса становилось все больше и больше, они чувствовали возродившееся Сердце, и их тянул сюда голод по живительной энергии. Я не испытывала ни злости, ни обиды на них.

Каллиаса, даже не сопротивляющегося, сразу же увели нимфы по моему приказу, которого никто не посмел ослушаться. Розы подошла ко мне и тронула за плечо:

— Вам нужно отдохнуть.

Да, мне нужно было отдохнуть. Но я никуда не ушла до тех пор, пока не поговорила с каждым на поляне, кто того желал. Теперь не было царя, который мог советовать мне что делать, и приходилось решать самой, что правильно, а что нет. И я принимала решения.

К глубокой ночи мне все-таки удалось добраться до дома, и первым делом я зашла в покои Эррана. Здесь ничего не изменилось: та же кровать, те же светлячки летали под потолком. Время здесь замерло, и сохранялось ощущение, что хозяин вот-вот вернется. Откроет дверь и скажет: «Неужели актриса перепутала двери? Что ты делаешь в моей спальне?» А я отвечу, что... Что безумно скучала и никогда не забывала его, что помнила во снах.

Подумать только, три года...

Мне так его не хватало.

— Ну где же ты? — прошептала я.

Где же ты, лесной царь? В какой темнице тебя держат?

Мося подошел ко мне, и в его внимательных глазах читался вопрос: «Что сделать, чтобы тебе помочь?»

— Я не смогу без него, — призналась я, зарываясь пальцами в шерсть собаки, — мне нужно его спасти.

Но никто не обладал достаточной властью, чтобы освободить царя. Эрран был самым могущественным, но все равно не смог победить, а я по сравнению с ним — просто бездарь, и способна только продать душу, чтобы его вызволить. Только вот кто ее захочет?

Хотя где-то вддали, окруженная деревьями, находилась поляна с красными, как кровь, маками. Среди них жила девушка удивительной красоты, древняя ведьма, которая хранила свои тайны, и сила ее была неподвластна даже Лесу. Брида.

Я вспомнила ее и себя — испуганную девчонку, которая по глупости забрела в заросли к страшному существу, потом я посмотрела на свое отражение в блестящих стеклянных цветках, украшающих окно, и увидела лесную царевну, которой уже есть что предложить ведьме.

Маки не изменились за три года, они единственные, кто не зачах без энергии Сердца. Я подошла к ним, испытывая и страх, и твердую уверенность. Доберман смело шел рядом, поэтому у меня не было права колебаться или поворачивать назад. Но в вечерних сумерках маки выглядели как мои палачи.

Мы с Мосей прошли уже достаточно, пока не выбрались на открытый участок с тронном посередине, сделанном из переплетенных цветов. Брида сидела на нем подобно восковой королеве.

Она приветливо улыбнулась мне, как старой подруге, а потом взглянула на Мосю, и тот сразу же лег на траву, прижав уши. Я глубоко вздохнула, готовясь к одному из самых сложных договоров в своей жизни. Казалось, не было этих трех лет и мы с Бридой виделись всего лишь вчера.

— Почему фиолетовый? — вдруг спросила она.

— Что? — растерялась я.

Она коснулась своих черных кудрей и повторила:

— Выбрала бы ты красный, могла бы сразу сойти за один из моих цветов, и превращать мне тебя даже не пришлось бы.

В груди похолодело, а затея прийти сюда показалась глупой и убийственной.

— Я слышала твои слова, — продолжила Брида, — ты пообещала бороться за Лес и быть хорошим правителем, — она иронично усмехнулась, — похвально, но тебе не кажется, что идти после этого ко мне это необдуманный поступок. Если я тебя уничтожу, то Лес обречен.

— Я тебя не боюсь.

— А стоило бы, — она флегматично пожала плечами.

— Я стала сильной, а еще ты должна быть заинтересована в том, чтобы Эрран вернулся. Он должен тебе услугу.

Брида удовлетворенно цокнула языком и сказала:

— Так быстро перешла к главному вопросу, какая приткая. Но ты ошибаешься, я могу спокойно обойтись без услуги лесного царя.

Она была равнодушной, надменной и убивающей всякую надежду.

— Пожалуйста, — без долгих размышлений я опустила на колени, не отводя от нее взгляд, — я молю тебя помочь ему, я сделаю все, что угодно.

— Встань, — злобно приказала Брида, и в ее глазах полыхнуло недоброе пламя, — раз собралась быть гордой, то не пресмыкайся и никогда не умоляй, иначе я не буду уважать тебя достаточно, чтобы даже прислушаться.

Я поднялась, чувствуя себя еще более униженной, чем тогда, когда стояла на коленях, однако Брида удовлетворенно кивнула.

— Зачем вообще спасать его? Думаю, для Леса одной тебя будет достаточно.

— Мне нужен Эрран, и Лесу тоже он нужен.

— А вдруг самому Эррану ты больше не нужна? — спросила она с садистским любопытством.

— У меня нет времени играть в игры, Брида.

Она расхохоталась, как настоящая злодейка из сказки.

— Ах, и как это я забыла, что мой цветочек вырос и расправил лепестки. Но знай, я никогда просто так ничего не говорю, ну а ты не знаешь одну весьма важную деталь.

— Какую?

— Он отказался от любви к тебе, Надежда.

— Что?

Брида снисходительно покачала головой.

— Не знаю, почему твоя подружка-дриада решила умолчать об этом моменте, но спустя несколько месяцев

после твоего побега Эрран отрекся от всех чувств, которые рождались в сердце. Видимо, они мешали ему жить.

— Что? — опять глупо переспросила я. — Он стер память обо мне?

— Он не забыл тебя, разум и память остались ясны. Но вот чувства лесной царь осознанно заблокировал магией, так что даже, если ты его найдешь, не надейся на воссоединение старых любовников.

В этот момент я поняла, что никак не могу подобрать других слов, кроме ошарашенного «что!?!». Значит, Эрран сначала заставил меня забыть себя, а потом убил в своем сердце все чувства ко мне. Но как же... Нет! Сейчас это было неважным, главное, спасти его, а потом мы разберемся. Если он отключил чувства, то может и включить их, правда? Брида просто пытается сбить меня с пути, отвлекая разговорами и подсекая в голову смуту.

— Это не имеет значения.

— А что имеет?

— Сделка, которую я с тобой заключу. Ты поможешь мне вернуть Эррана, а взамен проси что хочешь.

— Деловой подход, — хмыкнула Брида, — но мне нравится. Хорошо, мы договорились, а теперь иди ко мне.

Я сделала шаг к Бриде и только потом поняла, что обращалась она вовсе не ко мне. Мося подскочил и послушно подбежал к ведьме, которая положила на его морду свои тонкие пальцы. Страх за питомца на секунду вытеснил все остальные мысли и почти заставил броситься к нему на помощь, но уже через секунду Брида убрала руку и даже отступила от пса.

— Что ты сделала!? — я неосознанно сжала кулаки.

— Погладила твою зверюшку, а что, нельзя? — хмыкнула она, но потом вновь стала серьезной. — Итак, слушай меня внимательно. Человеческий город, где заточен твой ненаглядный находится сразу у границы и окружен железной проволокой. В этот круг никто из жителей не может попасть, только Эрран мог ненадолго заходить, но это сильно его ослабляло. Однако ты — это другое, ты носитель энергии Леса и при этом железо не имеет на тебя воздействия. Так что никто не спасет лесного царя, кроме тебя. — Брида развела руками с видом крайне довольным. — Эрран, если меня не обманывает мое ясновидение, находится в центральной башне.

— И это все, что ты скажешь? — разозлилась я, — разве это помощь?

— Я дала тебе информацию, без которой ты вряд ли бы решилась спасти своего любовничка в ближайшие дни, хотя в вашем случае даже лишний час может стать фатальным. И не забудь своего пса, он тебе пригодится.

— Ты что-то с ним сделала, да?

— Возможно, — она отмахнулась, — теперь же ты выслушаешь мое требование.

Я расправила плечи и приготовилась к своей жуткой расплате. Брида почти не помогла, но зато теперь попросит то, что мне определенно не по силам ей дать.

— Твоим первенцем буду я, — сказала она.

Я уставилась на нее, будто она резко заговорила на иностранном языке. Смысл сказанных слов до меня не доходил.

— Память ко мне не сразу вернется, на это уйдут десятилетия, так что я буду твоим настоящим ребенком, поэтому, прощу, балуй меня почаще.

— Но зачем тебе это?

Я оказалась совершенно не готова к такому требованию, но, если честно, ожидала худшего. А ребенок... Что ж, о детях даже думать пока рано.

— Потому что переродиться это моя единственная возможность выбраться отсюда, — на ее лице промелькнула бессильная злость, но быстро сменилась опустошением и смирением. — Ты должна согласиться, — она протянула руку для того, чтобы я ее пожалала. — Я знаю, что вы с Эрраном все равно будете вместе вопреки всем обстоятельствам и невзгодам, поэтому полностью уверена в своем решении. Я всегда оказываюсь права.

Я посмотрела на нее, на девушку, живущую уже незнамо сколько лет и внушающую ужас одним лишь взглядом, попыталась представить ее своей дочерью, но не смогла, потому что это не укладывалось в голове. Однако ее холодную руку я все-таки пожалала, и в этот момент внутри что-то изменилось — поселилась инородная магия, как будто договор был подписан прямо на моем сердце. Сразу же появились сомнения и сожаление, однако я быстро от них отмахнулась, потому что выбора у меня не было.

— Хорошо, — сказала я вслух.

— Спасибо, — она устало закрыла глаза, — тогда я провожу тебя.

Разговор на этом исчерпался. Мы в полном молчании дошли до границы маков, затем она остановилась у самого края и все же спросила:

— Ты знала о традиции леса, что здесь первого ребенка называет отец, а всех последующих мать?

— Нет.

— Тогда передай лесному царю мою просьбу. Его услугой для меня будет то, что своего первого ребенка он назовет в честь меня, — она печально улыбнулась, — знаешь, я слишком привыкла к своему имени, чтобы с ним прощаться.

Она сделала еще один, последний шаг и рассыпалась, превратившись в звездную пыль.

Глава 19. Долгожданная встреча

Отделаться от Розы оказалось самым сложным. Дриада решила, что она мой личный телохранитель, и теперь неотступно следила за каждым шагом и грозно смотрела на любого, с кем я разговаривала. От прежней несерьезной подруги не осталось и следа.

— Я сегодня хочу погулять в одиночестве.

— Но это слишком опасно, госпожа, — сразу же возмутилась она.

— Во-первых, я могу за себя постоять, если ты не забыла, — заявила я, — а во-вторых, со мной мой пес, а он, между прочим, лучший мой защитник.

Розы неодобрительно скуксилась и, судя по шевелящимся волосам на голове, начала судорожно искать причины, из-за которых я должна остаться в безопасности и под её непрерывным бдением.

— Это приказ.

Она оскорблено опустила голову и надула щеки, но совесть меня не мучила, потому что надавить на Розы это только начало. Дальше мне пришлось вместе с доберманом бегать от нее по порталам, выходя на разных полянах и прыгая по лесу, потому что дриада меня тихонько преследовала, уверенная в том, что остается незаметной. Когда мы наконец оторвались, Мося уже скулил и мотал головой, пришибленный от такого количества переходов.

— Ну потерпи, мой хороший, — я погладила его по голове, — нельзя расслабляться, дальше только хуже.

Спустя еще парочку порталов мы вышли в части Леса, которая прилегала к небольшому человеческому городу. Он напоминал одновременно провинциальный поселок, военную базу и стимпанковское поселение из-за обилия железа. Постройку с башней я увидела издалека, потому что она была едва ли не единственным высоким зданием в городке.

Мы с Мосей подошли к границе, и пес сразу же зарычал на проволоку, которая уходила в разные стороны, наверное, на километры.

Что ж, они отгородились от Леса жалкой проволокой и радовались жизни, думая, что ни один житель к ним не сунется. Однако я была хуже любого лесного создания. Если потребуется, я сожгу целый город дотла, чтобы вызволить лесного царя. Сила пульсировала внутри, подначивая позволить ей выплеснуться, но я знала, что не стоит этого делать. Теперь всегда будет искушение перейти грань, которую переходить нельзя ни в коем случае, чтобы не потерять себя.

— Пойдем.

Я шла по городу, ненавидя каждый дом, камень и встречающееся на пути беззаботное лицо очередного человека — любителя ночных прогулок. Сила Леса, с которым все еще сохранялась крепкая связь, несмотря на железо и кислотный арборицид, использующийся для полива дорог, угнетающе пряталась внутри меня, искала защиты у моей человеческой сущности. Она слабела с каждой минутой, которую я проводила в месте, где магия умирала.

Я добралась до здания, где держали Эррана. Оно все было покрыто железными листами, в которых отражалась луна. У входа стояли два охранника, которые одновременно уставились на меня с подозрением:

— Гражданка, вы тут чего делаете?

— Собаку выгуливаю.

— Выгуливайте где-то в другом месте, — сказал один.

— И вообще комендантский час для кого был введен? — поддакнул второй.

— Вообще-то, я пришла к вам специально. С подарком. — Я вытащила из кармана плаща горстку порошка и, пока охранники не забили тревогу, сдула его прямо на них. На меня пыльца валерианы и маков Бриды не могла повлиять, а вот на простых людей действовала как незамедлительное снотворное. Охранники закрыли глаза и захрапели, неуклюже прислонившись к стене.

Повезло, что они не упали, и теперь издалека казалось, что они все так же стоят на посту. Я, надев капюшон, подошла к железной двери, которая была заперта на несколько замков, и вложила несколько семян в выемку для ключа, потом сосредоточилась на магии. Ростки, слушаясь моего приказа, проклюнулись и сломали замок изнутри.

— Ждать. — приказала я Мосе и бросилась вверх по ступеням.

Они специально держали лесного царя наверху, чтобы он потерял связь с землей. От запаха химикатов слезились глаза, железная крошка покрывала ступени вместе с ржавчиной, и я пару раз неуклюже споткнулась из-за спешки. Но в конце концов все-таки добралась.

Я не сразу его узнала. А когда узнала, то содрогнулась от ужаса: насколько истощенным, измученным он выглядел, с этими кислотными ожогами на коже... Эрран сидел на коленях, склонив голову вниз, а отросшие волосы падали на лицо, скрывая его почти полностью — вплоть до посиневших бескровных губ. Руки были заведены за спину и скованы цепями, а на щиколотках висели тяжелые железные кандалы.

Вряд ли ему вообще давали еду и воду. И в таком состоянии он провел целых полгода.

— Эрран. — Я бросилась к нему и, упав на колени, обхватила его бледное и безжизненное лицо. — Эрран!?

Его глаза остекленели. Он посмотрел куда-то сквозь меня и не узнал. Как будто его здесь не было, и передо мной находилась лишь оболочка. Наверное, он ушел вглубь себя, чтобы не реагировать на внешний мир: пытки, холод и железо.

— Уходи. — вдруг хрипло произнес он.

Я вздрогнула.

— Ты фантом, сон, — повторил он надтреснутым голосом.

— Нет, Эрран, я настоящая. Я пришла за тобой, слышишь?

Он слабо отстранился от моих рук, но в его взгляде наконец промелькнула ясность.

— Тебя не может здесь быть.

— Но я здесь.

От моих рук потекла магия, собственная и та сила, которую еще мог передавать Лес через преграды города. Эрран задышал глубже и сам дернулся ко мне, как к источнику живительной энергии.

Кандалы были смазаны химикатами, которые я поспешно стерла подолом плаща, потом повторила тот же трюк, что и с замками внизу. Эрран, освободившись, сильно покачнулся и почти повалился на меня.

— Твои волосы, — пробормотал он, — они другие...

— Что, не нравятся?

— Мне... — он вздохнул, — мне все равно.

— Ты идти сможешь? — спросила я.

Он какое-то время просто дышал, ни на что не реагируя, потом слабо кивнул. Я изо всех сил старалась, чтобы мой рассудок не затуманился от счастья. Сначала надо выбраться, хотя бы выйти на воздух, подальше от железа, которое покрыло весь ворот водолазки, через который я старалась дышать.

До выхода мы спускались тяжело. Эрран старался сильно за меня не цепляться, поэтому двигался медленно, зато самостоятельно. Его глаза оставались равнодушными и даже безжизненными, как у загнанного зверя, но с кожи сходила потусторонняя бледность.

Когда мы вышли, стражники, к счастью, еще не проснулись. Ночь встретила нас тишиной, которая показалась мне зловещей, зато Мося сразу, виляя хвостом, бросился ко мне и ткнулся носом в ладонь.

— Кто это? — отстраненно спросил Эрран.

Мося лизнул его руку, чем даже меня удивил, и я пробормотала:

— Смотри, а ты ему нравишься... Но нам нужно скорее уходить отсюда.

Но мы не успели пройти и десятка метров, как тишина разорвалась оглушительной сиреной. Зажглись яркие ослепляющие фонари, и послышались крики людей. Я потянула Эррана и крикнула:

— Нам нужно бежать.

— Нам двоим не убежать, — спокойно произнес Эрран, указывая на толпу вооруженных людей, направляющихся прямо к нам. — Беги, я их задержу, ты успеешь добраться до леса.

— Ты в своем уме? — с ужасом воскликнула я. — Это же я должна тебя спасать.

— Тебе не следовало сюда приходить, — сказал он, но его голос утонул в грохоте выстрелов.

Пули ударились о невидимый барьер и отскочили. Эрран, полностью ослабевший, успел выставить защитный барьер, когда я даже о нем не сообразила, потому что была уверена, что никто не посмеет стрелять. Мося прижал уши и оскалился, а Эрран сильно покачнулся. Я сразу же попыталась передать ему часть своей силы, но та едва ли доходила до него, впитываясь в железо и отравленную землю и тратясь попусту.

— Ты научилась перемещению в пространстве? — отрывисто спросил Эрран, продолжая изо всех сил сдерживать заслон.

Я покачала головой и увидела на лице Эррана то, что никогда в жизни не хотела увидеть: разочарование и раздражение, которое, если честно, заслуживала такая самоуверенная идиотка, как я. Меня охватили страх, и что еще хуже — оцепенение. Неужели я просчиталась где-то, не увидела датчики движения, подставилась и всех нас погубила? Нет...

Я опустила на асфальт и попыталась достучаться до здоровой земли. Это заняло у меня колоссальных сил, но из земли вырвалось несколько десятков толстых дубов, стремительно увеличивающихся в размерах, которые загородили нас от стрелков. В глазах потемнело, и теперь уже я, поднявшись, вцепилась в Эррана, чтобы не упасть.

— Ты потратила почти все силы, — сказал он. — это выиграет нам всего пару минут. Или... — он посмотрел на небо, и побледнел — или нет.

Я подняла голову и с ужасом увидела настоящий вертолет. Почему-то, когда я смотрела на ночной городок, то не думала встретить такого сопротивления.

— Эрран, я...

Меня перебил животный рык. Мы с Эрраном повернулись и ошарашенно уставились на добермана. Ну, конечно... Как я могла забыть.

Подарок от Бриды.

Доберман рычал, увеличиваясь в размерах. И этот рык мог издавать либо страшный демон, либо самый настоящий дракон. Миг, и из его спины с треском появилась пара чешуйчатых крыльев. Он широко раскрыл их, превратившись в поистине пугающее существо, которое продолжало расти, пока не достигло размеров джипа.

— Что же ты сразу не сказала? — спросил Эрран потрясенно и почти радостно.

А я бы сказала, если бы знала. Брида явно предполагала, что мне доверять никакую миссию не стоит, поэтому предусмотрительно превратила моего пса в страшного зверя. Она спасла меня. Спасла всех нас. Ее отголосок появился тогда, когда я совсем отчаялась.

Эрран среагировал быстро: подхватил меня на руки и закинул на спину Мося, затем сел сзади, прижавшись к спине. Я вцепилась в загривок пса и перестала дышать, когда он взлетел. На мгновение мне показалось, что я падаю. Но ни доберман, ни Эрран мне бы просто не позволили упасть.

Доберман мчался по воздуху с такой скоростью, что его не только бы вертолет не догнал, но, наверное, отстал бы даже истребитель. По крайней мере, мне так казалось. Ветер хлестал в лицо, выдувая все мысли и чувства.

Все закончилось, теперь можно расслабиться. Эрран больше не в плену, я сделала все, что могла. Хотя я могла только все угробить своим безрассудством, потому что мы выжили лишь благодаря везению, моей нереальной удаче, счастливому стечению обстоятельств и, конечно, Бриде. Нас спасла Брида, это ее победа, и я полностью это признавала, потому что на титул спасителя не претендовала. Я просто хотела быть с Эрраном.

Доберман знал куда лететь. Главная поляна, где находилось Сердце Леса, было магнитом для каждого существа. Оно подсвечивалось в темноте и влекла заблудшие души.

Мося приземлился с размахом, взрыв лапами землю, и громогласно взвыл. Он будто сообщал каждому о возвращении лесного царя. Я спустилась со спины пса и, не удержавшись на ногах, упала прямо на траву.

Эрран встал рядом, глубоко вдыхая воздух. Ему требовалось время, чтобы осознать свое освобождение. К поляне начали стягиваться жители, изумленные и уже отчаявшиеся увидеть лесного царя дома.

Показалась Роза, которая, не выдержав эмоций, завизжала от счастья, а потом разрыдалась, громко и протяжно. Ей вторили десятки голосов с улюлюканьем, свистом, криком и другими звуками, которые могли издавать только неведомые создания. Да, меня они так не встречали...

Эрран улыбнулся, наконец-то светло и искренне, потом, больше не теряя времени, подошел к Сердцу Леса и положил руку на его корни. Цветок засиял ярко как никогда. Лесной царь еще долго стоял, мысленно разговаривая о том, о чем было ведомо только ему и Лесу. Я все это время не отрывала от него взгляда, как, впрочем, и каждый присутствующий здесь.

Эрран наконец убрал руки и развернулся. Я облегченно выдохнула, потому что к его лицу вернулась жизнь. Напряжение во мне почти рассеялось, особенно, когда он подошел ко мне и протянул руку. Тогда я поверила, что все наладилось, что счастье пришло, но...

— Спасибо, — сказал он, — ты достойная царевна.

Я глупо улыбнулась, а Роза, услышав его слова, в ужасе прикрыла рот.

— И это все?..

— А что еще ты бы хотела услышать?

Я поднялась и взглядела в царя с таким вниманием, будто действительно хотела отыскать кнопку, включающую прежнего Эррана.

— Я знаю, ты сделал что-то с чувствами ко мне. Но ты же можешь это исправить, да?

Он флегматично поморщился.

— Это не нужно ни мне, ни тебе. И я слишком устал, чтобы обсуждать с тобой различные вопросы. Поговорим при следующей встрече.

В тот момент в меня как будто выстрелили стрелой, пронзили сердце и выбили весь воздух из легких.

Глава 20. Проблемные бывшие

Следующей встречи не состоялось.

В первое время я, как дура, ждала его у дверей общих покоев, пыталась пересечься и поговорить, пока не поняла, что он намеренно меня избегал. Эрран, из-за которого так сильно болела душа, не хотел меня видеть. Оторекся от своих чувств, и в его жизни больше не осталось места для человеческой жены.

Но надо отдать должное Розе, она и правда пыталась поддержать.

— Ему нужно время, — повторила она уже в миллионный раз.

Я вымучила улыбку, которой привыкла улыбаться на вечерах и премьерах, чтобы никто не догадался о моем паршивом состоянии. Конечно, нужно время... Будто оно могло что-то исправить.

— Да, ты права.

Дриада обняла меня за плечи, стараясь утешить:

— Ты не должна грустить. Господин, он... Он заново полюбит тебя.

Хорошо, что все слезы я уже выплакала: ничего не осталось, лишь хроническая тоска. И от нее никуда не деться, не спрятаться. Я отчаянно притворялась, что все нормально, снова играла роль счастливой царевны.

Хотя, если честно, я собиралась на ближайшие дни запереться в комнате и страдать, но дриада прицепилась как репейник и почти насильно вытащила на свежий воздух. Как будто во мне были силы двигаться, даже ободряющий шепот Леса не мог собрать разбитое сердце.

Зато Мося радовался жизни. Доберман бежал по земле, а потом резко взлетал и цеплялся зубами за ветки, отламывая их. Некоторые разозленные деревья пытались поймать его за хвост, но пес проворно уворачивался. После приключения он, к счастью, вернулся к прежнему размеру, хотя крылья остались в качестве прощального подарка от Бриды.

Мы с Розы направлялись к озеру нимф, потому что там снова сгнуло несколько жителей, и я намеревалась вскипятить воду этим прожорливым рыбам. Дриада вызвалась сопровождать меня только для того, чтобы не допустить приготовления ухи. Она летела впереди, но остановилась, как только за деревьями показалось озеро.

— Что случилось? — спросила я.

Розы развернулась, и ее лицо выражало неподдельный ужас, какой я не видела со времен противостояния с человечеством.

— Давай развернемся? — воскликнула она, — мы забыли кое-что важное.

Дриада совершенно не умела лгать и только спровоцировала меня едва ли не побежать дальше, чтобы увидеть... Чтобы увидеть Эррана, окруженного похотливыми нимфами, в том числе и раздражающей рыжей бестией. Бывшая лесного царя открыто кокетничала с ним, нарушая все допустимые границы. Ее ладонь с длинными когтями лежала на его груди, в районе сердца, а большой палец гладил оголенную кожу.

Стало неприятно до рези в глазах.

— Только без глупостей, — Розы схватила меня за руку, но я быстро вырвалась.

— Все в порядке.

Ничего не было в порядке. Энергия пульсировала в жилах, как красные цифры на таймере бомбы. Я направилась к Эррану, с каждым шагом теряя хладнокровие, он заметил меня одним из первых и лишь с равнодушием кивнул, как будто приветствуя очередную нимфу.

— Идите прочь, — приказала я.

Нимфы ненавидяще прищурились, и либо у меня был слишком грозный вид, либо доберман у ноги производил опасное впечатление, но они попятились к воде. Только красноволосая осталась, ни капельки меня не испугавшись. Я еле сдерживала желание утопить эту рыбу в ее собственном пруду.

— С какой целью ты здесь? — без интереса спросил Эрран.

— Вот именно, — поддакнула нимфа и посмотрела на меня, как на ничтожество. — Что понадобилось лесной царевне? Или, может, за тебя скажет твоя короткокрылая приспешница? — она хищно улыбнулась Розы, которая тоже подошла, перепуганная и бледная.

— Вчера в озере утонуло два огра, — произнесла я, — это неприемлемо.

— Не притворяйся, что тебе есть до них дело, — оскалилась она, — ты просто...

— Хватит, — ледяной приказ Эррана оборвал ее на полуслове, — никто не имеет права разговаривать с лесной царевной в подобном тоне. Исчезни.

Нимфа непонимающе захлопала глазами, а я мысленно возликовала.

— Но... — она растерянно протянула к нему руку, но наткнулась на предупреждающий взгляд и послушно направилась к озеру. — Хорошо, господин.

Розы в этот момент облегченно выдохнула, потому что явно готовилась к кровавой расправе.

— Оставь нас, — попросила я, — хочу поговорить с мужем наедине.

Она замаялась на секунду, но затем подозвала к себе Мосю, и они вместе отошли на достаточное расстояние, чтобы не слышать наш разговор. Эрран покачал головой и ленивым движением пальцев создал вокруг нас купол тишины.

— Ты зря пришла сюда, нимфы не превысили лимит своих жертв, так что карать их не за что.

Я поморщилась, потому что терпеть не могла это дурацкое правило, разрешающее кровавые расправы и собиралась их запретить, однако сейчас меня волновало совершенно другое. От приступа ревности чесался даже позвоночник.

— Почему ты с ними здесь любезничаешь?

— Они просили вырастить новые ивы. Мы обсуждали место.

— Видела я, как вы обсуждали. Да они же соблазняли тебя среди бела дня! — голос все-таки дрогнул.

— И?

— Что значит и?

Эрран шагнул ближе и почти угрожающе наклонился. Я почувствовала его запах: дождливый лес, полевые цветы в конце лета, и в груди нестерпимо зажгло.

— Какое тебе дело до того, кто меня соблазняет? — спросил он. — Царь и царевна не обязаны хранить друг другу верность, а счастливой парой мы можем больше не притворяться, в этом уже нет смысла.

Я задохнулась от обиды и злости, еще раз взглянула на лесного царя и не узнала в нем своего Эррана.

— И что? Ты уже верность не хранишь?

Он мученически вздохнул и огляделся, будто не понимал, что здесь делает и почему тратит время на разговор со мной. Купол тишины стал еще более плотным, нарастив дополнительный слой.

— Если хочешь знать, была ли у меня близость с кем-то после тебя, то нет, пока не было. И больше я не хотел бы касаться этой темы.

— Пока не было, значит. Может, мне тоже сходить и найти... любовника!?

— Как считаешь нужным, и можешь не ставить меня в известность, мне это неинтересно.

Я жала кулаки, потом шагнула к Эррану и залепила ему смачную пощечину. Вышла она лихой и звонкой. На самом деле я была уверена, что он успеет отшатнуться или перехватит мою ладонь, но он даже не дернулся.

— И к чему это? — Эрран равнодушно провел по своей щеке, стирая след от удара.

— Ну включи ты свои чувства, — с надрывом попросила я, — ну вспомни, что ты любил меня. Ну пожалуйста. Я умоляю тебя.

По моему лицу текли слезы, и они обжигали, как лавовые реки. Эрран на несколько секунд взгляделся в меня, и на какое-то краткое мгновение его дыхание, я клянусь, стало более прерывистым, а пальцы дрогнули, будто он хотел коснуться меня, но... Но что-то оказалось сильнее.

— Не нужно меня умолять, — он пожал плечами, — и советую подумать, разумно ли лесной царевне быть столь импульсивной. Разговор окончен.

Вот у всех мужчины как мужчины, а мне достался упрямый бесчувственный булыжник.

— Почему? — глухо спросила я, хватаясь за край его черной рубашки.

— Потому что, — он не обернулся, лишь повернул голову, чтобы я видела его ровный профиль, — если я пошел на этот шаг, значит, в этом был смысл. Даже пребывая в заточении, я не отказался от способности испытывать чувства, которые доставляли мне боль: одиночество, отчаяние, тоска. Но я помню, что после твоего ухода, мне было хуже. Так зачем мне возвращаться к той слабости и боли?

— Тогда ты должен помнить, что тебе было также хорошо со мной. Я не причиняла тебе боль.

Это Эрран был тем, кто причинял ее, причем нам обоим.

— Не спорю, и я благодарен тебе за приятные моменты. Но я готов заплатить ими за покой и незатуманенный рассудок.

Он развернулся и направился к появившемуся порталу, а я осталась стоять, разбитая и униженная.

Листва деревьев успокаивающе зашумела, но Лес не мог унять моей тоски, и я побежала к Завесе, желая спрятаться в человеческом мире от ноши, которая оказалась слишком тяжелой, чтобы нести ее в одиночку.

***

У меня оставалось слишком мало крови инрога, чтобы ходить в человеческий мир и возвращаться обратно, а, значит, в какой-то момент мне придется навсегда попрощаться с родным миром, с местом, которое я долгое время называла домом. И ради чего? Ради Леса, магии и разбитого сердца. Может, оно того и не стоило...

Но пока не хотелось об этом думать, я успею еще оборвать все связи и сжечь мосты. Сейчас же оставался еще прежний дом, моя милая квартира, стены которой украшали награды, как напоминание об успешной жизни и актерской карьере, которая однажды привела меня к истинному предназначению, к роли всей жизни.

Я стояла у окна и смотрела на желтеющую березу, когда в двери звякнул замок. Арнольд часто приходил без предупреждения, но в последнее время складывалось впечатление, что он следит, когда я ухожу и возвращаюсь. В другое время это бы заставило меня насторожиться, но сейчас голову занимали иные проблемы.

— Надя, — сказал Арнольд, почти бесшумно войдя на кухню, — давай поговорим?

Я развернулась и сложила руки на груди, становясь в закрытую позу. Из-за приоткрытого окна дул сквозняк, неприятно ударяясь о лопатки, но в то же время он странным образом придавал мне сил.

— О чем именно?

Он не сразу ответил, сначала обвел взглядом кухню, как будто искал следы преступления, особенно внимательно присмотрелся к термосу и тяжело вздохнул, усаживаясь за стол. Я заметила его кивок в сторону свободного стула рядом, но даже не сдвинулась.

— Твоя карьера идет под откос.

Конечно, карьера. Бывший парень недалеко ушел от Эррана, они оба говорили про работу, ответственность, но никогда о моих чувствах.

— Арнольд, хватит. У меня бессрочный отпуск, социальные сети без меня переживут, новые контракты заключать не планирую.

— Что с тобой происходит, родная?

Он неожиданно протянул руку вдоль стола и взял термос. Я не успела среагировать и остановить Арнольда, и он, понюхав содержимое, быстро отпил его, потом сразу же скукожился:

— Что это? Стухшая вода?

— А это не твое дело. — я забрала термос и засунула его в сумку. — Тебе не говорили, что нельзя брать чужие вещи?

Сколько глотков он сделал? Два, три? Теперь тот самый день, когда я уже не смогу покинуть Лес, только приблизился.

— Разве мы с тобой уже чужие? Мы были целый год вместе, пока ты не решила все разрушить. Нашу общую карьеру, репутацию, нашу любовь.

— Любовь? Ты ведь совсем не любил меня. — ответила я, все больше раздражаясь. — Тебе было выгодно со мной встречаться из-за популярности, пара в кино, пара в жизни... Тебе и сейчас выгодно. Да, спасибо, что по моему обо мне заботился, но мы никогда не подходили друг другу.

Арнольд нахмурился, продолжая рассматривать меня, как сюрреалистичную картину в музее.

— У тебя действительно кто-то есть?

— Да, я люблю другого мужчину, всегда любила только его. — Я направилась в прихожую и сняла с вешалки пуховик. Изначально я собиралась взять несколько коробок с вещами, чтобы перевезти их за Завесу, но при бывшем парне теперь это сделать не получится.

— Ты едешь к нему? — спросил Арнольд и, подойдя ближе, вцепился в куртку. — Я почти уверен, что это из-за него прогрессирует твоя болезнь.

— Это уже мое дело, — я ударила его по руке.

Арнольд уязвлено поморщился и отступил, но затем вышел со мной на лестничную площадку. Он молчаливо следил за тем, как я закрываю дверь и нажимаю на кнопку лифта.

— Еще раз прости. И прощай.

Я надеялась, что вижу его в последний раз. Почему-то в глазах скопились слезы, которые больно закололи на улице из-за мороза. В Лесу в это время было еще тепло, как в конце лета. Такси подъехало, и я нырнула в согретый печкой салон, ни разу не оглянувшись.

Граница находилась в лесу, недалеко от трассы. Конечно, люди, которые жили на магической стороне, были предусмотрительными и на их земли можно было въезжать на машинах, а вот чтобы попасть сразу в Лес, приходилось мерить шагами лес в человеческом мире.

Я надела наушники, включив музыку на максимум, чтобы она заглушала бессвязный шум в голове, поэтому не сразу заметила, что меня преследуют, а вот когда заметила, было уже поздно. К тому моменту я уже преодолела Завесу и готовилась вызвать портал.

Но, оказывается, все это время Арнольд следил за мной, он тоже пересек границу и теперь шел по пятам по Лесу. Его присутствие я скорее почувствовала, потому что магический мир обострял все ощущения, потом запоздало вспомнила, что он выпил разбавленную кровь инрога.

Какой же бестолковой нужно быть, чтобы настолько задуматься и ничего не замечать... То же мне, царевна!

Я выдернула наушники и резко обернулась, Арнольд не успел спрятаться и понял, что его заметили.

— Надя! — вскрикнул он и быстро подошел. — Что это за хрень? — он обвел взглядом пространство вокруг. — Что это за растения!? Сюда явно сбрасывают радиоактивные отходы. Ты куда вообще нас завела?

Арнольд был явно обескуражен, но ему еще повезло, потому что в этом районе Лес пока не сильно отличался от человеческого, будто бы пытаюсь сохранить зеркальность у границы. Но, конечно, тут уже попадались непривычные растения и деревья-гиганты.

— Ты следил за мной? — спокойно спросила я, но это спокойствие мне стоило многих усилий.

— Естественно, да. Мне же нужно знать, куда ты уезжаешь, сначала я думал, что ты шатаешься по лесу из-за шизофрении, но теперь понял, что ты стала зависима от местных химикатов. Тут явно какие-то ядовитые пары, — он намеренно избегал смотреть на разноцветный полупрозрачный плющ, который извивался, как змея, оплетая бедную елку.

— Какой же ты балбес, — я схватила Арнольда за руку и потащила его в обратную сторону, — идем.

— Тут еще и связь не работает. — пожаловался он и, остановившись, сфотографировал плющ. — С тобой тоже недолго чокнуться. Может, если ты здесь часто шаталась, то облучилась? Но когда вылечим твою голову, ты мне еще спасибо скажешь.

— Арнольд, ты мне спасибо скажешь, если я успею тебя отсюда вытащить, — рычала я, пока тянула его до границы. Если его человеческий запах кто-то учует, то проблем мы точно не оберемся.

Но, конечно, по закону жанра из Леса мы выбраться без проблем не смогли. Буквально в десяти шагах от границы, которая дружелюбно встречала нас веселыми бликами, появился лесной царь собственной персоной. Я остановилась и машинально сжала ладонь Арнольда, да с такой силой, что его костяшки хрустнули.

Эрран посмотрел на наши скрепленные руки и мрачно усмехнулся. Он был одет во все черное, поэтому казался хмурым палачом или темным принцем.

— Ой, здравствуйте, вы нас напугали, — произнес Арнольд с наигранной бравадой, — Я вас даже почему-то не заметил, вы так стоите тут посреди леса. Дорогая, а ты его видела, пока мы шли? — тихо спросил он у меня.

— Нет.

— У нас гости? — любезно спросил Эрран.

Я поджала губы и с мольбой посмотрела на него, надеясь, что он сжалится и просто исчезнет.

— Подожди, вы знакомы? — опешил Арнольд.

— Да.

Просто отвратительный день. Для полного счастья не хватало только Каллиаса, хотя не удивлюсь, если он тоже вылезет из кустов, чтобы поглумиться надо мной. Странно, и как это он только упустил минуту моего позора.

— Постой, это ты с ним что ли в лесу встречаешься? Еще один неадекватный, как и ты? И это его ты любишь и всегда любила? — он посмотрел на Эррана и на несколько мгновений даже приуныл. Конечно, лесной раз выглядел эффектнее и красивее, и несмотря на совершенно безумную ситуацию, Арнольд это заметил, — к нему ты ехала?

— Вышло недоразумение, — сказала я, продолжая смотреть только на лесного царя, и тот произнес:

— Другим людям запрещено здесь находиться, и ты это знала.

Честно, звучало, как обвинение в предательстве Родины.

— Мужчина, послушайте. Если тут закрытая территория, государственные тайные эксперименты проводят и всякое прочее, то поверьте, я не знал. Мы сейчас уйдем.

— Кем вы ей являетесь? — вдруг спросил Эрран.

— Жених, — сразу же отреагировал Арнольд.

Я внутренне завизжала от стыда и неловкости.

— Даже так? — Эрран улыбнулся.

— Что!?! — зашипела я и выдернула руку. — Нет! Ты что несешь!?

— Мы встречаемся уже год, и у нас все серьезно. — Арнольд продолжил меня подставлять. — А какое вам дело? Вы ей кто?

— О, не переживайте, всего-навсего супруг.

Наверное, такие идиотские ситуации могут случиться только со мной. Со стороны происходящее определенно смотрелось комично. Встретились как-то трое случайно в лесу...

— Простите? — растерялся Арнольд.

Настроение общаться у Эррана иссякло, и он одним взглядом лишил Арнольда чувств. Тот покачнулся, и мне пришлось его подхватить, чтобы уложить на землю. Лесной царь подошел и отточенными движениями провел по лбу бывшего, а затем вырастил цветок памяти.

— Твой жених забудет все, что произошло до того момента, как он пришел на эти земли.

Из земли выросли огромные корни и потащили Арнольда до границы, чтобы вышвырнуть его за пределы Леса, как мешок с мусором. Я все это время пристыженно молчала, но под конец не выдержала:

— А можно как-то осторожнее?

Эрран смерил меня снисходительным отчужденным взглядом и сказал:

— Повторяю, он все забудет. И не вспомнит, — он раздавил цветок, который тут же превратился в пыль. — Второй раз такой трюк не пройдет. Скажи, ты вела его к границе, совершенно не подумав о том, что он долго не протянет в человеческом мире после того, как познал магию?

Я действительно не подумала о том, что Арнольд теперь бы не продержался в человеческом мире и дня, потому что меня заботило лишь желание поскорее выпроводить его, пока Эрран не узнал... Очень глупо с моей стороны, признаю. Но рано или поздно до меня бы дошло, что нужно стереть у Арнольда память.

— Я растерялась. Не знала, что он следил за мной.

— Он смог пересечь границу, а значит, он пил кровь инрога.

— Я ему ее не давала, он сам случайно выпил. Все так по-дурацки вышло... Но это моя вина, прости.

Эрран задумчиво взъерошил волосы. У меня сжалось сердце от того, насколько этот жест был знакомым, родным.

— Послушай, я все объясню.

— Зачем? — спросил он. — Не нужно ничего объяснять. И да, вы друг другу подходите. Жаль, что не сможете быть вместе.

— Мы друг другу не подходим, и нет, не жаль.

Эрран проигнорировал мои возражения.

— Ты была с другим целый год, а у меня требуешь верности?

— Я тебя не помнила.

— Неужели? Но я ведь тебе снился. — Он усмехнулся, заметив мое замешательство. — Каково это, быть с одним, а сны видеть с другим?

— Отвратительно, — честно ответила я. — Но откуда ты знаешь, что снился мне?

— Ты мне снилась.

— Но ты же отключил чувства ко мне.

Эрран пожал плечами.

— На сны это почему-то не распространялось, но не будем об этом. Тебе стоит идти к любимому и быть с ним, когда он очнется. Кровь инрога осталась на путь туда и обратно?

Мне многое хотелось сказать Эррану, заставить его поверить, что между мной и Арнольдом совершенно ничего нет, но смысла в этом тоже не было.

— Да.

— Прекрасно.

Я отвернулась от Эррана и сделала пару шагов к границе, но тут вспышка злой обиды вынудила произнести:

— А знаешь, мы с ним и правда были весь этот год просто чудесной парой.

Это было сказано просто так, без особых намерений, но...

— Стой. — Эрран вдруг схватил меня за руку и развернул обратно, и его зрачки расширились от злости.

Мы молчаливо замерли друг напротив друга: Эрран боролся с чем-то внутри себя, чем-то сильным и холодным, а я боялась сделать лишнее движение, чтобы случайно не заставить его проиграть.

— Хотя нет, — его плечи устало опустились, — иди.

Я почти заплакала от разочарования.

— Что, так просто отпустишь меня к другому?

— Ты вольна делать свой выбор.

— Я давно выбрала тебя.

Эти слова что-то изменили — я увидела это по трещинам, пробежавшим по его холодной маске. Он вдруг превратился в потерянного, незащитного юношу, бесконечно печального, которого я видела во сне, но эти мгновения долго не продлились.

— Нет, — он повысил голос, — хватит, ты же все рушишь.

— Постой, — я схватила его ладонь, — это надо разрушить, понимаешь? Вспомни, как ты любил меня.

Он вздрогнул и с тихой яростью сказал:

— А если я ненавижу тот день, когда полюбил тебя?

Я отшатнулась, как от удара, и Эрран невольно дернулся ко мне, как будто хотел удержать или остановить. Он пожалел... Он действительно пожалел о своих словах, я это сразу поняла, но Эрран прикрыл глаза и отвернулся.

Затем и вовсе поспешно ушел, а я будто снова проснулась после кошмара, в котором он меня покидал, уже навсегда. Больно, очень больно и до тошноты тоскливо.

Может, тоже стоит отключить чувства? Если так жить и правда легче, потому что на страдания у меня не хватало сил.

Глава 21. Пятое озеро

— Пятое озеро? — Роза удивилась моему вопросу. — Почему ты спрашиваешь про пятое озеро?

— Я была на всех главных озерах, кроме последнего, поэтому очень хочу на него взглянуть. Ты что-то знаешь?

Эрран обещал меня отвести туда, и я искренне мечтала, что он сдержит свое слово, однако реальность оказалась куда прозаичнее. Это в счастливых историях любви близкий человек приглашает тебя любоваться на чудо природы, разделяя с тобой моменты радости, разделяя любовь. В моем случае я исполню собственное желание сама.

— Это опасно, — неожиданно сказала Роза и с мольбой в глазах сжала мою ладонь, — обещай, что не пойдешь.

— Почему же? Я ведь лесная царевна, никто не смеет мне навредить.

— Лес не властен над пятым озером, — покачала головой Роза, — его создала Брида, а, как тебе известно, она не подчинялась правилам.

Сердце больно кольнуло из-за воспоминания о ведьме, которая, даже плененная, сумела остаться свободной и вырвалась из своей тюрьмы, намереваясь возродиться в моем будущем ребенке. Только вот Брида просчиталась: ребенка у меня не будет, потому что я осталась без мужа и решила навсегда исполнять роль только лесной царевны, но никак не матери.

— Говорят, пятое озеро может исполнить любое желание, но только в том случае, если раньше не сведет с ума. Пожалуйста, не ходи туда.

— Оно далеко?

— Озеро находится рядом с запретными дикими местами, что также опасно. Госпожа, вы хоть немного меня слушаете!?

— Розы, — я обняла ее крепко-крепко, — спасибо, я всегда тебя слушаю и очень-очень тебе благодарна за все. Дриада смущенно покраснела и отвела взгляд, забавно заправляя копну волос за удлиненные уши. Она безоговорочно поверила, что я никуда не собираюсь идти. Обманывать Розы всегда было до неприличного просто.

— Надя, ты же обещаешь? — вдруг спросила она, все-таки заподозрив неладное. — Ты не пойдешь?

— Розы, я обещаю.

— Хорошо. Кстати, я тут подумала, может, нам поужинать втроем, как в старые добрые времена? Ты, я, Эррен. Ну и Мося, конечно. Я спрашивала господина, и он согласился.

Я неопределенно пожала плечами: очередной совместный ужин ничего не изменит, а постоянным молчанием и равнодушием я сыта по горло. Но Розы отсутствие отказа приняла за согласие, поэтому радостно вспорхнула и улетела готовиться к ужину. Я же повернулась к открывавшемуся порталу. Лес предупреждающе шумел листвой, но не смог остановить меня от шага во тьму.

Пятое озеро.

Таинственная жемчужина Леса, принадлежащая ему, но живущая по своим правилам. Творение Бриды, которая никому и никогда не подчинялась.

На первый взгляд, оно было самым простым по сравнению с предыдущими: в нем не жили нимфы с водяниками, его вода не успокаивала, не лечила раны. Оно просто было: голубое, как осколок небо, и тихое, как древняя магия, которая уснула навечно.

Оно не сможет мне навредить, не сведет с ума, потому что грозная сила Леса, циркулирующая в венах вместе с кровью была сильнее уснувшего озера, чья создательница давно рассыпалась в пыль. Розы ошибалась, когда думала, что оно может оказаться сильнее меня. Ничего страшного не случится, если я подойду ближе.

Над водной гладью нависал старый каменный мост, покрытый плесенью и мхом. Бортиков не было, а края осыпались, и едва я ступила на мост, пара камней сорвались в воду. Только когда послышался всплеск, я осознала, насколько вокруг было тихо. Ни один звук не смел потревожить озерную колыбель.

Я остановилась на середине моста и подошла к самому краю, чтобы взглянуть на свое отражение.

— Привет, говорят, ты исполняешь желания? Ты ведь вернешь моего лесного царя, да?

Отражение только всколыхнулось на незаметных волнах, и по его щекам потекли слезы, блестящие и большие. Я вытерла лицо и громко, совсем не по-царски шмыгнула носом.

Меня охватило отчаяние, так много отчаяния, к которому я никогда не смогу привыкнуть. Приходить к далекому озеру в надежде, что оно исполнит желание, это очень глупо и даже нелепо.

Я была такой жалкой, что не имела права даже находиться в Лесу. Любая другая девушка больше заслуживала быть царевной, чем я. Эрран поступил правильно, когда отказался от такого ничтожества вроде меня. Он спас себя от чувств к человеческому убожеству, и на его месте мне было бы стыдно признавать, что я могу быть как-то связана с такой нелепой, глупой и наивной дурой...

Я схватилась за голову, с запоздалым ужасом понимая, что это были не мои мысли... Точнее мои, на так глубоко запрятанные в темные, закомплексованные участки души, что их голос никогда не был таким громким и таким сильным. Теперь же он управлял мной.

Но он говорил правильные вещи. Я сделала все, что должна была сделать для Леса, и последняя моя обязанность это навсегда освободить его от себя, избавить Эррана от невыносимого ему общества.

Пара шагов к краю дались мне с легкостью, и только третий, последний оказался сложным. Я словно натолкнулась на паутину, удерживающую меня от падения. Даже утонуть достойно не получалось, всегда возникали какие-то проблемы. Ненависть к себе начала вкручиваться в лопатки, подталкивая дальше. Ну же, всего лишь шаг.

— Надя.

Я посмотрела на берег и увидела на нем Эррана. Он стоял и смотрел прямо на меня, впервые за долгое время он смотрел на меня. Я улыбнулась широко и печально, потому что это была моя последняя улыбка. Значит, принятое решение оказалось верным, раз Лес в награду позволил увидеть Эррана. Что ж, пора... Еще один шаг был сложным, но хорошо, что он был и последним.

— Прощай, — прошептали мои губы.

Эрран что-то закричал, но вода не позволила расслышать слова, она сомкнулась над моей головой и поволокла вниз, ко дну, хотя вряд ли дно было, потому что мои легкие начали гореть, когда ноги еще не достигли песка или камней.

Измученное сознание долго металось в голове, но потом сдалось и позволило мне погрузиться в забытье.

Это могла бы быть красивая и печальная история о том, как первая в истории Леса человеческая царевна утонула в холодной воде озера вместе со своим разбитым сердцем.

Но это не моя история.

Я же открыла глаза и увидела чистое вечернее небо. Платье промокло, и песок неприятно колотил замерзшую спину. Приподнявшись на локтях, я увидела мокрого и злющего Эррана, который сидел рядом и тяжело дышал. Да, он был просто в ярости. С черных волос капала вода и буквально испарялась, когда попадала под его горящий взгляд.

Если бы Эрран только что меня не спас, то я бы поверила в его намерение меня прибить.

— Что произошло? — спросила я, откашливая воду.

— Ты у меня спрашиваешь? — он шумно перевел дыхание. — Это ты пыталась себя убить.

Я посмотрела на озеро, которое все еще тихо плескалось в голове разрушающими мыслями. Ужас от того, что могло произойти, постепенно накатывал, но недостаточно сильный.

— Как ты понял, где я?

— Ты не явилась на ужин, и дриада предположила, где ты можешь быть.

Что ж, лесной царь, как всегда, пришел вовремя и снова мне помог. Наверное, он считает своей обязанностью спасать меня.

— Ясно.

— Что тебе ясно!? — Эрран схватил меня за подбородок и повернул к себе, когда я отвернулась, и в его голосе слышались раскаты грома. — Чем ты думала, когда пошла одна к озеру?

— Потому что тебя рядом не было.

— Что? — растерялся Эрран, — я не должен постоянно находиться рядом с тобой.

Меня начала бить дрожь, и я мотнула головой, отшатываясь от его руки. Хотелось отползти как можно дальше от лесного царя, но я не могла, потому что предательское тело куда сильнее желало прижаться к нему.

— Ты же обещал сводить меня сюда, обещал.

— Это было при других обстоятельствах, — он нахмурился, — и не давало тебе права приходить к опасному озеру. Ты по-прежнему человек, и подобные выходки слишком безрассудны даже для тебя.

— Зачем ты меня спас? — выдохнула я. — Ну почему просто не позволил исчезнуть!?

Потом меня словно прорвало. Я разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Хватит, — сказал Эрран, — прекрати.

— Уходи, — взмолилась я, — просто оставь меня.

— Нет. — Эрран убрал ладони от моего лица, но я все равно зажмурилась, чтобы его не видеть. — Перестань плакать.

— Да какого черта я должна переставать плакать!? Почему ты мне запрещаешь?

— Потому что твои слезы делают мне больно, — тихо произнес Эрран.

Я ожидала любого ответа, кроме этого, поэтому просто раскрыла глаза и уставилась на лесного царя в полном изумлении. Эрран тоже выглядел изумленным, как будто сам не ожидал от себя подобных слов. Но ведь что-то же заставило их сказать.

— Когда ты перестанешь приносить мне боль? — через какое-то время задумчиво спросил он и провел большим пальцем по моей щеке, наверное, напоминая себе — каково это, прикасаться к лесной царевне.

— Когда ты позволишь мне утонуть, — с уверенностью ответила я, а потом прильнула к его губам. Черт, как же я по ним соскучилась.

Эрран не возражал, но и не отвечал на поцелуй, все еще оставаясь равнодушным манекеном. Хотя он не отстранился, не оттолкнул меня, и это дарило мне нелепую надежду на то, что моей любви хватит на двоих. Должно хватить.

Я целовала отчаянно, с изнеможением, пытаясь отомстить, передать всю боль и разочарование, которые лесной царь заставлял меня испытывать. Конечно, была не только боль, было еще и другое чувство, которое искренне ждало взаимности.

Моя рука легла на его грудь, и символ на запястье начал приятно покалывать. Сердце Эррана по-прежнему билось в такт моему. Его магия и моя стремились навстречу друг другу, я нырнула за своей магией, которая превратилась в путеводную нить, погрузилась в какофонию чувств и ощущений, ярких и невнятных, а затем со всей силы натолкнулась на прочную холодную стену. Я достигла дна.

Значит, вот как он выключил чувства ко мне? Поставил стену? Она ощущалась непробиваемой, но... Я поняла, что могу ее разрушить.

— Не...не смей.

Эрран догадался, что я задумала. Он попытался отстраниться, но я крепко обхватила его голову и опять

поцеловала, взывая к магии Леса, к озеру, к своей магии и ко всей гамме чувств, на которые только было способно мое человеческое сердце.

Когда-то его поцелуй спас меня после опустошения на свадебной церемонии, теперь мой поцелуй обязан спасти его от равнодушия.

— Я люблю тебя, — прошептала я, — люблю и до самой смерти буду любить, и даже после нее.

Магия Леса, моя магия билась о стену с внешней стороны, и по ней шли глубокие трещины, но в тот самый момент, когда я успела испугаться, что не справлюсь, сила Эррана, яркая, безудержная, разорвалась изнутри.

Стена рухнула под таким натиском, задрожала и рассыпалась, словно никогда и не существовала. Эрран содрогнулся и, отшатнувшись, посмотрел на меня с таким растерянным видом, словно совершенно не понимал, как здесь очутился. Но его глаза... Наконец-то его глаза не казались остекленевшими. Он вернулся.

Мой лесной царь вернулся.

— Привет. — выдавила я и всхлипнула, не понимая, что чувствовать, и не доверяя одержанной победе.

Все не может быть так хорошо, что-то обязано пойти не так... Но Эрран вдруг бросился ко мне, чуть не повалив обратно на песок.

— Надя? — он обхватил мое лицо ладонями и всмотрелся в него, будто не видел целую вечность.

Я заплакала, совершенно шокированная теплотой и безграничной нежностью, которыми лучились его глаза, родные глаза, по которым я так тосковала. Он прижал меня к себе крепко-крепко, пытаюсь спрятать от всего мира.

— Я не... Ты не... Пожалуйста, прости меня. Прости. — горячо заговорил он, и голос его дрожал от эмоций и тяжелого дыхания.

— Эрран, — прошептала я, цепляясь за него и не видя ничего из-за застилающих слез, — это правда ты?

— Прости меня, — еще раз повторил он, — но ты... Ты же могла умереть из-за меня, — его голос оборвался, и я по-настоящему испугалась, что теперь уже мне придется вытаскивать его из озера.

— Нет, Эрран, нет, — я быстро поцеловала его, — я жива, все хорошо, и какое счастье, что ты вернулся, но какой же ты все-таки негодяй, что посмел разлюбить меня. Ты просто мерзавец.

Он снова обнял меня и поцеловал в макушку. Его руки успокаивающе гладили меня по спине, но подрагивали от эмоций. Ни Эрран, ни я никак не могли прийти в себя и поверить в реальность происходящего.

— Скажи, что любишь меня, — попросила я, — скажи.

Эрран не заставил долго ждать и прошептал:

— Я люблю тебя. Люблю тебя, люблю тебя. — он начал целовать мои глаза, щеки, губы. — Как же сильно я люблю тебя, моя царевна, моя Надежда.

Мы целовались до иступления, пока не перестало хватать воздуха. Но нам все равно было мало этих поцелуев, прикосновений, всего, потому что наши сердца, пусть и такие разные, уже успели познать особое чувство, выходящее за рамки осознания, которое навсегда их соединило и наделило вечной жадой друг по другу. И если одно сердце перестанет биться, сразу же перестанет и другое.

— Я люблю тебя, — повторил Эрран в тысячный раз.

— Хорошо. Будешь говорить это каждый день. Утром и вечером.

— И в обед, — добавил он.

— И в обед, — согласилась я и всхлипнула.

Мы плакали и целовались, сидя в обнимку у озера, которое все-таки умело исполнять желания, а вокруг нас расцветали всевозможные цветы, украшая творение Бриды, ведьмы, что в конце концов оказалась права.

Наша магия и Лес праздновали очередную победу любви.

Глава 22. Под звездами

Эрран и доберман подружились. На удивление, Мося принял его сразу и безоговорочно, признав своим хозяином, из-за чего я даже начала ревновать. Что Эррана, что пса, потому что в определенные моменты мне казалось, что они проводят время друг с другом, а не со мной.

Но это была именно та жизнь, о которой я не могла и мечтать.

Мы часто поднимались на самое высокое дерево в лесу, чтобы побыть ближе к звездам. На последней ветке Эрран обустроил уютное место для нас двоих: столик и мягкие кресла, над которыми летали тусклые шаровые молнии, освещающие пространство и согревающие своим ненавязчивым теплом.

Но обычно мы садились у самого края и свешивали ноги, любуясь небом. Земли не было видно: только облака, стелющиеся как вязкий туман.

Сегодня вечером Эрран тоже привел меня сюда, в одну из самых долгих ночей, чтобы мы провели ее у звезд. Мося, который теперь летал чаще, чем бегал, устроился на одной из нижних веток, развалившись, как кот, и задремал, иногда порывивая, когда очередная заблудившаяся молния подлетала совсем близко.

— Ты не замерзла? — спросил Эрран, обнимая меня за плечи.

— Нет, — я покачала головой, но крепче к нему прижалась. Из-за магии холод никогда уже не будет

доставлять неудобств, однако тепло, которое я испытывала рядом с мужем, магия создать не могла. — Как красиво... Скоро начнется Звездосвет.

— Но в этот раз мы отпразднуем его, как полагается, — улыбнулся Эрран, глядя на меня с нежностью, — наконец-то вместе.

— Ну-у... — я лукаво усмехнулась и чмокнула его в губы, — мы его уже однажды праздновали вместе, и кое-что из того праздника я бы повторила.

— Хм-м... — он сделал вид, что задумался, а потом, приподняв меня, усадил на свои колени, — не припоминаю того, что можно повторить. Может, напомним?

Я засмеялась и взъерошила его волосы. Никак не могла привыкнуть к тому, что все плохое осталось позади и я могу касаться любимого тогда, когда захочу, сидеть с ним в обнимку, любить и ни о чем не тревожиться. Не проходило и дня, когда я сама себе не завидовала.

— Кстати, — Эрран перестал на меня смотреть и перевел взгляд в пустоту, — сегодня я узнал, что Брида исчезла. Все маки завяли, и вся магия ее поляны развеялась.

Я напряглась, потому что так и не рассказала Эррану про Бриду, наверное, потому, что сама не хотела верить, что великая ведьма, которую мне так и не удалось узнать, исчезла, чтобы возродиться вновь моим ребенком. Говорить об этом Эррану почему-то было страшно, будто бы я тогда, согласившись на условие Бриды, решила все за нас. Но теперь тяжелый разговор нельзя было откладывать.

Я попыталась угадать настроение Эррана, но не обнаружила ни грусти, ни радости, только равнодушие.

— Ты расстроен? — спросила я.

— Вовсе нет, — он пожал плечами, — просто это неожиданно и странно. Брида была всегда и тут вдруг исчезла, а ведь я так и остался должен ей услугу. Да и ты... — Эрран внимательно на меня посмотрел, и я отвела взгляд, — ты не выглядишь удивленной. Ты что-то знаешь? — в его голосе прозвучала тревога, которая заставила меня занервничать.

— Да, я была тогда, когда она исчезла. Брида просила передать, чтобы ты назвал нашу дочь, когда она родится, ее именем.

— Но в чем смысл? — Эрран искренне удивился и положил руку на мой живот, как будто желая защитить еще не рожденного ребенка.

И тут я вдруг испугалась, потому что не знала, как отреагирует лесной царь на известие, что его первое дитя это ведьма, которая сможет стать угрозой для всего Леса. Неизвестно, что задумала Брида, однако... Однако я была ей обязана и благодарна и любила свою дочь, которой до рождения оставалась пара месяцев. Она ни в чем не виновата, и я не хотела подвергать ее отцовской предвзятости, поэтому солгала Эррану в последний раз в своей жизни, превратившись на миг из лесной царевны обратно в актрису.

— Не знаю, — улыбнулась я буднично и потрепала его за щеку, — она сказала, что устала от жизни, хочет уйти на покой, однако не взять с тебя услугу просто не может. Думаю, Брида хотела, чтобы ее имя не забыли... И вообще, оно красивое, мне нравится.

Эрран долго на меня смотрел, пытаясь поймать хотя бы намек на неискренность, но, не обнаружив его, закрыл глаза и прижал меня к себе, как будто я была самым ценным сокровищем. И только падающие звезды были свидетелями моей лжи... Они все понимали, поэтому осуждающе сверкали над головой, но оставались безмолвными, как и всегда.

Я вздохнула и позволила себя отпустить мысли, чтобы те улетели далеко-далеко и упали где-то вместе со звездами. Я по-прежнему счастлива, все хорошо.

Над нами безграничное небо. Между нами такая же безграничная любовь.

И я надеюсь... Я верю, что так будет всегда.

Больше книг на сайте - Knigoed.net